

ЗЕРКАЛО БРАХМЫ

Духовные поиски в Индии
двадцатого века

АТМА ТАТТВА ДАС

Однажды царь полубогов, Индра, и царь демонов, Вирочана, обратились к Брахме, желая обрести знание об атме, или своем собственном «Я». Решив проверить, насколько они разумны, Брахма сказал, что «я» – это отражение, которое мы видим в зеркале или в сосуде с водой. Глупый Вирочана довольный вернулся в свое царство и был провозглашен гуру среди демонов. Демонам такие ложные идеи пришлись по душе. Индра же, после долгих раздумий, остался неудовлетворен ответом Брахмы. Он вернулся к нему, чтобы обрести истинное знание о себе, как о вечной душе.

Чандогья Упанишад

Этот рассказ написан на основании реальных фактов, но некоторые имена, названия мест и события были изменены.

Глава I СВЕТ МИСТИЧЕСКОГО СИЯНИЯ

В 1968 я переехал из отчего дома в Коймбаторе в дом своего дяди, С. Баласубраманиана, в город Ернакулам, штат Керала. Недавно я получил работу в «ТВС» (Т.В. Сундарам Луенгар и Сыновья), лидирующей автомобильной корпорации в Южной Индии. Я показал себя как многообещающий служащий на фабрике в Коймбаторе, и мой дядя, входящий в руководство «ТВС», устроил мой перевод в только что открытый филиал компании Сундарам Индастрис в Каламассери, недалеко от Ернакулама. Дядя был исполнительным директором, и я вошел в Сундарам Индастрис с наилучшими рекомендациями. Мне было семнадцать, и я был рад новому назначению и перемене обстановки.

Мне нужно было сменить атмосферу. Мой подростковый роман (нечто, что до сих пор еще редко встречается в Индии, где большинство подростков женят родители) только что завершился катастрофой. Она была баядеркой (танцовщицей), их семья жила недалеко от нас в Коймбаторе. Ее низкий социальный статус пробудил во мне сочувствие – в индийском обществе баядерки всего лишь ступенькой выше, чем проститутки. Я воображал себя ее Прекрасным Принцем и собирался жениться на ней, чтобы спасти от несчастной судьбы. Но я узнал, что из-за того, что отец девушки был алкоголиком, он не способен был содержать семью. Поэтому мать обучила ее проституции, чтобы зарабатывать на жизнь. Я, молодой брахман с хорошей работой, только мешал этому бизнесу.

Я жил в семье моего дяди 6 месяцев. Этого времени было достаточно, чтобы улучшить мой Малайалам, язык Керала. Я немного знал его раньше, потому что мои родители были тамильцами, родом из Керала. Все это время дядя обеспечивал меня всем необходимым, поэтому я мог посылать почти всю мою зарплату родителям. Но когда я уже мог достаточно хорошо говорить на Малайалам, я переехал в коттедж, который снял сам в Каламассери. Я жил экономно и продолжал посылать домой значительную часть моей зарплаты.

Мне сразу же понравилось мое новое место жительства. Керала – это цветущий край, где есть горы и джунгли, длинный тропический райский пляж, который был гораздо приятней для глаз, чем леса вокруг Коимбатора. Но меня привлекла не только местность. Там было нечто, что ощущается, но не поддается объяснению... что-то первозданное и мистическое.

Позже я пришел к заключению, что это была некая внутренняя сила и удивительное спокойствие, которые я заметил в людях, имеющих религиозные убеждения. Но я чувствовал, что мне нужна более глубокая мотивация, прежде чем принять какую-либо веру и стать приверженцем религии. Честно говоря, меня и не особенно интересовало обращение в какую-либо религию. Зарабатывать деньги, жить в свое удовольствие, общаться с

Ернакульской толпой молодежи на уик-энд – все это делало мою жизнь достаточно полной.

Однажды утром в офисе я заметил, что Рамнатх, бухгалтер немного старше, чем я, пришел на работу в черной одежде и небритым. У нас существовал неписанный закон, как нужно одеваться для работы в офисе. Но не было заметно, чтобы кто-то был против такого внешнего вида. Кто-то сказал мне, что Рамнатх каждый год в это время на 40 дней одевается подобным образом ради враты (обета) Аяппе. Мое любопытство было задето. Я ничего не знал про поклонение Аяппе, за исключением того, что это одна из самых популярных в Керале религий. Я спросил Рамнатха: «Почему ты, парень, который во всем остальном выглядит вполне нормально, занимаешься этим?». Чтобы я лучше понял его образ жизни, он пригласил меня к себе домой поужинать.

Рамнатх был «гуру-свами» культа Аяппы. Он сделал свой дом ашрамом, и с ним жили в качестве учеников пять мальчиков-подростков. Они ели все вместе общую пищу. Сейчас, во время сорокадневной враты, они ели всего лишь один банан в день. Глубокая преданность обитателей ашрама привела меня в легкое замешательство. Среди моих друзей такого же возраста преобладала легкомысленность. Я хотел знать, почему все здесь были так серьезны. Рамнатх ответил мне, рассказав историю Аяппы и поклонения ему.

Это описано в древнем санскритском писании, Сканды Пуране. Когда Шива пленился несравненной красотой Мохини-мурти – Вишну в форме женщины – из ума Шивы появился сын. Этого сына называют Дхарма-шаста. У него было две жены, Пурна и Пушкала, которые были дочерьми полубогов. Однажды они попросили своего мужа позволить им посетить дом их отца, но он не разрешил. Помня об этом, их отец в гневе проклял Дхарма-шасту, сказав: «Ты будешь так же скучать по женам, как я – по дочерям. Я проклинаю тебя, и в результате этого проклятия ты родишься человеком».

Тем временем на земле царь Кералы поклонялся Шиве и молил даровать сына. Царю было сказано пойти к озеру Пампа, где

он найдет ответ на свою молитву. Царь нашел там ребенка, на шее которого был привязан колокольчик. Этого мальчика он принес домой царице, и его назвали Маникантха (колокольчик на шее). Через два года у царицы родился собственный сын. Царь считал своими сыновьями обоих мальчиков, но царица хотела, чтобы только ее сын стал главой царства. Она пыталась отравить Маникантху, но чудесным образом яд не действовал на него. Маникантха совершал и другие чудеса – он вернул зрение слепому мальчику, а также усмирил шайку разбойников. Эти бандиты причинили много горя царству, помогая Вайару, опасному главарю разбойников. Но царица все равно относилась к нему холодно. Однажды она заболела, у нее начались сильные головные боли, которые можно было вылечить только молоком тигрицы. Маникантха отправился в джунгли и вернулся оттуда верхом на тигрице, а сзади бежали ее тигрята. Тигрица дала свое молоко царице, и она выздоровела. Благодарная царица обняла Маникантху и полюбила Маникантху как свою собственную плоть и кровь.

Случилось так, что одному брахману, живущему в горах Кералы, которые известны под названием Западный Гхат, досаждала демоница по имени Махиши в образе дикого буйвола. Царь этой области ничего не мог поделать – демоницу мог одолеть только непорочный юноша, не имевший отношений с женщинами. Маникантха вызвался одолеть ее, и отправился в опасное путешествие к горе, называемой Сабари Гири. Там он встретил Махиши и убил ее. Когда Махиши умерла, прекрасная богиня по имени Малигаипурам появилась из тела буйвола. Малигаипурам была проклята и вынуждена была стать демоницей Махиши. Она знала, что только Дхарма-шаства, манасапутра (ментальный сын) Шивы, может освободить ее. Она стала просить Маникантху жениться на ней. Маникантха ответил: «На вершине Сабари Гири будут построены храмы для тебя и меня. Каждый год паломники будут подниматься туда, чтобы поклониться мне в моем храме. И в тот год, когда среди паломников не будет ни одного непорочного юноши, я обещаю жениться на тебе».

После этого царь Западного Гхата построил два храма на вершине Сабари Гири. В главном из них священники совершают ритуальное поклонение большому черному каменному мурти (или скульптурной форме для поклонения) Дхарма-шасты. Его преданные называют его также Аяппа, бог-отец. Это мурти сидит со скрещенными ногами, в позе йога-медитации. Каждый год в январе в храм Аяппы поднимают драгоценные украшения, которые носил он сам когда жил на земле. Священнослужитель надевает их на мурти и совершает поклонение арати (покачивание горячей лампы под звуки колокольчика и гонга). Когда обряд поклонения закончен, Аяппа появляется как свечение над пиком Магнитной горы. Эта огненная форма Аяппы видна с горы Сабари Гири в течение нескольких минут после захода солнца.

Аяппа лично дал царю, построившему храм, правила ежегодной враты, обета. Только те, кто строго следуют этим обетам, способны увидеть над Магнитной Горой огненную форму Аяппы. Главное правило – брахмачарья (целибат). Женщины тоже могут участвовать во врате, но только если они моложе или старше детородного возраста. К женщинам-преданным обращаются только по имени Малигаипурам. Мужчин называют Аяппан.

Когда врата уже почти закончена, преданные должны подняться на Сабари Гири, чтобы посетить пуджу (поклонение) мурти. Они могут выбрать одну из двух дорог. Одна, более короткая дорога, длиной 4 километра, предназначена для начинающих, так как она легче физически. По другой, гораздо более длинной и опасной дороге, нужно преодолеть 6 горных перевалов и 4 реки вброд. Тех паломников, которые не следовали строго врате, может укусить змея или на них может напасть тигр. И даже если нарушителю обета удастся дойти туда, он окажется лицом к лицу с последним препятствием: самим храмом Аяппы, построенным в соответствии с магическим планом. От вершины горы к входу в храм ведут 18 каменных ступеней, и говорится, что на каждой ступени по сторонам стоят гоблины, защищающие храм от нечистых людей. Того, кто не следовал врате должным образом, схватят гоблины и не дадут ему войти в храм.

Подношения и провизия паломников связаны в узел из ткани, который они несут на голове. Каждый паломник приносит кокосовую скорлупу, которая наполнена гхи (очищенным маслом) через дырку сверху, затем это отверстие запечатывается воском. Это масло затем выливают на мурти как абхишеку (ритуальное омовение). Масло стекает с мурти в специальный сосуд, и затем преданные пьют это гхи как прасад (милость). Рамнатх сказал, что он знал многих людей, которые выпили этот прасад и вылечились от всевозможных болезней.

Когда Рамнатх говорил о чудесах, связанных с поклонением Аяппе, я скептически пытался найти более рациональное объяснение, чем сила Аяппы. Но он не поколебался в своей вере. Спокойно и уверенно он ответил разом на все мои вызывающие вопросы. Он сказал: «Если у тебя действительно научный склад ума, то ты проверь то, что я говорю. Следуй врате под моим руководством, и посмотри, что случится. Иначе что же можно понять, просто задавая вопросы? Этот ашрам – школа практики, а не теории». Я согласился с ним, учитывая, что обет продлится всего лишь месяц и одну неделю. Следовать этому – не означает пожизненно поклоняться Аяппе.

Если вы родились в Индии, вы впитали с молоком матери истории о божественном и сверхъестественном. Хотя меня раздражало то, что большинство индусов слепо верят во что-то вроде того, что мне рассказал Рамнатх, я был не более рационален, чем он. Ведь под влиянием западных философов я так же слепо отвергал подобные вещи. Я решил один раз в жизни попробовать провести объективный анализ нашей мистической индийской культуры.

Строго следуя врате, я ел один большой банан в день и ничего кроме этого. Три раза в день я повторял имена Аяппы в храме Аяппы в Каламассери. Я носил одежду из черной ткани и отпустил бороду. И я избегал думать о женщинах. Постепенно мне даже стали нравиться эти аскезы, с ними развилась сосредоточенность, которая без особых усилий помогала мне в моей повседневной жизни. Моя сосредоточенность заметно

увеличила мою продуктивность в офисе. Руководство это отметило.

Перед паломничеством гуру-свами в своем доме должен был наполнить наши кокосовые скорлупы гхи. Дом Рамнатха был в городе Тричуре. Когда мы приготовили наши скорлупы, он сказал каждому из нас попросить благословение у Аяппы в ответ на великое жертвоприношение, которое мы уже почти совершили.

«Я ничего не хочу», – сказал я Рамнатху.

Он сказал: «Это неправильный настрой. Просто попроси Аяппу о каком-нибудь благословении – что-нибудь, чего тебе хочется, – и скажи это мне. После паломничества ты увидишь, что твое желание исполнилось. Это показывает могущество бога».

Я отказался: «Извините, но это напоминает сделку. Я делаю это ради знания».

«Слушай», сказал он сердито, «я гуру-свами. Я совершал эту врату и паломничество уже пять раз, и я знаю, как это делать. Ты должен делать то, что я говорю, если ты хочешь продолжать с нами духовную практику. Ты должен попросить о чем-нибудь».

«Хорошо, но о чем? Приведи пример».

«Почему бы тебе ни попросить о чем-нибудь, связанном с работой – повышение может быть, или перевод?»

«Но зачем выпрашивать такие обыденные вещи у Аяппы? Повышение по службе я могу получить с помощью своих собственных усилий. Если все это поклонение нужно лишь для того, чего я могу добиться и сам, тогда я не пойду. Какой смысл? Лучше я в это время поработаю сверхурочно».

Поняв, что его юный ученик ждет подтверждения ценности этого паломничества к Аяппе, Рамнатх сказал: «Ну, хорошо. Тогда не проси об этом. Но будь добр, исполни предписание враты. Попроси то, что тебе может даровать только Аяппа».

«Я делаю это для того, чтобы увидеть это сияние. Итак, пусть это будет моя просьба – я хочу увидеть сияющую форму Аяппы над Магнитной горой». Это его устроило.

Поскольку это было наше первое паломничество, группа, возглавляемая Рамнатхом, пошла по четырехкилометровому маршруту. Мы присоединились к огромной толпе «Аяппанов» и

«Малигаипурам», включая нескольких кинозвезд (их прибытие произвело оживление в толпе). Какая ирония, думал я, черная одежда нужна для того, чтобы поставить всех паломников на один уровень: нет высших, нет низших. Мы обращались друг к другу как «Аяппан» для того, чтобы считать себя только слугами мурти. Но природа людей такова, какова она есть, и слова мирской официальной вежливости, все же закрались и сюда. Здесь был «Актер Аяппан», там – «Брахман Аяппан», «Адвокат Аяппан» или «Доктор Аяппан».

Возле реки Пампы находится могила разбойника Вайара. Когда мы пришли, там поклонялась группа керальских мусульман. Мусульмане почитают Ваяра как святого. Индийские Аяппаны свободно общались с ними, все кастовые соображения временно были забыты. Возле могилы Вайара нам пришлось посыпать наши тела пеплом и поверх пепла поставить на коже точки различных цветов. Гуру-свами после этого дали каждому из нас 5 видов оружия, чтобы нести их к Сабари-мокше, месту, где Аяппа освободил Махиши. Так как я совершал это паломничество в первый раз, Рамнатх дал мне стрелу. Те, кто шли туда во второй раз взяли булавы, в третий – мечи, в четвертый – луки, и в пятый – копья. Мы прошли, пританцовывая, два километра отсюда до Сабари-мокши, и в течение всего пути пели: «Свами дин дака дум, Аяппа дин дака дум». Пение и танцы должны были ввести нас в состояние транса.

Сабари-мокша находится в двух километрах от реки Пампа. Мы должны были положить наше оружие в то место, где Махиши упала замертво. Мы благоговейно смотрели, как процессия носильщиков, священнослужителей и музыкантов вынесла из храма на вершине горы мурти богини Малигаипурам. Богиня приходит, чтобы посмотреть, есть ли среди паломников непорочные юноши (канья-Аяппан или непорочный Аяппан). Присутствие канья-Аяппана означает, что мурти Малигаипурам и Аяппы не поженятся в этом году. Процессия торжественно удалилась.

Мы, паломники, должны были подождать возле Сабари-мокши, пока драгоценности Аяппы придут из Панданама. В

Панданаме Маникантху нашел его приемный отец. Драгоценности Аяппы несла процессия, возглавляемая человеком, который в состоянии транса нес меч Аяппы. Высоко в небе над носителем меча лениво кружил белоголовый орел. (Обычно таких орлов, как этот, что сопровождал процессию из Панданама к Сабари-мокше, не бывает в Керале). Когда процессия остановилась на небольшой отдых, орел улетел, а когда шествие возобновилось, появился другой орел, который парил над носителем меча до вершины Сабари Гири.

Мы шли в процессии наверх, к вершине горы. На восемнадцать узких каменных ступеней, ведущих к храму, нужно было подняться, удерживая наши узлы на голове. После пуджи паломники спускаются по ступенькам, пятясь назад, чтобы не поворачиваться к храму спиной. Я был свидетелем того, как некоторые люди, вскрикнув, оступались. Когда теряешь равновесие, то невозможно не скатиться вниз по лестничному маршруту до самой земли. Я поднялся туда без всяких неприятностей и встал в очередь на абхишеку. Когда подошла моя очередь, я вылил содержимое моего кокоса на маленькое мурти Аяппы, сделанное из панча-лохи (сплав из пяти драгоценных металлов).

Тем временем за закрытыми дверями главного алтаря священнослужители убрали драгоценными украшениями и оружием, принесенными из Панданама, большое черное каменное мурти Аяппы. В сумерки под звуки фанфар открылись двери. И в этот момент — что-то вроде танцующего сияния появилось над Магнитной горой, между Вечерней звездой (Венерой) и другой звездой. Я наблюдал это явление примерно в течение 5 минут, потом оно пропало из виду.

Я был поражен всем тем, что я увидел. Когда я шел вниз с Сабари Гири, я решил посвятить часть моего времени дальнейшим исследованиям эзотерического и сверхъестественного. Но я не был готов пожертвовать моими представлениями о материальном счастье.

Я жил через дорогу от Сундарам Индастрис, один в коттедже, принадлежавшем мусульманской семье. Я стал очень активным на работе, и быстро продвигался по служебной

лестнице. Каждое утро перед тем, как уйти на работу, я зажигал ритуальные свечи перед изображением Аяппы в моей комнате. А когда я приходил на обед, то садился перед изображением и повторял Вишну-сахасра-нама-стотрам (Тысяча имен Вишну). Это была единственная санскритская молитва, которую я знал. Я выучил ее от моего отца еще мальчиком. Мой хозяин-мусульманин был очень рад видеть мой строгий распорядок дня, он полагал, что его дом и семья благославлены моим присутствием. Я подружился с его сыном, Ахмадом, моим ровесником.

Но в то же время я вел жизнь «мирского человека», хотя в более мягком, индийском варианте. Как и прежде, я продолжал смотреть кино и общаться с современными парнями и девушками, моими ровесниками. В то время мне и в голову не приходило, что однажды я разом отвергну все эти банальные удовольствия. Но тогда мне удавалось сохранять удачный баланс между двумя противоположными сферами человеческой жизни: религиозно-мистической и обыденной.

В священный день Шиваратри уважаемый санньяси (монах) Его Святейшество Шри Джаендра Сарасвати Свамигал приехал в Ернакулам, чтобы возглавить поклонение Шиве среди индусов. Хотя ему было всего 15 лет, его пожилой гуру назначил этого молодого человека Шанкарачарьей. Этот титул обозначает свами-главу Камакоти Питха, важнейшего храма Дурги в Канчипурам, штат Тамил Наду. Его положение среди Айаров (смарта брахманов Южной Индии) было настолько могущественно, что его правильно было бы назвать Папой. Чтобы получить у него аудиенцию, я в сопровождении Ахмада ранним утром сел в автобус. Мы приехали в Ернакулам около 3 часов утра.

Через час после этого мы стояли перед апартаментами, где остановились Джаендра Сарасвати и его окружение. Это здание расположено на первом этаже храма Шивы, где исполнялись религиозные обряды. Перед входом в спальню стоял охранник-непалец в униформе. «Все спят» – сказал он нам.

«Мы не побеспокоим их», ответил я. «Мы проделали долгий путь, чтобы увидеть Его Святейшество. Он, должно быть, уже встал в это время». Движением головы охранник показал, где

находится свами. Сквозь пару дюжин спящих смарта брахманов, растянувшихся поперек общей комнаты, мы осторожно пробрались к занавешенному дверному проему на другом конце холла. Какой-то брахман спал на кресле рядом с дверью, голова его свесилась на грудь, и он храпел. Сквозь занавес пробивался свет от голой электрической лампочки. Из комнаты доносилось тихое повторение санскрита. Ахмад и я вошли.

Молодой человек в оранжевой одежде сидел на циновке и повторял мантры. Позади него возле стены стоял бамбуковый посох. Мы сделали традиционный поклон, коснувшись головами пола (я уже отрепетировал это с Ахмадом, так что он знал, как это делать). Свами дал каждому из нас акшаду (щепотку необработанных рисовых зерен, окрашенных в желтый цвет куркумой) как благословение, и пригласил нас сесть.

Он спросил, откуда мы. Я сказал ему, что мы живем в Каламассери, и я работаю в «ТВС». Он одобрительно кивнул – «ТВС» пользуется уважением в общине брахманов. С мальчишеской улыбкой, такой простой и открытой, что можно было забыть важность его должности, он сказал: «Я буду проводить здесь церемонию Шиваратри и возглавлю шествие через весь город. Хотите присоединиться к нам?»

Я виновато улыбнулся в ответ «Моя работа начинается в восемь. Я должен быть в Каламассери к этому времени. Вот почему я приехал так рано». Я процитировал афоризм Неру (с легкой иронией, потому что я всегда считал это глупостью), «Работа – это поклонение». Но Свамиджи не заметил иронии, и кивнул понимающе «Да, да, очень хорошо».

В это время зашел брахман, который спал на стуле снаружи. Взглянув с любопытством на Ахмада и меня, он объявил о визите пожилой четы брахманов. Его Святейшество согласился принять их. Вошли пожилые мужчина и женщина, простерлись на полу перед Свами и получили его благословения. Дрожащим голосом пожилой человек взмолился: «Свадьба моей дочери – пожалуйста, помогите». Указав на своего помощника-брахмана, Джаендра Сарасвати сказал старику: «Он даст золота на приданое твоей дочери». Но старик продолжал: «Кроме того, это не совсем

подходящая пара. Не могли бы Вы посоветовать какого-нибудь более подходящего мужа для нее?» Свами закрыл глаза и молчаливо сложил ладони в пранама-мудре. Он не открывал глаза, пока они не ушли. Когда они вышли, он хлопнул себя по лбу, встряхнул головой и посмотрел на меня.

«Я санньяси, но эти домохозяева приходят ко мне за жертвоприношениями. Ну, хорошо, у храма есть фонд помощи бедным брахманам. Я могу дать им что-то оттуда. Но после этого они хотят, чтобы я выбрал жениха для девушки. Что же, я отрекся от мира, для того, чтобы устраивать свадьбы?». Затем, пытаясь найти более приятную тему для обсуждения, он спросил меня: «Есть ли у тебя вопросы?»

«Только один, Ваше Святейшество», – ответил я. «Вы бодрствуете и повторяете мантры, а все эти ваши брахманы спят. Почему это так?»

Его глаза стали круглыми: «Что, они все еще спят?»

Ахмад заговорил: «Да, дрыхнут, и это очень смешно, их толстые животы то поднимаются, то опускаются».

Заговорив первый раз при Джаендре Сарасвати, Ахмад выдал себя, что он мусульманин. Джаендра Сарасвати внезапно застыл – в соответствии с кастовыми правилами общины смарта-брахманов, мусульманину нельзя было даже думать войти в личные покои Шанкарачарьи.

Чтобы смягчить внезапный дискомфорт для свами, я сказал: «Мой друг встал очень рано в этот священный день, чтобы придти сюда и получить Ваш даршан, в то время как ваши брахманы проспали все утро. Разве он не лучше, чем они? Все-таки это не его вина, что он мусульманин – у него не было выбора. Но он почитает Шиву».

«Любой, кто встает до рассвета в этот день, получает благословения Шивы» – смягчился он. Ахмад спросил: «А благословит ли Господь Шива мусульманина?» «Шива – это Брахман» – ответил Его Святейшество. «Для Брахмана нет различий между хинду и мусульманином».

«Тогда почему» – спросил я – «ваша процессия рекламируется как «для индусов»? Почему не просто «для

людей?»» Его Святейшество улыбнулся и сказал: «Я пытаюсь сделать этих индусов людьми». Чувство дискомфорта растворилось в мальчишеском веселье, когда мы весело рассмеялись его шутке.

Он позвонил в маленький гонг. Тут же в дверях появился охранник-непалец. «Возьми ведро воды и вылей на тех брахманов» – приказал Его Святейшество. «Только посмотрите – даже мусульманин пришел сюда на даршан в такое время, почему они все еще спят?» Охранник быстро поклонился и вышел.

Непальцы известны тем, что они без вопросов выполняют приказы. Через минуту-другую мы услышали плеск воды и шум голосов. После шуток и смеха мы поклонились свами и ушли.

После моего опыта в Сабари Гири я каждый месяц ездил на автобусе в храм в Гуруваюре, чтобы увидеть мурти Господа Васудевы. Это божество знаменито на всю Индию, он с удивительной милостью отвечает на молитвы больных и попавших в беду. Я познакомился с брахманом Анджаамом Намбудри, бывшим коммунистом. Этот человек посвятил свою жизнь чтению по памяти Шримад Бхагаватам в храме. Шримад Бхагаватам – это обширное санскритское писание о философии преданности, почитаемое всеми вайшнавами. Анджаам Намбудри каждый день перед большой аудиторией посетителей храма по памяти цитировал сотни стихов. Местные жители почитали его, как святого.

В одну из моих поездок в Гуруваюр я прослушал все стихи, которые он произносил. Он начал с мелодичной декламации восьми санскритских стихов Шикшаштаки. Я никогда не слышал об этом писании. Затем он перевел стихи на Малаялам. Эти восемь стихов просто сразили меня: «Я не знаю другого Господа, кроме Кришны, и Он останется моим Господином, даже если грубо обнимет меня или разобьет мое сердце, не показываясь мне на глаза. Он полностью свободен делать все, что Он пожелает, и Он всегда, при любых обстоятельствах, останется моим Господом, которому я поклоняюсь».

После того, как Анджаам Намбудри закончил свое декламирование Шримад Бхагаватам и толпа разошлась, я

подошел к нему и представился. Он согласился ответить на несколько вопросов.

Я сказал ему, что хочу узнать больше о Шикшаштаке. Его глаза наполнились слезами. С дрожью в голосе он ответил: «Я не тот человек, которому надо задавать такие вопросы. Мое сердце слишком твердое, я не могу ответить тебе должным образом. Мой ум так осквернен желанием чувств, а разум так испорчен бесконечными измышлениями, что я не могу правильно понимать Шикшаштаку».

Сначала я неправильно понял то, что он сказал. «Сэр, при всем моем почтении к вам, откуда вы знаете, что я так осквернен и испорчен, что я не могу понять Шикшаштаку? Может быть, вы просто начнете объяснять, и увидите, способен ли я понять, или нет? Все-таки я образованный...»

Он поднял руку и остановил мою речь. «Нет, не ты. Я имел в виду, что это Я слишком осквернен и испорчен, чтобы понять Шикшаштаку. Как же я смогу объяснить это тебе?»

Я был поражен его словами. Раньше я никогда не слышал, чтобы брахман считал себя недостойным. Он продолжал:

«Все, что я могу сказать тебе, эти восемь стихов написал Шри Чайтанья около пятисот лет назад».

«Кто такой Шри Чайтанья?» – настаивал я.

Слезы потекли по его щекам. «Если я отвечу тебе – я буду проклят, потому что я не способен ответить правильно. Мое понимание слишком поверхностно. Шри Чайтанья дал людям величайшее благословение, но оно скрыто от глаз несколькими святыми во Вриндаване. Ты знаешь Вриндаван?»

«Я там не был» – ответил я, «но все слышали о Вриндаване. В этом месте родился Кришна, там он танцевал с девушками-пастушками».

«Да, да. Вот туда тебе нужно пойти, чтобы узнать о Шри Чайтанье».

Я сменил тему разговора. «Как случилось, что вы стали ежедневно декламировать Шримад Бхагаватам в храме?»

«Много лет назад я был убежденным марксистом и радикальным активистом. Я вообще не верил в Бога. Однажды я

приехал сюда организовывать шествие Коммунистической партии. Шествие должно было начаться от храма Гуруваюр, потому что это наиболее известное место в городе. В то время я страдал от постоянного несварения желудка. Я не мог переваривать твердую пищу – меня все время рвало. Случилось так, что мой дядя был главным священнослужителем этого храма. Он пригласил меня в храм. Из уважения я зашел, чтобы увидеться с ним. Он дал мне тарелку параманны, риса, сваренного в сладком молоке. Я сказал ему: «Извините, но я не могу есть твердую пищу. Я болею от этого». Но мой дядя сказал: «Не беспокойся, ты можешь принять это. Ничего не случится».

Я снова сказал: «Нет, я не могу, если я съем это – меня вырвет». А он сказал: «Это прасадам. Даже если тебя вырвет, ты получишь духовное питание». Чтобы сделать приятное дяде, которого я столько лет не видел, я съел параманну. Потом я вернулся к своей работе. Надо сказать, я был очень удивлен, потому что во время всего шествия я не испытывал никаких болезненных ощущений.

После шествия я вернулся в храм, чтобы снова поговорить с дядей. Я сказал ему: «Знаешь, у меня не было проблем после того, как я съел здесь этот сладкий рис. Я удивляюсь, почему?» А он сказал: «Ты же знаешь, почему». «Почему я должен знать?» «Потому что ты коммунист, а коммунисты знают все, разве не так?» И он улыбнулся.

Это был его вызов мне: у тебя есть материалистическое объяснение для всего остального, почему не для этого? Я сказал: «Дай мне еще параманны». Я съел еще три, потом четыре порции риса – и ничего не случилось. На следующий день я пошел к врачу, который сделал анализ кала. Он был так же удивлен, как и я. «Это поразительно» – сказал он, «но ты снова можешь переваривать пищу. Я думаю, что тебе можно есть именно это блюдо. Поэтому узнай, как они делают параманну, и готовь ее для себя».

Я вернулся в храм и снова взял большую тарелку параманны с четырьмя аппами (пирожными). И у меня не было никаких проблем. Мой дядя сказал: «Не думай, что это что-то вроде правильного питания. Это милость Гуруваяппана Васудевы

к тебе». «Знаешь», – сказал я, – «я не верю в чудеса. Но я очень признателен тебе, что ты показал мне это блюдо, которое я могу есть».

Я нанял брахмана, чтобы он готовил параманну точно так же, как ее готовят в храме. Повар сказал мне: «Я могу делать все то же самое, что и повар в храме, но если параманна не предложена Божествам, она не будет такой же». Я сказал: «Я плачу тебе за то, что ты готовишь, а не за то, что ты проповедуешь». Он сказал: «Ты сам увидишь».

Я съел тарелку параманны, приготовленной моим поваром. Она выглядела точно так же, так же пахла и на вкус была точно такая же, как та, что дал мне дядя. Но меня сразу же вырвало. Это посеяло сомнения в моих материалистических убеждениях. Я пошел прямо в храм и рассказал дяде, что случилось. Он просто сказал: «Кришна, Гуруваярапан», – и пошел к своим Божествам на алтарь. Когда он закончил пуджу, он вышел и увидел, что я все еще стою там. Он видел, что я сбит с толку, и он сказал мне: «Тебе надо принять врату служить Божествам 40 дней. В течение этого времени ешь только Кришна прасад. И тогда ты вылечишься».

И я сделал это. Я стал вот так декламировать Шримад Бхагаватам. И, конечно, мои товарищи из Коммунистической партии злились на меня. Я сказал им: «Знаете, если нет жизни – не может быть политики. Позвольте мне выжить». Я бросил все, и остаюсь здесь до сих пор. Теперь я могу есть любую пищу, но только если это предложено Божествам».

На меня произвела впечатление скромная духовность Анджаама Намбудри, и его история попала в точку. Раньше я тоже критиковал все религиозное. Но я не был готов пожертвовать моей свободой ради какого-то там спокойствия ума, которого достиг Анджаам Намбудри, пожертвовав своей свободой. «Позвольте мне иногда заглядывать поверх завесы этого мира, чтобы увидеть, что находится по другую сторону» – думал я про себя. «Но я не собираюсь переступить этот порог. А вдруг я застряну в другом мире и не смогу вернуться?»

Но я не задумывался о том, что будет, если я застряну на самом этом пороге, попусту тратя время между двумя мирами.

Глава II МОГУЩЕСТВО ЛАМПАД

Вскоре я стал известен руководству Сундарам Индастрис как яркая новая звезда. Я начал как младший помощник, составляющий служебные записи в отделе кадров, но вскоре прыгнул в амбициозную должность «героя офиса», исполняя задания, с которыми другие не были способны справиться быстро или искусно. Несколько месяцев спустя после моего приезда туда, мое тщеславие было удовлетворено назначением на должность главного помощника начальника отдела кадров. Я также открыл, что благодаря тому, что я был племянником главного управляющего, я мог не обращать внимания на офисный стиль одежды. Согласно неписаным правилам, мы должны были носить белую рубашку, заправленную в брюки. Мой наряд состоял из курты и лунги. Курта (традиционная южноиндийская рубашка из неокрашенного хлопка) была длинная, до коленей. Лунги (белый саронг, который носят жители южной Индии) я носил обернутым вокруг ног, когда я шел куда-то, а когда я сидел за столом, оно свободно свешивалось до пола. И, наконец, увенчивали этот эксцентричный вид длинные волосы и длинные усы, подкрученные вверх.

Однажды какой-то худощавый человек с прилизанными назад волосами и со странным блеском в глазах вошел в офис и стал ходить от стола к столу, собирая пожертвования. Он был одет в лунги и простую хлопковую ткань, обернутую вокруг туловища. Его лоб был отмечен точкой синдур, что показывало, что он был шактой (преданным Деви, олицетворяющей женское начало). Я узнал в нем представителя керальской брахманской касты, известной под именем Намбудри, которых иногда побаиваются, потому что о них идет слава как об очень могущественных людях. Атмосфера вокруг него была какая-то театральная и женственная, что я счел глупым. Но все-таки каждый давал ему несколько рупий.

Когда он увидел меня и мой необычный вид, он, видимо, подумал, что я простофиля. Не говоря ни слова, улыбаясь и опустив глаза, он протянул руку.

«На что?» – спросил я раздраженно.

«Я собираю деньги на местный храм Бхагавати, в котором я служу. Я хочу провести большой праздник для богини».

«Я не дам вам никаких денег» – и я вернулся к работе.

«Но я слышал, что вы очень религиозны».

Хотя у меня пробудился интерес к религии в результате моего эксперимента с Аяпаном, я не утратил неприязни к ленивым и жадным брахманам-священникам. Я не понимал, почему я должен давать ему деньги. «Говорю же, я ничего вам не дам».

«Будь осторожной в своем поведении» – высокомерно огрызнулся он.

Это уже пробудило во мне злость. «Что вы сделаете, если нет?»

Он повернулся к другим работникам офиса и сказал: «Расскажите ему обо мне». Они смотрели на меня неодобрительно. «Ты должен дать ему что-нибудь» – сказал один работник с долей предостережения в голосе. «Он последователь тантры».

Мои глаза округлились от удивления. «О», – я изобразил высшую степень изумления: «Тантрик? Хорошо, тогда... конечно, я не дам вам ничего».

Он поднял указательный палец в воздух и показал на меня. «Я предлагаю тебе прийти в мой храм в пятницу, и ты увидишь мое могущество».

Стараясь говорить как можно равнодушнее, я парировал: «В пятницу, вы сказали? Хорошо, но вы можете только разочароваться в том, что пригласили меня. Я видел могущество и раньше, и я видел могущественную глупость. Не думайте, что меня можно так просто обмануть».

С напыщенным видом он вышли из офиса.

«Ты мог дать ему две рупии и избежать этой сцены» – сказал неодобрительно один сотрудник. «К чему этот вызывающий поступок?»

«Я просто хотел понять, почему это все вы сегодня так стремитесь отдать ему свои деньги».

«Смотри, мальчишка, это был тантрик! Будь осторожнее!» Я издал неблагозвучный звук и вернулся к работе.

Но в пятницу я таки отправился в храм, прихватив Ахмада с собой. Мы шли, ожидая увидеть в лучшем случае представление фокусника, в худшем – фарс. В любом случае мы развлекались.

Бхагавати, которую еще называют Деви, Махамая, Дурга, Парвати и множеством других имен – это божественная Шакти (энергия), известная в мире как Мать Природа (мулапракрити). В Индии ей поклоняются люди, желающие насладиться ее качествами, такими как рати (эротика), бхути (богатство и процветание), тушти (удовольствие), пушти (прогресс) и так далее.

Храмы-деревья, посвященные Бхагавати – обычное дело в индийских деревнях, и храм в Каламассери был одним из таких. Он был расположен возле пруда. Храм состоял из маленькой кирпичной комнаты, построенной вокруг дерева. Внутри комнаты, в дупле ствола был алтарь богини.

Когда Ахмад и я зашли туда, мы увидели группу местных жителей, стоящих в две линии по обе стороны двери храма-дерева. Эти люди повторяли молитву в унисон: «Амме-Нараяна, Деви-Нараяна, Лакшми-Нараяна, Бхадре-Нараяна...» Это имена Бхагавати, которые описывают ее как энергию Господа Нараяны (Вишну).

Пуджари-шакта приехал на велосипеде со своей работы (он работал в химической компании). Оставив велосипед на берегу пруда, он прямо в одежде прыгнул в воду. Он вышел мокрым, с него капала вода, вошел в маленькую храмовую комнату и закрыл за собой дверь. Оттуда послышался звон колокольчика и звуки мантр.

Толпа вела себя все более дико, распевая и ударяя ритмично в барабаны. Все люди были темнокожие, многие обросшие и с бородами. Молодые люди были в футболках с картинками.

Они обменивались дикими взглядами, их глаза и зубы блестели, их конечности дергались со все возрастающей агрессией. Женщины стояли позади мужчин, раскачиваясь в такт с закрытыми

глазами и нахмутив брови, некоторые хлопали в ладоши или поднимали вверх руки.

Внезапно дверь открылась под громкие крики собравшихся. Шакта-священнослужитель провел арати, церемонию, когда благовония и ритуальная латунная лампада предлагаются мурти круговыми движениями.

Поставив лампу, он вышел из комнаты и начал скакать по кругу, не сгибая ног, держа стопы вместе, как птица. Я услышал, как кто-то закричал: «Он в трансе!». Для любого не-индуса все это показалось бы страшным, даже демоничным. Но для моего друга и меня это было довольно примитивно и очень смешно.

Сумасшедший священнослужитель скакал сквозь толпу, держа в руке пучок цветных нитей, которые помогают побороть болезни. Когда он оказался передо мной, он театрально заявил: «Я покажу тебе духовный мир. Не сомневайся в том, что ты видишь». Он прыгнул на кучу камней, лежащих на земле и согнулся под углом 90 градусов, вращая головой в разные стороны. Затем он объявил: «Я построю огромный храм в этом месте. Эти камни превратятся в мурти для поклонения!» Он внезапно выпрямился и потребовал у меня денег на вада-малы (гирлянды из вады, это растение в Южной Индии), чтобы предложить этим камням, когда они изменят свою форму.

Безуспешно стараясь сдержать веселье, я фыркнул: «Извините, но я ничего не дам вам».

Он посмотрел на меня, содрагаясь от преувеличенного презрения. Толпа, теперь собравшаяся вокруг нас, угрожающе затихла. Его голос сорвался в женский визг, шакта бросил вызов: «А, ты не веришь мне?» Я сказал, нет. Он попросил кого-то принести кокосовый орех. Схватив его обеими руками, он разбил его о свою голову.

«Это ничего не значит, кроме того, что у вас очень твердая голова» – сказал я непримиримо, пожав плечами. Ахмад громко засмеялся. Его смех подхватила толпа, это рассредоточило внимание, но не испугало священника.

«Ты сейчас увидишь доказательство моей силы! Подожди здесь». Он снова вернулся в храмовую комнату и завершил

поклонение. Тем временем толпа разошлась, понимая, что представление окончено. Ахмад тоже ушел, его все это больше не интересовало. Я слонялся, ожидая, когда шакта закончит. Меня заинтересовала его глупая решимость что-то доказать мне. Он вышел, и провел меня в свой скромный дом, расположенный в нескольких шагах.

Вокруг этого места были разбросаны всевозможные таинственные параферналии – странного вида оружие, маски, вытарашенные нарисованные глаза, искусственные зубы. В одном углу был массивный, высотой в два фута, латунный светильник с пятью горящими масляными фитилями. Прямо над ним, примерно на четыре фута выше, висела еще одна масляная лампа, подвешенная на цепи к потолку. На маленьком деревянном столе позади двух ламп лежал ритуальный меч.

Взяв меч, шакта посмотрел на меня злыми прищуренными глазами. «Ты все еще не веришь мне?»

Скорее из любопытства, чем из страха перед его действиями, я сказал: «Нет...».

Он держал меч прямо в пространстве между двумя лампами. Через какое-то время он опустил руки. Меч остался висеть в воздухе.

«Можно, я взгляну, как вы сделали это», – сказал я, придвигаясь к нему. Вместо того чтобы попытаться остановить меня, как я ожидал, он стоял с победоносной ухмылкой. Я схватил меч и дернул изо всех сил. Я не смог сдвинуть его с места ни на волосок. Я провел рукой над и под мечом. Никакой проволоки.

Он хихикал над моим растущим смущением. «Похоже, ты не понимаешь, как я сделал этот фокус?»

«Да» – ответил я так спокойно, как мог. «Меч не может просто стоять в воздухе. Итак, в чем тут фокус?»

«Это сила тантры. Это не фокус». Я ничего не ответил, не зная, что сказать. Повернувшись к двери, чтобы выйти, он сказал: «Я вернусь через минуту – ты можешь изучить это чудо, как тебе будет угодно».

Я проверил лампы и меч со всех сторон. Там не было никакого намека на фальшивку.

Он вернулся. Его голос звучал как вызов всем неверующим в моем лице, когда он заявил: «Я собираюсь провести праздник через две недели. Если же люди не помогут мне, я буду вынужден использовать силу тантры, чтобы все устроить».

«Позвольте мне помочь вам» – услышал я свой голос. Меня восхитил блеск меча в колеблющемся свете ламп. «Я организую для вас весь праздник». Каково бы не было объяснение, я счел, что этот магический меч – самое удивительное, что я когда-либо видел в жизни, даже более удивительное, чем сияние на Сабари Гири. Если я мог идти за Рамнатхом, чтобы увидеть эту огненную форму Аяппы, то я могу и следовать и за этим человеком, чтобы больше узнать о тантре. Теперь, когда я, наконец, признал его могущество, все его бахвальство испарилось. Он тепло улыбался, глядя мне в лицо. «Давай будем не просто друзьями, давай будем последователями тантры. Ты разумный молодой человек. Ты быстро научишься, если будешь делать все правильно».

На следующий день я вернулся, и он представил меня своим прихожанам. Они приняли меня с большим почтением, считая образованным и религиозным молодым брахманом. Они думали, что я приехал из далекого Тамил Наду, чтобы помочь их священнику. Я нарушил кастовые барьеры, общаясь с ними, посещая их дома, помогая им, чем мог. Всем этим я завоевал их поддержку и уважение.

За неделю перед фестивалем, я собрал молодежь деревни, и они занялись украшением города, уборкой улиц, наймом слонов, покупкой фейерверков и рассылкой приглашений местным политическим лидерам. Пригодились организационные навыки, которым я научился на работе.

Я напечатал листовки с фотографией мурти Бхагавати. Я распространял их по домам за небольшую плату, и мы собрали столько денег, сколько пуджари-шакта в жизни не видел. Фестиваль продолжался 4 дня. Каждый день я вел процессию по городу с двумя слонами впереди. В таком небольшом поселении, как Каламассери, это было событием, о котором говорили годами. Когда фестиваль закончился, я организовал регулярные

пожертвования от индусов. Они давали деньги этому пуджаришакте, чтобы он не бедствовал.

Потом мусульмане из этой деревни попросили меня организовать для них фестиваль в мечети. Я сделал и это, с большим успехом. Я думаю, я мог бы стать ведущим политиком среди местных жителей.

Примерно в это время некто мистер Мурлидхаран Карта приехал из Калькутты и стал работать в нашем филиале «ТВС». Мы подружились. Дом его семьи находился в Эрнаулам, и однажды он отвез меня туда познакомиться со своей семьей. Этим же вечером он отвез меня в Чхотганикара Бхагавати Питха, важное место поклонения богине Девы в этой местности. Мы прибыли к полуночной пудже.

Храм был построен в архитектурном стиле, напоминающем Керальский, то есть простой, компактной структуры, с низкой черепичной крышей в стиле пагоды. Небольшой внутренний дворик освещался рядами масляных ламп, висящих на латунных цепях. Стены были украшены замысловатыми узорами с магическим смыслом.

Я спустился вниз по узкой каменной лестнице в углубление под алтарем. Там я увидел церемонию, проводимую для камня, который год от года увеличивался в размерах. В колеблющемся оранжевом свете масляных ламп я увидел обряд рисования мелом белой мандалы на полу и отметок красного синдур на стенах. Потолок был украшен корой банановых деревьев и листьями. Повсюду были странные фигурки, сделанные из белой муки. Весь этот древний этнический культ оказывал ощутимое мистическое воздействие на ум.

Огромное дерево росло из углубления в полу сквозь потолок и простирало свои ветви во двор. На моих глазах в пещеру привели группу одержимых. Каждого за прядь волос крепко привязали к гвоздю, а гвоздь забили в дерево. В безумии своем эти люди начинали неистово мотать головами. Оставляя на гвозде волосы, они таким образом избавлялись от мучавшего их духа, и все их признаки одержимости сразу же проходили.

Этот опыт глубоко повлиял на мое отношение к жизни. Я вышел оттуда полностью убежденный в том, что я должен познать секреты тантры так глубоко, как только возможно. Я вернулся к пуджари в Каламассери и научился у него всему, чему мог в поклонении Девы.

Слово «тантра» в переводе с санскрита означает «связующая нить» или «узор на материи». Это относится к скрытому закону вселенной. Это знание может быть окрашено одним или несколькими смешанными типами желаний. Наши желания бывают трех видов: тамас (примитивные желания), раджас (желание материального успеха) и саттва (желание духовного просветления и мира). Обычно термином «тантрик» называют того, кто практикует тамасический тантризм.

Душа, обусловленная качеством тамаса, переполнена вожделением и безумием. Она неуклонно катится во тьму, действуя так, что разрушает духовный прогресс. Тантрические писания, поведенные Шивой его супруге Девы, предписывают религию, которая привлекает таких несчастных людей, привязанных к сексу, интоксикациям и мясоедению. Эти писания советуют ритуально совершать эти греховные действия, как способ поклонения Шиве и Девы. Целью является преодолеть это влечение и подняться на более высокий уровень жизни. В качестве поощрения Шива и Девы предлагают искренним последователям тантры материальные благословения.

В тантре существуют два пути (марга). Шакты, подобные моему новому другу, пуджари из Каламассери, следуют дакшина-марге (пути правой руки). Шакты хотят обрести общение с Девы через храмовое поклонение и транс, от нее они получают силу прорицания и целительства. Путь правой руки в тантре считается «чистым», потому что ритуалы ограничиваются только символами, которые только представляют предложение мяса, рыбы, вина и сексуальные связи.

Но практика тантры вама-марга (левой руки) включает в себя очень грязные ритуалы. Подобно шаманам Гаити (которые, что любопытно, известны как бокоры, «священнослужители, которые поклоняются левой рукой»), тантрики левой руки Индии

при помощи этих страшных и странных методов хотят обрести силы черной магии.

Эти своеобразные проявления мистических сил служили пищей моему юному любопытству к оккультному. Как рекомендовал пуджари, я стал обучаться у мастера тантры левой руки. Он объяснил, что в вама-марге есть две специализации. Одна из них некромансия: вызов злых духов, привидений, гоблинов и других существ для особых заданий. Чтобы привлечь и контролировать этих существ, называемых Якши, Дакини, Шакини, Мохини, Шатан и Удумбан, совершаются ужасные ритуалы. Эти демоны обитают в нижнем мире, но по призыву опытного тантрика они поднимаются на земной уровень и делают чудеса.

Другая специализация – что-то вроде сиддха-йоги. Это метод обретения мистических сил при помощи медитации на второстепенные экспансии Шивы или Деви. Йог следует некоторым обетам, проводит жертвоприношения и ритуалы этим устрашающим или сладострастным формам. Ублаготворив их, он получает взамен сиддхи (совершенства йоги).

Мастер вамамарги может следовать одному или обоим из этих путей обретения силы. То есть, он может совершать также и ритуалы правой руки. Существует множество других ответвлений от этих основных путей, и не всегда возможно четко разграничить их.

По совету пуджари, я отправился искать мастера вамамарги в небольшую деревню рядом с Гхотганикарой Питхой. В центре поселения было всего одно настоящее здание, храм, вокруг которого теснились хижины и лачуги. Когда я пришел, на рыночной площади происходило соревнование между двумя тантриками. Они выбрали в качестве инструмента для демонстрации своих способностей одного зеваку из толпы. Они сделали так, что он застыл неподвижно, как доска, находясь в трансе. Один тантрик указал на него своей палкой и сказал: «Ложись». Тот лег на пол. Другой указал и сказал: «Вставай». Он поднялся прямо, не сгибая колен.

Один тантрик поставил на землю куклу, сделанную из рисовой муки и яиц. Она была длиной около шести дюймов, с двумя костями, воткнутыми внизу как ноги и пучком волос сверху. Тантрик прочитал заклинание, и кукла встала и стала двигаться, послушная его воле, качаясь назад и вперед на своих ногах-костях. Толпа неумоимо прибывала. Люди окружали тантриков на почтительном расстоянии, испуганно переговариваясь между собой. Я вскоре понял, почему. В своем рвении победить один другого, тантрики вызывали еще людей из толпы, принуждая их совершать довольно опасные действия. Наконец, к всеобщему облегчению, они завершили свой поединок, договорившись встретиться снова в другой день.

Толпа разошлась. Я прошелся по небольшому рынку, где я увидел одного из тантриков. Он ходил от лавки к лавке, требуя дать ему то или это, и все получая. Все его боялись до смерти.

Когда он ушел, я спросил у некоторых лавочников, почему они позволяют ему вести себя подобным образом. Один ответил: «Если я не дам ему то, что он хочет, он превратит эти овощи в животных». Другой сказал: «Он способен сделать так, что с неба начнут падать змеи». Третий сказал: «Он может изменить цвет кожи моей жены». Еще один сказал: «Все что угодно может случиться. Этот человек бессердечен. Он может сделать все, что пожелает, и ни один полицейский не осмелится тронуть его. На него работает Шатан».

Слово «шатан» произошло от санскритского четана (сознание). Я не знаю, есть ли связь между этим словом и арабским словом «шайтан» или иудейским Сатаной. Это вопрос к этимологам. Я горел желанием узнать все о том, что я видел и слышал. Поэтому, не теряя больше времени на рынке, я направился в лес, расположенный рядом с деревней. В этом лесу, как сказал пуджари, я найду жилище мастера. После долгого пути сквозь густой лес, я наконец пришел туда, уже во второй половине дня.

Это было небольшое строение, сложенное из камней, с грубой деревянной крышей, построенное под баньяновым деревом.

Вокруг валялись кости и черепа животных. На ветках висела даже пара засохших человеческих рук.

Очень миловидная молодая девушка сидела возле двери строения. На вид ей было меньше двадцати, и она выглядела свежей и невинной. Ее длинные волосы были растрепаны, и она была одета в простое бордовое платье, длиной до щиколоток. В ее глазах застыло отсутствующее выражение, которое не изменилось, когда я обратился к ней.

Я спросил ее о человеке, которого я ищу. Она медленно проговорила: «Пожалуйста, подожди, он сказал, что ты придешь». Такой ответ не прояснил мне то, что я хотел знать. Я перефразировал вопрос, и получил тот же ответ, повторяемый снова и снова. Я понимал, что она находится под каким-то воздействием.

Я оставил расспросы и сел на камне возле лачуги. Скоро я услышал, как что-то движется сквозь лес. На поляну вышел человек, и я узнал в нем одного из тантриков, который раньше собирал продукты на рынке. Сейчас он не казался таким диким и устрашающим. Он мог бы быть простым человеком с улицы – водителем рикши, например. Но на его лице было заметно какое-то странное вожеление: не грубое чувственное, но жажда могущества. Можно было сказать, что он распространял вокруг себя атмосферу преуспевающего бизнесмена. Я почувствовал смесь безжалостных амбиций и дерзкой самонадеянности. Но его успех был не по части бизнеса. Он был в черной магии.

Не произнося ни слова, он пригласил меня в свою хижину. Один угол этого темного, беспорядочного интерьера занимала кирпичная печка, которая топилась дровами. На ней стоял большой медный чайник с двумя ручками. Пар, выходящий из носика чайника, наполнил воздух каким-то слабым, но очень неприятным запахом. У противоположной стены лежал плоский камень с поверхностью, отполированной до зеркальной гладкости. Еще в помещении был небольшой книжный шкаф с толстыми ветхими томами, заполнявшими полки, и старая фисгармония. В углу я увидел снова уже знакомые мне фигуры-куклы из рисовой муки. Они показались мне отвратительно-пугающими и какими-то

детскими одновременно. Когда я вошел, наклонившись, моя голова задела за что-то, свисавшее со стропила. Я увидел, что это кости, связанные узлами из волос.

Он зажег пару свечей от огня печки, и мы сели. Немного нервничая, я стал рассказывать про себя и мой свежее испеченный интерес к тантре. Он пристально смотрел на меня, как бы изучая, с холодной тонкой улыбкой. Вскоре я стал запинаться. Тогда он спросил смертельно спокойным голосом, который подходил к его улыбке: «А насколько далеко ты хочешь пойти?»

Я сказал: «Ну, честно говоря, мне хочется развить веру в духовные предметы, увидеть что-то самому».

«Ты видел представление, которое я давал сегодня?» – спросил он, продолжая улыбаться своей улыбкой рептилии. «О, да, и это было очень впечатляюще. Как вам удастся делать такие вещи?»

Он пристально изучал меня в течение минуты, затем ответил: «Я могу рассказать тебе, где ты можешь немного глубже увидеть таинственные силы. Это будет своего рода проверкой для тебя. Но это не имеет никакого отношения ко мне, я просто скажу тебе, куда идти и дам тебе советы, как подготовиться, но после этого ты будешь делать это один. Если то, что ты увидишь, убедит тебя, что это не салонные фокусы, ты можешь вернуться и получишь серьезные инструкции. Тебя это интересует?»

Я кивнул, очень заинтересованный. Он рассказал мне о маленьком мусульманском селении, возле рощи деревьев «шавук». В середине рощи деревьев «шавук» есть поляна. Я должен пойти на эту поляну в следующее полнолуние, сесть там и ждать, пока что-то появится.

«И не засыпай, что бы ты ни делал» – предостерег он. «Ты должен набрать в карманы мелких белых камушков. Если ты испугаешься, смочи их слюной и брось позади себя, так далеко, как сможешь. Это поможет тебе убежать».

Он замолчал. «Если ты выживешь после этой встречи, приходи сюда». Я ушел в возбуждении, жадно дожидаясь следующей ночи полнолуния.

После обеда перед этой ночью я вернулся в эту местность вместе с Ахмадом. Мы быстро нашли маленькую деревню, о которой говорил тантрик, и предусмотрительно расспросили о лесе шавук. Мы нашли его, когда солнце уже садилось. На случай, если нам понадобится помощь, Ахмад познакомился с мусульманской семьей, жившей в ста метрах от дороги возле леса. Они поняли, что мы затеяли что-то довольно опасное, и сказали нам, что будут держать горящую лампу в окне, чтобы мы могли легко найти дорогу.

Мы оба наполнили карманы белыми камушками.

Бесцельно прослonyaвшись по деревне несколько часов, примерно в 11 ночи мы вернулись и вошли в лес. Луна высоко стояла в безоблачном небе, затопив все своим бледным светом. Спустившись с небольшой возвышенности, мы пришли к месту, где некоторые деревья были срублены. На середине поляны мы увидели очень дневную круглую стену, почти разрушенную. Мы сели на поваленный ствол примерно в 20 метрах от этого строения.

Не зная, чего ожидать, мы реагировали на каждый лесной шорох. Но ничего не происходило. Наконец, уже после полуночи, Ахмад стал клевать носом. Я помнил предостережение тантрика, и бодрствовал, сидя спиной к стене и, как прожектор, пристально оглядывая деревья вокруг.

Через десять минут после того, как Ахмад заснул, я почувствовал нервное покалывание в шее. Вскочив на ноги, я повернулся и увидел стоящую на краю стены, залитую лунным светом фигуру. Это была высокая статная женщина, слегка качавшаяся из стороны в сторону. Ее глаза были закрыты. В первую минуту я подумал, что она лунатик.

Лицом и сложением она не походила на индийских женщин. У нее были длинные распущенные волосы, свисавшие до лодыжек. Помимо того, она была обнаженной. Ее навязчиво-пленительный вид был одновременно и соблазнительным, и пугающим.

Застыв с открытым ртом от этого видения, я пихнул Ахмада. Он сел и повернулся, чтобы посмотреть, что я там увидел; у него перехватило дыхание, и он насилу смог подняться.

Одновременно с этим веки женщины поднялись, открыв пару дьявольских глазных яблок. Они светились, пронизывая темноту ярким светом, подобно глазам тигрицы. Она обратила свои ужасные глаза на меня и сошла со стены, спустившись по воздуху, как будто была не тяжелей, чем пушинка хлопка.

Ноги двигали ее вперед. Я не могу сказать, «шла» она или «бежала», ни одно из этих слов не способно отобразить картину того, как она продвигалась к нам. Ее ноги двигались, не сгибаясь в коленях, совершая быстрые маленькие шажки так плавно и без усилий, что это напомнило мне движение сороканожки. Это выглядело так, как если бы ее тело ниже пояса было машиной. Когда ее ноги пришли в движение, то голова, туловище и конечности слегка качнулись назад от внезапного движения вперед.

Ахмад, отчаянно дрожа и заикаясь, схватил меня за руку и стал тянуть к дороге. Но я был как будто прикован к месту таинственными глазами этой женщины. Я попытался сказать ему, что я не в состоянии бежать, но никакого звука не вышло из сжавшегося горла. Он побежал, спасая свою жизнь, когда женщина уже была на полпути от нас.

Как неодолимая гипнотическая сила автомобильных фар приковывает к ним взгляд оленя, также и ее глаза заставили застыть меня. Она преодолела последние несколько футов между нами. Я услышал, как мой друг закричал позади меня: «Приготовься бежать!». Что-то зашумело в воздухе и приземлилось позади женщины. Она оторвала от меня свой гипнотический взгляд и обернулась посмотреть, что это. Как только она посмотрела в сторону, я снова обрел способность действовать. В ужасе я бросился вслед Ахмаду, который к этому времени уже достиг деревьев на пути к тропинке.

Он обернулся, достал что-то изо рта и бросил это над моей головой. Я тоже вспомнил о белых камушках, которые мы взяли с собой. Продолжая бежать как сумасшедший, я нащупал в кармане и достал один из них, размягчил в своем рту и метнул его за плечо, не оглядываясь. Со стуком сердца мы выбежали из леса, пересекли дорогу и понеслись что было сил к дому мусульман.

Я обернулся и увидел жуткое зрелище: женщина появилась из-за деревьев и неслась через дорогу прямо позади нас. Ужасная мысль пронзила ум: «Нам отсюда не выбраться...».

Споткнувшись, я опустил руку в карман и схватил полную горсть камней. Я быстро лизнул их, перед тем как бросить их прямо в нее, затем кинулся вон с полной скоростью.

Глядя через плечо, я увидел, как она остановилась, изучая некоторые из камней, беря их в руки один за другим. Но она отбросила их, как будто в приступе ярости, и снова возобновила погоню. Но в это время мы уже добежали до дома.

Мы вбежали в дом, задыхаясь, и заперли за собой дверь. Хозяин и его пожилая мать вышли из комнаты и, уговорив нас сесть, быстро занавесили окна. Сделав это, мужчина вручил Ахмаду и мне по большому сверкающему ножу. Он натер открытый конец половинкой лимона и сказал нам держать ножи наготове. Тем временем пожилая женщина громко читала Коран.

Кем бы – или чем бы ни была эта загадочная женщина, она не пыталась войти. Примерно через час мужчина и его мать ушли. Я и Ахмад, все еще трясаясь от страха, не отважились заснуть до первого луча Солнца.

Глава III. СЕКРЕТЫ ТАНТРЫ ЛЕВОЙ РУКИ

Когда мы встретились снова, мастер-тантрик был гораздо более обходительным. Меня поприветствовали, тепло обняв, и пригласили отдохнуть под баньяновым деревом. Я чувствовал, что теперь меня приняли в некий круг. Я благоговейно спросил: «Что это было?»

Он посмеивался над моим неофитским возбуждением. «Итак, на тебя произвело впечатление?» Я кивнул. «Ты видел Мохини, демоницу из нижнего мира. Ты можешь заключить сделку с ней на следующий цикл Юпитера (двенадцать лет). Ты обещаешь удовлетворять ее вожделение один раз в месяц, и за это

она будет исполнять твои приказы – защищать твою собственность, убивать врагов – что хочешь.

Но сделка с Мохини очень опасная вещь. Когда она приходит за сексуальным удовлетворением, она может принимать восемнадцать форм в течение одной ночи, и ожидается, что ты исполнишь требования каждой из них. Если ты не сможешь – это будет стоить тебе жизни. Тебя будет рвать кровью – и конец».

Я спросил: «Почему она так заинтересовалась белыми камнями?»

«Мохини извлекает энергию из мужской половой секреции» – ответил он. «Кроме удовольствия от секса – это ее главный интерес. Из всех жидкостей тела слюна больше всего похожа на семя, поэтому бросить белые камни, лизнув их перед этим – несомненно, отвлечет ее внимание. Люди, которые неосознанно теряют семя во время сна – привлекают суккубов такого рода обрести власть над их телом».

Глядя на меня оценивающим взглядом, он спросил: «Твоя вера в оккультное увеличилась?» Я сглотнул и выпалил: «Да, как же может быть иначе? Я никогда в жизни не забуду то, что видел!»

«Итак, ты хочешь чему-то научиться от меня?»

«Да, конечно!»

Он составил расписание встреч, исходя из моих выходных. В среднем я должен был встречаться с ним один раз в две недели. Иногда, правда, он настаивал на том, чтобы до следующей встречи было 40 дней. В это время он занимался какими-то своими делами. Он приказал мне держать наши отношения с ним в строгой тайне.

Когда мы встречались, он рассказывал теорию, читал и объяснял санскритские стихи из старинной книги. В течение этого курса я узнал, что у него в подчинении находятся 12 четанов. Он использовал этих демонов в разных неприятных заданиях, по заказу своих клиентов. Например, напугать или свести с ума конкурентов, или даже убить их.

Я также узнал, что мой учитель начал заниматься вамамаргой в качестве мести. Кто-то применил эти методы, чтобы нанести вред его семье. Он отомстил этим врагам, а затем сам увлекся этим. В Индии вамамарга всегда была последней

надеждой для униженных и оскорбленных в обретении справедливости и уважения. «Собаке поклоняются, как дьяволу, но тот, кому поклоняются, живет, как Бог».

Кроме безжалостного отношения к врагам, я увидел и некоторые положительные качества. Одно из них было то, что он полностью контролировал себя, несмотря на то, что использовал женщин во многих ритуалах. Он был одним из тех редких людей, которыми движет не желание чувственных удовольствий, а жажда могущества.

Другим его хорошим качеством, к счастью для меня, было то, что однажды сделав меня своим другом, он не предал. Многие учителя тантры принимают учеников только из-за того, что им нужны помощники, а не потому, что они хотят делиться своими знаниями. Сегодняшний ученик завтра может стать конкурентом. Поэтому ученики могут оказаться в опасном положении, когда учитель в них больше не нуждается. Но мой учитель считал меня другом, зная о том, что в будущем я не буду заниматься тантрой серьезно. Я просто экспериментировал.

В течение последних десяти лет он пытался обрести мистические силы через метод, известный как утара-каула, поклонение Шакти в форме невинной девушки с определенными особыми лакшанами (физическими качествами). Его четаны искали таких красавиц, когда он ездил по Керале, давая представления.

Время от времени он помещал одну из этих женщин под гипнотический контроль и приводил ее на пепелище, где кремируют трупы. Там он омывал ее вином и призывал силу богини мантрами и мудрами (символические жесты руками). Несмотря на все это, он должен был оставаться совершенно невозмутимым в сексуальном плане. Последние тридцать лет он соблюдал целибат. После церемонии он отпускал девушку домой нетронутой, не причинив ей вреда, и она не помнила того, что с ней произошло.

Закончив теорию, однажды ночью я помогал ему в одном ужасном ритуале. Он привел меня в крематорий, где ему помогал человек, сжигающий трупы. Этот человек достал из огня тлеющий

полуобгоревший скелет, который мы использовали в качестве алтаря. Мой учитель сел возле тела в медитации. У меня была коробка, в которой лежало восемь различных порошков, по знаку учителя я должен был посыпать один из них на горячий, потрескивающий труп. Другой парень клал горячие угли на труп, чтобы он не остыл.

Порошки придавали дыму различные цвета и запахи. С каждым новым видом дыма мой ум проникал в определенную сферу сознания. К примеру, один порошок затоплял мое сознание видениями – небо в рассвете, лунное небо, небо на закате и ночное небо. От другого я видел разные виды облаков. Третий вызывал видение водянистых тел. Иногда эти видения были ужасны, например когда я видел огромную кучу испражнений. Иногда видения были очень возбуждающими. В любом случае я должен был держать свой ум под контролем и не позволять ему переполниться влечением, вожделением или отвращением.

Мой учитель использовал меня как «видеомонитор» для своей собственной медитации. Я бесстрастно удерживал эти картины в своей голове, в то время как он входил в них с помощью своего ума. Каждое видение служило воротами к определенному плану сознания, и на каждом плане он должен был умиловить определенную форму Деви.

Этот обряд медитации завершился примерно за час до восхода солнца. Мой учитель встал и обнял меня, сказав: «С твоей помощью сегодня я достиг успеха. Какой замечательный у тебя ум!»

Он пояснил, что предпринимал много попыток завершить эту церемонию, но из-за того, что у него не было подходящего помощника, он не мог довести все это до конца. Теперь, сказал он мне, он обрел способность делать объекты – включая собственное тело – невидимыми, а также представлять их в более чем одной форме.

Такие способности называются сиддхи, и йоги обретают их после долгих и напряженных аскез и медитации, которые могут растянуться на несколько жизней. Йогой овладевают постепенно, с помощью увеличения чакр и особых тайных возможностей ума.

Но процесс тантры, когда он успешен, помещает ум медитирующего под такое сильное давление, что сиддха-чакры могут внезапно дико вывернуться мощным взрывом силы воли. В основном из-за этого процесс тантры сочетает такие взрывоопасно несовместимые элементы, как обет целибата с омовением обнаженных девушек вином. И еще тантра опасна потому, что такая насильственная деформация ума часто заканчивается сумасшествием.

К тому же, союз тантриков с четанами, мохини и подобными злыми духами, весьма шаткий. Как старая поговорка говорит: «Погонщик слонов – погибает из-за слонов, заклинатель змей – из-за змей, а тантрик – из-за этих существ, которых он вызывает и пытается контролировать».

После ритуала в крематории мой учитель сказал мне больше не приходите к нему. «Ты уже увидел достаточно для того, чтобы поверить в реальность мира за пределами чувств. Если ты разумен, ты примешь правильную, нормальную религиозную жизнь. Этот путь тантры только для таких необузданных людей, как я».

И это действительно так, моя вера очень сильно увеличилась с помощью моего учителя. Я подумал, что если такие проявления мистических сил, которыми он обладает, достижимы через практику черной тантры левой руки, то чудеса мурти Кришны в Гуруваяре должны быть бесконечно выше и чище по природе.

В то время, пока я обучался у моего учителя, я посетил и других тантриков. Их было двое. Эти встречи стали главной причиной того, что я принял предостережение моего учителя оставить вамамаргу. Я не хотел стать таким, как они.

Первой из них была женщина с репутацией самого искусного тантрика во всей Керале. Она, в свою очередь, потом направила меня ко второму. Сама она иногда жила в разрушенном доме в деревне в окрестностях Тричура. Мне удалось найти ее, преодолев много трудностей, потому что она держала в большом секрете свое место пребывания. Были слухи, что она преследуется

законом, поэтому я не осмелился открыто расспрашивать о ней, из опасения, что меня арестуют как сообщника.

Когда я пришел к дому, я не заметил никаких признаков обитаемости, кроме брошенного на веранде драного стеганого одеяла. Когда я немного огляделся и не нашел ничего другого, я хотел заглянуть под одеяло. Его вдруг вырвали из моих рук, и какой-то голос из-под него прошептал: «Не трогай мое одеяло! Если ты хочешь увидеть меня, приходи после захода солнца!»

Я уронил одеяло так, как будто увидел в его складках скорпиона. Не отвечая ни слова в ответ голосу под одеялом, я ушел из дома на деревенскую площадь и пообедал в маленькой закуской. Когда солнце зашло за горизонт, я вернулся к старому дому.

Когда я взшел на веранду, фигура под одеялом зашевелилась и села. Увидеть ее лицо – это был еще один шок, потому что оно было дряхлым до невозможности и покрыто сочащимися болячками. Ее ужасный облик напомнил мне повторяющийся кошмар, который у меня был в детстве: ведьма, очень похожая на нее, выглядывала из-под лестничного пролета старого здания.

Но интерес к ее способностям пересилил мою безгливость. Так как она физически не могла стоять (она передвигалась с помощью людей, над которыми у нее была власть), я сел рядом с ней. Промозглым, прерывающимся голосом она сказала: «Если солнечный свет коснется моей кожи, я умру. Поэтому ты можешь увидеть меня, только когда наступает темнота».

Я попытался представиться, но она прервала меня. «Я знаю тебя, и я знаю, зачем ты пришел. Но я не имею дел с начинающими. Ты ищешь неопровержимых доказательств способностей, которые смогут дать тебе веру в мистику. Очень хорошо, у меня есть тысячи тантриков, работающий под моим началом. Я рекомендую тебе одного из них, такого, который сможет удовлетворить твое любопытство, и даже больше. И я гарантирую – после того, как ты встретишься с ним, ты навсегда отбросишь мысль стать тантриком.»

Она приказала мне вернуться в деревню и переночевать там. На следующее утро я должен был увидеть очередь людей, ждущих автобус. «Дашь водителю две рупии. Когда он скажет тебе сходить, сходи. С этой веранды я буду руководить тобой весь оставшийся путь. Теперь иди».

Все произошло так, как она сказала. Примерно в полдень я сошел с автобуса в мусульманской деревне. Основным занятием жителей, казалось, была продажа жареных банановых чипсов. Я вышел из деревни по тропинке, прошел через зеленое поле, поросшим высокой пшеницей. В конце поля я увидел дом, расположенный на вершине скалистого холма. Каким-то образом я понял, что это то место, куда я должен попасть.

На веранде дома было четыре молодых, хорошеньких женщины в красных платьях. Их волосы были завязаны в длинный «конский хвост». Девушки сидели вокруг мужчины, одетого в яркую одежду, с щегольской длинной бородой и волосами до плеч. У него был взгляд гангстера, и я было подумал, что это дом терпимости. Эти пятеро сидели в креслах так, как будто ждали кого-то. Когда я поднялся по ступеням к ним, то увидел на веранде еще и множество детенышей животных – котят, щенков, обезьян и даже один маленький шакал.

«Вот ты и пришел!» — сердечно приветствовал меня мужчина. «И ты хочешь увидеть что-нибудь интересное. Хорошо». Он зубасто ухмыльнулся из бороды: «Ты должен посмотреть представление, которое планируется на вечер. А пока отдохни с комфортом». Он представил мне своих спутниц и намекнул, что они будут настолько дружелюбны, насколько я пожелаю. Я скромно отказался от их помощи провести время. Меня заинтересовало, каким правилам и ограничениям следует этот человек.

Его специальностью было шпионить за людьми и искать потерянные вещи или людей с помощью мистического видения. И чтобы обрести такое могущество, он совершал самые ужасные и отвратительные ритуалы, которые только можно себе вообразить. Этим вечером я буду свидетелем одного из них.

Он рассказал мне, что его линия тантры не требует никаких обетов или аскез, вроде тех, каким следовал мой учитель. Он знал все про моего учителя и его доверие ко мне, он сказал, что это было единственной причиной того, что мне было позволено встретиться с пожилой женщиной, направившей меня к нему.

Он рассказал мне о ней. «Ее жажда власти не знает пределов. Она достигла уровня, которого никто другой не может достичь, и она все еще хочет большего. Ее физическое состояние – результат ужасных методов, которые она использовала, чтобы получить то, что она имеет. Но это не имеет значения для нее, потому что она черпает удовлетворение не в удовольствиях тела. Честно говоря, она не может быть удовлетворенной. Секреты вселенной бесконечны, и она использует свой ум, чтобы постичь их все. Ее цель – проглотить вселенную».

Тантрик имел в виду сиддхи, которые они называют «глотание» (интернирование) вселенной, чтобы быть на вершине достижений. Человек получает доступ ко всему в космосе, к любой планете, повсюду, просто думая об этом. Через это можно удовлетворить любое свое желание с помощью одного только ума.

Йоги, которым известен этот мистический процесс, могут ментально перемещаться через уровни вселенной так же легко, как можно перемещаться на лифте с этажа на этаж. Шахтой лифта для йога служит центральный психический канал его тела, который проходит сквозь спинной мозг. С помощью медитации он может присоединить этот канал к шишумара-чакре, астральной спиральной трубке от Полярной Звезды вниз, к нижним областям, и проецировать тонкое ментальное тело для легкого путешествия к другим планетам. Он может даже телепортировать элементы своего физического тела через этот канал, собрать их в выбранном месте, и исчезнуть здесь и появиться там.

Незадолго до полуночи тантрик дал мне нести потрепанный оловянный ящик и провел меня в ближайший крематорий, где для его целей специально сохранили тело беременной женщины. Я смотрел с возрастающим ужасом, как он встал на труп и стал повторять мантры. Пользуясь особыми инструментами, извлеченными из коробки, он извлек эмбрион из тела мертвой

женщины. Осматривая слабенькое тело маленького ребенка, он уверил меня, что тот еще не умер, хотя нет надежды, что выживет. Он объяснил, что поддерживал душу в теле с помощью магических заклинаний. Он достал из ящика остро заточенный нож и большую банку с каким-то раствором и стал, повторяя мантры, разделявать ребенка, бросая куски плоти в банку. Содрогаясь от ужаса, я сбежал с места событий.

Я пошел к смотрителю, который впустил нас в крематорий. «Как ты можешь позволять такие вещи?» я просто был в ярости. «Семья этой женщины заплатила тебе, чтобы ты предал огню ее тело, а ты допускаешь, что с ней и ее ребенком делают такие жуткие вещи!»

Смотритель остановил меня испуганным шепотом: «Не говори больше ничего, пожалуйста! Этот человек знает, что ты говоришь со мной. Не серди его! Ты должен быть осторожен с ним – он знает даже твои мысли. Если тебе не нравится то, что он делает, тогда зачем ты пришел сюда с ним?»

Чувствуя стыд, я промямлил: «Я просто хотел увидеть секрет его могущества...»

Смотритель с сожалением покачал головой и сказал: «Твое любопытство тебя погубит. Ты молод, ты выглядишь разумным и способным, зачем ты влезаешь в это? Уходи. Не порти свою жизнь». Но я не мог уйти, потому что не знал, куда идти. Нельзя оставаться в сельской местности Кералы ночью, где запросто может укусить змея. Я уселся около будки смотрителя и вскоре задремал.

Некоторое время спустя – примерно через час или два – смотритель разбудил меня. Тантрик вышел из крематория с ящиком в одной руке. В другой руке он нес череп ребенка. «Почему ты ушел?» укорил он меня, ничуть не сердясь. «Если ты хочешь делать вещи, которые не могут делать другие люди, ты вынужден делать вещи, которые не делают другие!» Он засмеялся, и его непринужденное поведение изумило меня.

«Посмотри на это!» он радовался, тыча банкой мне под нос. Я подумал, что сейчас он откроет крышку, и подумал, что меня сейчас вырвет. Но он просто хотел пояснить, что поместив плоть

ребенка в раствор, он приготовил мощное снадобье. Он снова упрекнул меня за то, что я не остался, чтобы посмотреть, как он делает это.

«Неси коробку», приказал он. «Мы вернемся ко мне, и завтра я покажу тебе, что можно делать с помощью такого зелья». Он провел меня через поле назад к его дому. Он отправился спать в дом, с двумя из своих девушек, а я мирно выспался на веранде.

На следующее утро он поставил банку на маленький столик между нами. Теперь я увидел, что дно было покрыто пастообразной субстанцией. Рукой глядя плечо одной из девушек, сидящих по обе стороны от него, он откинулся назад на своем сиденье и проверил мой ум за минуту, молча уставившись на меня. «Я думаю, ты должен проверить мощностъ этого снадобья», сказал он, многозначительно поднимая брови. «Есть проблема на твоём предприятии, которую ты можешь решить с помощью этого... пропавшая наличность?»

Он был прав. Недавно исчезла значительная сумма наличных денег, и подозрение пало на Мистера Муртхи, хотя никаких доказательств его вины не было. Тантрик намазал немного снадобья на мой ноготь большого пальца и сказал мне смотреть на него внимательно. Когда я сконцентрировался, я увидел на ногте изображение офиса, из которого пропали деньги. Я увидел, что я могу при помощи своего ума двигать изображение в различных направлениях, почти так же как директор телестудии изменяет изображение на видеоэкране, командуя операторам показать панораму, увеличить изображение до крупного плана и т.д. Но мой мистический «ногтескоп» был несравнимо более подвижный, он мог даже показать прошлое.

Я увидел, что это не был Мистер Муртхи, а какой-то другой человек, который исподтишка вошел в офис, взял портфель с деньгами и спрятал его в своей машине. Я следил за ним. Он вел машину своего сообщника, и портфель был с ним. Сообщник истратил эти деньги на черном рынке золота, так что следов не было. И я увидел, как вор сделал из своей части золота дверную ручку, которую он прибил на двери у себя дома. Естественно, он не рассказал своей семье, из чего сделана эта дверная ручка.

Позднее я сказал об этом одному другу, который написал анонимное письмо в полицию. Они подтвердили, что дверная ручка в доме у этого человека была сделана целиком из золота. Он был арестован и признан виновным в хищениях в особо крупных размерах.

Из моих дальнейших бесед с тантриком в тот день я узнал, что когда люди приходят к нему для того, чтобы разыскать пропавшие вещи, за плату он заставлял одну из своих девушек проследить за пропавшей вещью при помощи мистического «ногтескопа». Существование ужасного снадобья, естественно, держалось в секрете. Заказчик думал, что это способности самих девушек.

У «ногтескопа», однако, были пределы. Хотя он мог преодолевать закрытые двери или стены, он не мог показывать изображение ниже или выше определенной высоты, и не мог показывать могущественные святые места или храмы, и его можно было сбить с толку, если опытный исполнитель пел определенные мелодии. А также его делали непригодным некоторые виды дыма.

Я спросил его про его карму. «Ты обретаешь эти сиддхи с помощью отвратительных методов. Как ты думаешь, что ждет тебя в твоих следующих рождениях?»

На это он ответил удивительно философски. «Те, кто хотят достичь мастерства в этом знании, должны быть готовы к последствиям, без уклонения. Несомненно, мне придется страдать за все темные дела, которые я совершил. Но это часть той игры, в которую мы играем».

«Мы, тантрики, смотрим на все творение как на приливы и отливы Шакти. Мы соединяемся с этой энергией, и она поднимает нас на несказанные высоты. А позже та же энергия может повергнуть нас в ужасную пучину. Но что другое здесь есть? Все является всего лишь проявлением Шакти».

Вопрос этого человека – «Но что другое здесь есть?» — на который у тантриков нет ответа, беспокоил меня. Если действительно, здесь нет ничего другого выше богини и её энергии, тогда он, и старая ведьма на веранде, и мой учитель, который лил вино на тела женщин, и брахман, разбивший

кокосовый орех на своей голове, достигли уже всего, чего только можно достичь. С этим я не мог согласиться. Должно было существовать что-то большее.

Теперь я больше не интересовался дальнейшим изучением вамамарги. Но я думал, что теоретические принципы и основы, изученные мной под руководством моих учителей, пригодятся мне. Я даже и не подозревал, что, открыв однажды крышку этого ящика Пандорры, оккультных способностей ума, не так-то просто закрыть её снова.

Глава IV СКВОЗЬ ВОРОТА МЕЧТЫ

После того, как я провел три с половиной года в Керале, меня перевели обратно в Тамил Наду. Я стал работать под руководством очень строгого главного бухгалтера филиала Салем, М-ра Венката Субрахманиана.

Моими коллегами в то время стали два моих хороших приятеля-ровесника: Вайдьянатх, серьезный, в очках и немного стеснительный парень, и Шанкара Субрахманиа, веселый и огромный.

Первые шесть месяцев я жил один, в маленькой комнате, снятой внаем. После этого я снял жилье вместе с Шанкаром, вплоть до весны 1974 г.

Я вернулся в Тамил Наду не просто с навыками офисной работы. Хотя в Керале мой юношеский интерес к противоположному полу продолжал цвести, но уже по-другому. Из тантры левой руки и тантры правой руки я научился весьма изощренному способу взаимодействия с женским принципом. Несколько случаев близких отношений с девушками, которые были у меня в Керале, были экспериментами с энергией Шакти, с помощью которой сексуальные побуждения направляются не на физическое удовлетворение, а на повышение, усиление возможностей ума. Я хорошо понял благодаря моему учителю вамамарги, что физический сексуальный акт портит возможность

по-настоящему получить от женщины то, что она может дать мужчине. И так, по крайней мере, внешне, я оставался хорошим мальчиком-брахманом. Но в действительности мое вожеление достигло уже таких космических масштабов, что попробовать удовлетворить его чисто физически – просто было недостаточно. Я вернулся также с существенно укрепленной верой в индуизм. Трижды я принимал участие в ежегодном паломничестве последователей Аяппы, каждый раз видя мистическое сияние над горой. В один год я глубоко погрузился в оккультный тантризм. Все это доказало мне, что существует нечто большее, чем просто мир механических сил. Теперь моя вера выросла настолько, что я мог посвятить себя основному течению индуизма, который я раньше высмеивал.

В Салеме я стал ревностным преданным Картикеи, популярного божества тамильцев. Картикея отвечает как на мистические, так и на материальные просьбы обычного человека. Во время Тхаипушан, ежегодного фестиваля, проводимого ранней весной, сотни тысяч паломников стекаются к его храмам в Тамил Наду, Цейлоне, Малайзии, Сингапуре, Маврикии (места, куда проложили дорожку жители южной Индии). Многие из них одержимы либо этим богом, либо сворой привидений, которые ему служат. Находясь в трансе Картикеи, некоторые даже протыкают стрелами свой язык или щеки. Они не чувствуют боль, и эти раны не кровоточат. Они пророчествуют (делают предсказания) и творят второстепенные чудеса, «становясь» богом на время. Интересная параллель с христианством – южноиндийцы верят, что Картикея – сын Бога (Шивы), рожденный от чудесного зачатия. Его зовут Кумара, божественный ребенок. Другое его имя – Махасена, военачальник богов и враг демонов. Его оружием является Шакти Вел «копье силы», которое я видел однажды в детском видении.

Хотя он легко дает тем, кто ему поклоняется, материальные удовольствия (бхога), его скрытой целью является постепенное развитие в своих почитателях тьяги (отречения). Он продемонстрировал это в своих собственных деяниях. Однажды он преисполнился вожелением к прекрасной женщине с райских

планет, и полубоги пожаловались его матери, Парвати. Чтобы преподать ему урок, она открыла ему, что каждая женщина во вселенной является одной из ее форм. Осознав, что он воцарился к собственной матери, он устыдился, и с этого момента принял обет хранить брахмачарью (целибат).

Но я просто хотел жить как в основном нормальный, но преданный верующий-индуист. Я не верил, что скрытый план Картикеи может побудить меня подойти к краю пропасти настолько, чтобы я разом оставил всю мою материалистическую жизнь.

Поскольку Коимбатор был всего в нескольких часах пути поездом от Салема, я часто ездил домой на уик-энды. В окрестностях Коимбатора есть большой храм Картикеи в направлении холма Нилгири. Однажды в воскресенье по просьбе матери я отправился туда вместе с невестой моего брата, ее отцом и двумя сестрами. Идея была в том, чтобы произвести на них хорошее впечатление о нашей семье.

Мы прошли полпути по длинным каменным ступеням, которые вели паломников от подножия холма к входу в храм, и остановились отдохнуть около алтаря Ганеши.

И вдруг я встрял в мягкое течение приятной беседы с потрясающим заявлением. Повернувшись к невесте моего брата, я сказал: «Вы знаете, перед тем, как родился я, у моей мамы была дочь, которая умерла в младенчестве. Вы – это она, рожденная снова. Добро пожаловать назад в семью».

Она моргнула, покраснела и беспомощно посмотрела на отца. Он покачал головой. «Зачем ты говоришь такие вещи?» – спросил он, мигая так, будто ему было больно даже смотреть на меня.

«Потому что я — тот, кого вы пришли увидеть». Когда я ответил ему, мне стало ясно, что это отвечал не я.

Все четверо обменялись неловкими взглядами.

Ничего не соображая, я (который уже был не я) в карман за словами не лез: «Я – тот, у кого шесть ликов – Шанмукуха, сам Картикеея!»

«Каннан» — выпалила сестра будущей невесты, «у тебя что, голова набита мусором? У тебя будут большие проблемы, если ты порочишь бога своим единственным лицом, потому что из этого лица исходят одни глупости».

Я закрыл глаза и три раза хлопнул в ладоши, оставаясь сидеть, в то время как девушки шептались друг с другом. Через несколько минут на сцене появился петух, объявляя о своем прибытии громким криком. Петух является спутником Картикеи.

Слегка улыбаясь, я открыл глаза. Крякнув, отец поднялся. «Давайте пойдем», — пробормотал он дочерям. Я встал и присоединился к ним. «Сейчас в храме находится женщина, которая очень предана мне». Я мило болтал, пока мы шли из тени алтаря на солнечные ступеньки. «Она одета в зеленое сари и скоро спустится по ступеням». Группа женщин вышла из храма и стала спускаться, как раз в то время, когда мы достигли вершины. Одна была в ярком зеленом сари. «Совпадение!» — зашипели девушки, их глаза заблестели угрожающим осуждением в мой адрес. Их отец чопорно шел вперед, сохраняя важный вид.

Внутри храма священнослужители омывали мурти различными жидкостями. Когда они стали лить молоко на форму Картикеи, я почувствовал, как оно течет по моей коже. Я закатал рукав моей рубашки до локтя и попросил отца посмотреть на мое предплечье. Он нахмурился, затем остолбенел, когда его взгляд упал на белые капли, конденсировавшиеся на моей коже. Его три дочери завизжали и ухватились друг за дружку. Люди столпились вокруг нас, возбужденно болтая. В конце-концов, священники, которые не хотели нарушить церемонию этими беспокойствами, вывели меня вон.

Хотя я не расстроил свадьбу моего брата, этот случай был первой примечательной трещиной в моем общении с обыденным миром.

Позже я получил мантра-сиддху Картикеи, способность телепортировать его священный пепел (получаемый в качестве благословения от храмовых священнослужителей) из закрытой емкости в запертом шкафу в мою руку. Я получил эту способность при помощи ежедневного повторения особой мантры

определенное количество раз в течение определенного количества дней. Но поскольку я не продолжал эту садхану (практику), позже эта способность постепенно ушла.

Несколько месяцев спустя другой сверхъестественный персонаж начал серьезно портить мне жизнь. Однажды вечером после того, как я только что погасил свет в моем арендованном доме в Салеме и лег спать, я услышал стук в дверь. Я встал, включил свет, открыл задвижку и широко открыл дверь. В коридоре никого не было. Я выглянул на лестничную клетку и осмотрел первый этаж, который был ниже. Пусто. Я закрыл дверь, выключил свет и лег обратно в постель.

Через несколько секунд – опять стук.

Я осмотрел все ещё раз. Никого.

Когда это случилось в третий раз, я подошел к окну и посмотрел на дорожку. Я заметил одинокую фигуру, стоящую в тени ночи. Он был абсолютно голый, тело покрыто пеплом, с длинной бородой и спутанными волосами. «Приходи в Чендамангалам» — вышло из его рта. Я слышал это в моей голове. Затем он повернулся и исчез в темноте.

Это был тот садху, из моего сна, из озера, что приснилось мне несколько лет назад.

Я был ошеломлен. Если я и сейчас вижу это во сне, я должен снова заснуть и забыть об этом. Тем не менее, я зажег свет, плеснул водой в лицо и посмотрел в зеркало – все это время я бодрствовал! Я просидел половину ночи, мысли вертелись в голове. Что это за садху? И где на земле – если это вообще на земле – этот Чендамангалам?

На следующий день в наш офис заглянул один из наших агентов по продажам, чтобы обработать полученный заказ на тракторные покрывающие. Он подошел к моему столу с оплаченным счетом, и я занес его в книгу наличности, записав подробности с его бланка. Когда я увидел адрес покупателя, я остолбенел: Чендамангалам!

Врядли мне удалось скрыть мое возбуждение. Я спросил его об этой местности. Он рассказал мне, что это сельская

местность, не более 2 часов пути на рейсовом автобусе от Салема. Я дал клятву съездить туда как можно быстрее.

Когда я вернулся домой с работы, в почтовом ящике было письмо от мамы. Я прочитал его, пока шел вверх по лестнице и входил в комнату. Муж ее сестры, служащий Канара Банка, перевелся на работу в филиале возле Салема. Мама просила меня «как можно скорей съездить к нему, адрес ниже». Я так и сел, когда увидел, второй раз за этот день, название города, который сказал тот таинственный садху.

В выходные я поехал на автобусе в Чендамангалам. Добрался как раз к ужину. Обменявшись с родственниками нежными словами, я через некоторое время вышел один в их садик позади дома, просто осмотреться вокруг. Двор примыкал к высокой стене из белого кирпича, с зелеными деревянными воротами. Я открыл защелку и растворил ворота, чтобы посмотреть на окрестности. На горизонте я увидел холм, а на вершине храм. Тот самый холм и тот самый храм, из моего детского сна о затопляющем озере.

Не говоря никому ни слова, я вышел из ворот и шел почти час, пока не пришел к подножию холма. Взойдя на лестницу храма, я пришел к алтарю, увенчанному большим остроконечным куполом. Заглянув туда, я увидел мурти с тремя ликами и шестью руками, в милостивой позе, на массивном постаменте из черного камня. Я узнал в его руках символы Брахмы, Вишну и Шивы: сосуд для воды и рукопись, раковину и лотос, трезубец и нить четок рудракша.

Вышел пуджари и дал мне цветочные лепестки, предложенные стопам мурти. Я спросил у него, что это за божество. Он улыбнулся, обрадованный моим интересом. «Это Даттатрея».

Даттатрея явился в древние времена как сын мудреца Атри и его супруги Анасуйи. Этот трансцендентный ребенок, Даттатрея был олицетворенной милостью Брахмы, Вишну и Шивы, тримурти (три формы) Величайшего, который создает, поддерживает и разрушает вселенную.

Пуджари показал мне пещеру под фундаментом храма. Примерно пять футов диаметром и двадцать футов в длину, она была входом в самадхи (мавзолей) йога, чья мраморная статуя, украшенная пеплом, сидела в позе лотоса в дальнем конце пещеры. Я узнал в нем того же садху, которого я видел на дорожке несколько ночей назад.

Также там было несколько картин в рамках: некоторые изображали йогов, некоторый других святых людей, а одна была головоломкой о коте на дереве, которую нарисовал йог, чтобы развлечь проходящих в храм детей. Я вспомнил головоломку в храме из моего детского сна, эта выглядела точно так же.

От священника я узнал, что этот йог – Шри Свайампракаш Брахмендра Авадхута Свами, который умер в 1948 году. Я спросил, возможно ли все же увидеть его сейчас. Священнослужитель кивнул, живо выражая согласие: «Да, с тех пор как Свамиджи покинул свою физическую форму, он являл себя многим людям. Он был сиддха-йогом. Смерть не может ограничить его могущество».

Он сказал мне, что Брахмендра Авадхута осознал Брахман, то есть абсолютное изначальное сознание вне мирских названий, формы, качеств или желаний. В Индии широко распространена концепция, что безличный Брахман является наивысшим проявлением Бога. Ади Шанкара, очень влиятельный ведантист, живший примерно 1400 лет назад, обосновал эту философию, известную миллионом индийцев как Адвайтавада, «учение о единстве».

Как семейный человек, Брахмендра Авадхута жил и работал в Коимбаторе, но позже оставил все и ушел в Гималаи. Он принял обет санньясы (формальное отречение от мирской жизни) от гуру из строгой линии «авадхута». Среди практики авадхутов есть дигхамбара-врата (обет носить на себе только небо). В течение многих лет Брахмендра Авадхута медитировал в одиночестве в горах, пока не ему не пришла свыше идея прийти к холму Латагири, возле Чендамангалам, и построить там храм Даттатреи. Он взял своих четырех учеников, и каждый основал собственный ашрам в этой области. Когда я нашел храм, о его поддержании

заботилась семья, происходящая от старшего брата Брахмендры Авадхуты.

Их дом был у подножия холма. Я представился и в разговоре спросил, было ли раньше здесь какое-нибудь озеро?

Пожилая женщина, племянница йога, заговорила впервые за эту встречу: «Откуда ты знаешь про озеро?» Я замялся, не зная что сказать. Я стеснялся открыть свой сон. Она открыла ящик стола в античном кабинете и достала какие-то бумаги. Это был пожелтевший эскиз храма и холма, сделанный во время жизни Брахмендры Авадхуты. С одной стороны у подножия холма там было изображено озеро. Сейчас же в этом месте только заросли небольших деревьев.

Указывая на озеро дрожащим шишковатым пальцем, она объяснила: «Когда Сваמידжи оставил этот мир, озеро высохло».

Я стал приезжать в Чендамангалам при любой возможности. Я увлекся Даттатреей и Брахмендрой Авадхутой. Мой ум погрузился в парапсихологическую воронку, которая, похоже, исходила от самадхи. Видения и озарения протекали сквозь «мистическую трубу», и иногда этот поток на часы уносил меня от знакомых берегов обычных рассуждений. Если я говорил с другими, находясь в этом состоянии, я мог внезапно открыть секрет из чьего-нибудь прошлого или точно предсказать будущее. Некоторые из местных жителей говорили, что я ясновидящий, другие – что сумасшедший.

Именно в это время я начал изучать философию Адвайты, чтобы лучше оценить уровень осознания, достигнутый Брахмендрой Авадхутой. Я познакомился с его учениками и научился у них всему, чему только было возможно. В ближайшем городе я нашел библиотеку миссии Шивананды Йога, полную книг Адвайтистов, которые я брал целыми охапками.

В декабре 1973 моя жизнь снова приняла загадочный оборот. В праздник я отправился на туристическом автобусе в Махабалипурам, древний портовый город. Махабалипурам расположен примерно в восьмидесяти километрах от Мадраса. В настоящее время он представляет из себя – небольшой сонный курортный городок для отпускников среднего класса и туристов-

иностранцев. Но обилие старинных храмов и каменных пещер в этой области показывает, что во времена царей Паллава, примерно полторы тысячи лет назад, здесь был очаг высокой культуры. В сопровождении гида, мы вместе с группой из нашего автобуса осматривали достопримечательности в приятное послеобеденное время.

На обратном пути к автобусу мы ненадолго остановились в Махишамардини Мандапам, укрытии для паломников (мандапа). Эта мандапа была высечена из цельной скалы в одной стороне холма. На сером камне одной из стен был виден потертый барельеф, фигура Вишну, сражающегося с демонами Мадху и Кайтабхой; на противоположной стене была вырезана Деви с восемнадцатью руками, убивающая демона Махишу.

Пока я стоял перед мандапой, меня переполнило чувство «дежа вю». Наш гид вскоре развеял это ощущение своими комментариями, но мой ум уже перешел в другое измерение. Группа уже потянулась к автобусу, и на минуту я остался один. Единственным звуком был соленый ветер, иногда дующий с океана.

Хотя я был здесь физически первый раз, я смутно помнил, что некоторое время назад я видел сон, в котором я говорил с девочкой примерно лет семи, в месте, очень похожем на это. Я сел в мандапе и попытался вспомнить это. Но эта картина не прояснялась в голове.

Стало темнеть. Теперь уж точно мой автобус ушел, а вместе с ним уехал и мой спальный мешок. Но меня это не особо волновало. Пошел дождь, быстро превратив рыжевато-коричневый песок снаружи в вязкую глину. Пожилой лысеющий человек, одетый в белое, спустился вниз по каменистому склону холма и укрылся в мандапе, вскоре пришли ещё две женщины. Когда погас последний луч солнца, дождь утих.

Женщины собрались уходить и пожилой человек тоже, вместе с ними. Напоследок он обернулся и спросил: «Вы не идете? Дождь кончился». «Я жду друга» — ответил я уклончиво. «Понимаю», ответил он, «но если Вы хотите отсюда уехать

сегодня, то лучше ждите на автобусной остановке. Скоро будет последний автобус на Мадрас». Они ушли.

Небо прояснилось, кружащийся покров призраков иссякших дождевых туч уступил путь луне и звездам и непроницаемо-черной ночи над ними. Таинственная и задумчивая ночь тихо струилась из глубокого пространства и шептала секреты жизни древнему каменному пантеону Махабалипурам. Слоны трубили об их появлении, апсары танцевали, развлекали их, боги и мудрецы давали им благословения. Но ночь безучастно смотрела на все это. Она уже повидала гораздо более странные вещи, чем праздник статуй.

Внезапно я почувствовал, что я не один. Мышцы напряглись, ноздри тревожно дрогнули, и я почувствовал, что сейчас увижу нечто!

Что-то двигалось от задней стороны большого валуна, находящегося снаружи. Я услышал нежный звон ножных колокольчиков, когда маленькая темная фигура вошла в мандапу и подошла ко мне. Это была маленькая девочка.

Я пристально посмотрел в её сердце сквозь залитую лунным светом мглу и ясно вспомнил сон. Это была та самая маленькая девочка, примерно лет семи и очень симпатичная. На ней была шелковая длинная юбка и блузка в тон, и ароматный цветок приколот к волосам. Запястья украшены браслетами. Золотая цепочка на шее.

Стеснительно улыбаясь, она села как раз под барельефом Девы. «Дядя, ты не уходишь?» У неё был нежный и мелодичный голос.

«Нет, я ждал здесь, надеясь встретить тебя».

«Ты ждал меня?» Она засмеялась. «Хочешь пахты?». Она вскочила и побежала из мандапы обратно к задней стороне скалы. Я пошел за ней, она бежала вниз по дорожке к ближайшему домику, в котором светилось окно. Когда я догнал её, она позвала возле двери, и появилась женщина. «Пожалуйста, дай дяде пахты» — вежливо попросила малышка.

Я стоял за дверью с ребенком, пока женщина сходила за металлическим кувшином и стаканом. Когда она вернулась,

протягивая мне полный стакан, я спросил её про девочку. «Её отец состоит здесь на правительственной службе» — сказала она мне. «Он нанял меня присматривать за ней. Она очень необычный ребенок. Она может предсказывать будущее».

Пахта была необыкновенно вкусной. Я протянул стакан за второй порцией, и, налив, женщина продолжала, «Некоторые люди в нашем городе даже думают, что она богиня».

Допив, я склонился и пожал руку ребенка. «Благодарю тебя, маленькая принцесса. Я думаю, мне пора идти, но я очень рад был познакомиться с тобой». Она моргнула. «Я пойду с тобой до остановки».

Я покачал головой. «Нет, зачем? Автобус уже ушел». Она хихикнула и дразнясь, ответила: «Какой еще автобус! Ты поедешь отсюда на машине!»

«Вот так она всегда говорит», любовно проговорила няня, потрепав ребенка по щеке. Мы вместе отправились на автобусную остановку, расположенную неподалеко.

Внезапно по пути она остановилась и дернула наши руки. «Нам надо идти назад в Махисхамардани Мандапам», настаивала она снова и снова. Няня извинилась за её поведение. «Она постоянно делает такие вещи, и некоторым людям нравится это, и они подыгрывают, другие раздражаются. Надеюсь, вас это не беспокоит?»

«Нет, ни капли». Я улыбнулся и позволил ей вести меня за палец. Мы повернулись и прошли назад к домику и немного вверх к мандапе. Пока няня ждала снаружи, я сел в темноте помещения, а девочка стояла передо мной.

К моему величайшему удивлению, она стала говорить о моем опыте с тантрой в Керале, используя термины, известные только тем, кто посвящен в ваммаргу. Затем она сказала мне, что я зря терял время, барахтаясь в мистицизме и философии Адвайты. «Если ты хочешь стать полезным в жизни», решительно сказала она, «то ты должен начать поклоняться Бале, оставив все то, что ты делаешь сейчас».

Бала это Деви в форме непорочной девочки. Поклонение Бале одно из чистейших видов пуджи в ритуалах шакт. Будучи

ребенком, она не принимает нечистых подношений и не дает каких-то разрушительных способностей, которые обычно хотят обрести тантрики.

«Но у меня работа», ответил я почти печально. «Это больше не нужно?» Мой ум вышел из равновесия. Говорила ли сама Деви через этого ребенка?

«Ты не потеряешь это», сказала она тем же решительным голосом. «Ты должен стать полезным для всех, для каждого живого существа. Но чтобы достичь этого уровня, ты должен освободиться от вожделения, которое скрывается в твоём сердце. Конечная цель поклонения Деви – относиться к богине и ко всем женщинам чисто. Деви – наша мать, и все женщины её представляют. Пока ты хотя бы в мыслях думаешь о женщине как объекте твоего вожделения, ты грешишь, подобно человеку, вожделеющему к собственной матери. Но если ты будешь должным образом почитать женский принцип как мать, то ты обретешь силу. И станешь полезным».

Я просто лишился дара речи. Как я должен реагировать на такие мудрые слова, исходящие из уст ребенка? Но она внезапно потянула меня за руку и возбужденно закричала: «Дядя, пойдём на остановку. Твоя машина пришла».

Мы снова вернулись на автобусную остановку, откуда пришли. Там стояла машина Амбассадор, взятый напрокат, с водителем позади колеса и двумя иностранными туристами на заднем сиденье. Мотор работал. Девочка заглянула в окно водителя и обменялась с ним несколькими фразами. Он повернулся к туристам и спросил их, не возражают ли они, если я доеду с ними до Мадраса. Я предложил тройную цену, и они кивнули в знак согласия. Затем девочка подошла к дверце переднего сиденья для пассажира и открыла её. «Садись».

Я сделал, как мне сказали. Прежде чем я спросил её имя, автомобиль тронулся. Вытянув голову в окно, я в последний раз посмотрел на неё и её няню. Они стояли на едва освещенной улице, унося меня в ночь нескончаемых снов...

В наступающем 1974 году мой ум пребывал в замешательстве. Меня полностью сбили с толку чтение сотен

эзотерических книг, от астрологии до Заратустры и дразнящие контакты с мистическими и божественными существами. Так много путей к такому количеству целей – какому же из них я должен посвятить себя? Какой из них ведет к Истине?

Я до сих пор абсолютно уверен, что мои встречи с Брахмендрой Сарасвати, Картикеей и той маленькой девочкой – не были снами или галлюцинациями. Но все они, подобно Брахме в ведической традиции, будто держали передо мной зеркало. А я, подобно Вирочане, принимал отражение за сущность. Проблема была в самой природе моего желания познания. Говорится, что существуют два вида любопытства: любопытство к тому, что полезно и любопытство к тому, что другие не знают. Мое было как раз второго типа. Я хотел не столько узнать, сколько быть признанным за знание того, что неизвестно другим.

В Салеме я стал поклоняться Бале в форме маленькой девочки, как мне посоветовали в Махабалипурам. Я сдерживал свои мысли о женщинах. Но я считал невозможным сосредоточиться только на дисциплине шакт.

Я не сомневался, что поклонение Девы, держащей 12 видов оружия (оружие олицетворяет 12 видов благочестивых деяний, рекомендованных Ведами для обуздания пороков), очищает базовые животные инстинкты. Я понял это еще несколько лет назад, в Керале. Но я задавался вопросом, какова же конечная цель этого. Девы-дхама (место Девы) – материальная вселенная. В ней 14 уровней миров, по которым трансмигрирует душа, ограниченная видами своих тел. Имя богини – Дурга (дур – трудно, га – движение), потому что она заключает эти души в тюрьму материи.

Философия шакт называется Самбхава-даршана. Ее целью является тождество с Божественной Матерью, которая есть источник (сришти) материального существования. Она поддерживает все (стхити). И во время космического разрушения (пралая) все погружается в нее. В Самбхава-даршане нет ничего выше этого повторяющегося цикла творения и разрушения, то есть не говорится об освобождении от материи. Медитация шакт –

постоянно думать о себе как о женщине, потому что с их точки зрения, Бог – это изначальная женщина (адьяшакти).

У Дурги два сына, Ганеша и Картиккея. Им обоим поручено быть лидерами шива-ганов (последователей Шивы). Картиккея известен как Шрештхараджа, господин бхутов (привидений). Ганеша представляет материальный успех, а Картиккея – материальную красоту. Поклонение Ганеше или Картиккее постепенно сделает человека достойным войти на Кайлас, наивысшее место материального творения, обитель Шивы. Но даже там человек не освобождается от цикла рождения и смерти. Известно, что один из великий святых Шиваизма, Сундарамурти Найанар, родился в Южной Индии, упав с Кайласа из-за вожделения к одной из женщин-служанок Шивы.

Шива, повелитель сиддха-йоги, в своей медитации всегда сосредоточен на Трансцендентном. Те, кто достаточно аскетичен и решителен для того, чтобы следовать его примеру, по его милости могут попасть с Кайласа на Садашивалоку, его вечную сферу за пределами Девидхамы, вечно освещенную сиянием духовного неба.

Это был путь, принятый Брахмендрой Авадхутой. И несомненно, это находило отклик в таких людях, как я. Я не был готов медитировать обнаженным в холодных Гималаях годы подряд. Но многие книги Адвайтистов, которые я прочитал, утверждали, что постигнуть Брахман не так сложно, это просто вопрос направления ума. Человек должен считать проявленный мир майей, иллюзией, не более вещественной, чем сон. А за майей скрыт безличный Абсолют, единственная реальность. Главная тема философии Адвайти заключена в выражении Тат Твам Аси — «ты есть то (Брахман)». Если я – Брахман, то мир – всего лишь моя галлюцинация. При помощи правильного распознавания (вивека), я буду способен свести на нет мир и достигнуть высшего блаженства (ананда).

Доктрина Адвайтистов основана на постулате, что все, что мы видим, в действительности является не имеющим формы Брахманом. Эта теория имела успех среди любителей словесных баталий.

К примеру, Адвайтисты говорят, что материальный мир – это отражение Брахмана, подобно отражению луны в воде. Кто-то может возразить, что в этом случае Брахман должен иметь форму, однако ответ заключается в том, что нельзя путать форму и саму субстанцию. Когда мы видим отражение чего-либо, мы видим отражение формы, а не самой субстанции. Таким образом, мы выяснили, что форма отлична от субстанции. И поскольку форма может отражаться, то она по своей природе иллюзорна. Вдобавок, Брахман не является даже субстанцией, Он невыразим. По этой причине к нему неприменимы законы симметрии или уравнений.

Шанкара говорит о трех уровнях постижения: пратибхашика, полная иллюзия, вьявахарика, условная или полезная иллюзия, и парамартхика, трансцендентность. В полной иллюзии человек принимает отражение за реальность. В условной иллюзии, продолжая все еще видеть так, человек знает, что это отражение, и действует таким образом, чтобы преодолеть это. В конечном счете это означает, что человек становится санньяси в линии Шанкары, и строго следует правилам монашеской жизни, предписанной им. На уровне парамартхики человек ощущает собственную тождественность. Субстанция, дающая форму иллюзии, полностью искоренена. Только тогда иллюзия исчезает. Не существует слов, чтобы описать опыт трансцендентного, потому что слова тоже являются формами субстанции ложного отождествления.

Поскольку инструменты для пробуждения к трансцендентному сами по себе являются иллюзорными, в Адвайтизме невозможно убедительно объяснить процесс преодоления иллюзии. Великий ученый-адвайтист Джаятиртва Муни сравнивал это с кошмарным сном. Сильно испугавшись, человек просыпается, и страшный сон (иллюзия вьявахарики) исчезает.

Достигнув уровня вьявахарики, адвайтист поклоняется различным формам Бога (таким как Деви, Ганеша, Сурья, Шива или Вишну), однако он в конце концов должен увидеть, что поклонение, поклоняющийся и тот, кому поклоняются,

растворяются в безличном единстве. Иногда говорится, что это происходит «по милости майи».

Этих адвайтистов называют также маявади. Поскольку с их точки зрения совершенство в конечном итоге зависит от милости майи, в настоящее время в мире очень много маявади, которые не хотят следовать методу Шанкары. Если жизнь – всего лишь иллюзия, тогда разница между жизнью монаха и распущенной жизнью также иллюзорна, и не имеет смысла ограничивать себя. Его комментарий на Веданта-сутру, важное санскритское писание, состоит из сухих теоретических рассуждений, и последователям традиционно предписывается ежедневно читать его. Но в настоящее время ведантизм маявади сводится к повторению заезженных лозунгов, таких как «все это всего лишь порождение ума», «все едино», и заключительный вираж: «Я – Бог». Оценив скользкость некоторых аргументов, я счел адвайтизм в конечном счете разочаровывающим. Если моя индивидуальность уже неотлична от Брахмана, тогда почему же процесс осознания этой предположительно универсальной истины ограничено всего-навсего несколькими редкими душами? Если я един с этими душами, осознавшими Брахман, почему же ни я, ни любой другой не осознают Брахман так же, как эти мудрецы? Я прибавил к этому еще и свободное питание, которое, на мой взгляд, было недопустимо.

Когда однажды я выразил свое разочарование философией адвайты одному ученику Брахмендры Авадхуты, он отослал меня к садху, который был последователем учения Санкхьи.

Есть две разновидности Санкхьи: теистическая и атеистическая. Теистическая традиция Санкхьи берет начало из Пуран, и была впервые поведена мудрецом Капилой, инкарнацией Вишну. Атеистический вариант был изложен в древнем трактате, называемом Санкхья-карика, написанном Ишваракришной. Он ссылается на другого автора, которого также зовут Капилой, как автора, хотя никаких трудов от этого Капилы не сохранилось. Садху, с которым я познакомился, принадлежал к атеистической школе.

Слово санкхья означает «счет». Философия Санкхьи подсчитывает элементы реальности и классифицирует их в соответствии с двумя основными принципами: пуруша (дух) и пракрити (материя). Поскольку это определяет две противоположных, но совместимых факторов творения, Санкхья свободна от непонятого солипсизма, который так досаждал в доктрине Адвайты.

Практики дает форму миру, а пуруша дает сознание, и оба они реальны. В категорию пуруша относятся также бесчисленные души, называемые дживы, которые вечно отличаются одна от другой. Под влиянием пракрити, они попадают под влияние трех качеств (гун): благости (саттвы), страсти (раджаса) и невежества (тамаса). Из-за этого они обретают физические формы, состоящие из грубых и тонких материальных элементов. И души вынуждены страдать в водовороте рождения, старости, болезней и смерти. Но по своей природе дживы всегда чисты.

Способом освобождения в Санкхье считается непривязанность. Когда душа перестает отождествлять себя с внешней оболочкой ложного эго, интеллекта, ума, чувств и объектов чувств, она освобождается от страданий. А путь к непривязанности – самоанализ при помощи йоги.

Моего учителя Санкхьи пригласили в ашрам Адвайтистов для участия в дискуссиях с некоторыми из их ученых. Я сопровождал его, и был поражен, когда он победил 15 санньяси-маявади в споре. Все увиденное убедило меня, что философия Адвайтистов имеет серьезные недостатки.

Дальнейшее изучение Санкхьи привело меня к книгам, в которых содержалась теистическая концепция. И здесь опять я обнаружил два ответвления: Вишиштадвайта и Двайта, впервые представленная Рамануджей, а позже – Мадхвой. Обе системы являются вайшнавской Ведантой, где Санкхья играет вспомогательную роль.

В Вишиштадвайте («небезусловный монизм»), дживы и пракрити обладают качествами (вишешанам) Вишну, наивысшей истины. Рамануджа сравнивает их с телом, а Вишну – с душой, или Брахманом. Поэтому Вишну – единственный Пуруша.

Дживы относятся к высшей духовной энергии (парашакти), своими качествами они подобны Вишну. Но их возможности очень малы, как мельчайшей частички солнечного света. Вишну, их источник – верховное Существо (Вибуху), подобно тому, как Солнце – величайший источник света на небе.

Материя подобна облаку. Хотя облако также порождено солнцем, оно (облако) ниже по положению, чем солнечный свет, поэтому материю называют низшей энергией (апарашакти). Материя является причиной майи, и подобно тому как облако не пропускает часть солнечного света, майа вводит в заблуждение некоторые души. Но по сравнению с солнцем, майа незначительна.

Как души, так и майа полностью зависят от Вишну, и поэтому неотделимы от Него. Он является трансцендентным Господом, вечным, полным знания и блаженства, и к тому же личностью. В философии условного монизма, тат твам аси («ты являешься таким же») означает «ты, индивидуальная душа, обладаешь такими же качествами, как и Вишну». Но это ни в коем случае не означает «ты – Бог».

Мадхва был непримиримым оппонентом монизма, поэтому он смело назвал свою систему Двайта, или Дуализмом. Его основной мишенью был адвайтизм Шанкары, но также он сделал исключения для определенных положений философии вишиштадвайты.

Термин «адвайта» был принят Шанкарой и до какой-то степени Рамануджей, в значении «неотличен». Мадхва был строго буквален: адвайта означает «недвойственный», в свете утверждения Упанишад — *эка брахма двития насти*, «Брахман един, нет другого». Философия двайты, таким образом, утверждает, что Бог является непревзойденным и отстраненным. У него нет соперников, и он не имеет никаких обязанностей. Поэтому майа не может ввести Его в заблуждение, в отличие от теорий, в которые верят Майавади. Ни души, ни майа не являются частями Его тела, поскольку это бы означало, что Он зависит от них.

Другими словами, адвайта в действительности означает «уникальный». Господь, являясь уникальным, должен отличаться

от того, что находится ниже Его по положению. Но это подразумевает полную отделенность душ и материи от Бога. Например, утверждение «голубой лотос» не является неверным, хотя мы осознаем, что цветок и цвет не являются одним и тем же. Таким образом, учение Мадхавы о двайте отличается от фундаментального дуализма или атеистической Санкхьи. Оно утверждает, что Бог является единственным источником всего. Двайта объясняет понятие «различие» в значениях Повелитель и Великий, другими словами двайта отделяет Бога, потому что Бог отделен (от остального).

Два вопроса я считал самыми важными: «Кто такой Бог?» и «Как мне достичь Бога?». Рамануджа и Мадхва давали одинаковые ответы: Шри Вишну – Бог и Его достигают с помощью бхакти (чистой преданности души). Далее оба философа сходятся на том, что освобождение невозможно обрести только при помощи силы знания дживы или непривязанности, и, несомненно, материя не способна дать освобождение. Освобождение дарует Божественная Милость, и оно не ограничено только теми, кто совершает усилия для его получения. И освобождение не является всего лишь прекращением страданий. Это состояние позитивного духовного блаженства, обретаемого через общение с Вишну, полностью счастливым.

Я считал, что учение вайшнавов бесспорно является чистойшей из всех философий, которые я изучил. Но у меня были сомнения. Главным образом, факт, что я находил другие учения и доктрины более доступными. Без каких-то особых усилий я был способен освоить Шактизм, Шайву, Адвайти и атеистическую Санкхью до такой степени, что меня считали знающим. Но когда бы я ни читал вайшнавские тексты, я чувствовал себя как посторонний. Это просто не соответствовало моему складу ума.

Другое сомнение брало начало в тех моих посещениях вайшнавских храмов. Я не заметил ни в священнослужителях, ни в верующих ничего особого, что отличало бы их от общей массы благочестивых индусов, соблюдающих обряды. Я прочитал биографии Рамануджи и Мадхвы, и я верил, что они были идеальными святыми учителями. Если бы я когда-либо встретил

вайшнавов, подобных им, мне было бы гораздо легче принять эту прекрасную философию. Но все, что я видел, говорило мне лишь о том, что вайшnavы – это просто еще одна разновидность ортодоксальных индусов, живущих обычной жизнью.

Сампрадаи (то есть школы) Рамануджи и Мадхвы поддерживали индуистскую традицию Брахманизма по рождению. Несомненно, вайшnavы признают, что мужчина, женщина или ребенок любой касты или даже без касты могут быть благословлены Божественной Милостью. Но только Брахманы являются от рождения особыми слугами Вишну в этом мире. Только они чисты по природе и потому могут совершать храмовые ритуалы. Это пахивало снобизмом, и это мне не нравилось.

И похоже, Самому Вишну это также не нравилось. Рассказывают, что Ранганатха, мурти Вишну в храме Рангакшетра в Тричуре, однажды закрылся в своем святилище от самого главного священнослужителя, потому что он оскорбил Тируппана Альвара, святого вайшнава из касты париев. Божество отказывалось открыть дверь, пока священник не принес Тируппана в храм на собственных плечах.

Другой знаменитой святой вайшнави была Андаль, юная девушка, которая смело вошла в святилище, чтобы стать женой Ранганатхи. Как сословие, женщины считаются ритуально нечистыми, и им не позволено входить на алтарь к мурти. Но Вишну не столько интересуется ритуальной чистотой, сколько чистой преданностью. Андаль чудесным образом вошла в божество Ранганатха, и сейчас ей поклоняются как экспансии Лакшми, олицетворению духовной энергии Вишну в женском облике.

Я решил временно оставить все эти доктрины и продолжать мой поиск непосредственного опыта трансцендентного, при помощи которого я смогу интуитивно понять, какая философия является истинной, если такая вообще существует. Но чтобы произвести впечатление на других, я притворялся, что следую этим учениям. Если я встречал Шакту, я мог говорить с ним как Адвайтист. А с Адвайтистом я доказывал Санкхью. Подобно мусульманину, который стал язычником, колеблясь между двумя мечетями, я полностью разочаровался во всех них.

Мое чтение наконец привело меня в библиотеку Шивананда йоги, что принесло мне дружбу с директором, спокойным, рассудительным и учтивым молодым человеком, на несколько лет старше меня. Он не одобрял мой эклектизм и говорил, что ради прогресса на каком-либо пути я должен сначала принять предписанную садхану.

«Одним только чтением ты просто хватаешься за хвост угря просвещения. Он легко может ускользнуть от тебя», говорил он мне своим мягким, неторопливым голосом. «Лучше ты утвердись в чем-то одном и совершенствуй это. Я могу научить тебя ежедневной йогическим упражнениям, которые помогут тебе сконцентрировать ум на внутреннем свете. Ты станешь умиротворенным, а где есть мир, там Бог». Я попробовал, но мой ум был слишком беспокоен, чтобы продолжать заниматься этим.

Когда я снова встретил его и признался, что неспособен следовать этой программе, он на минуту закрыл глаза в глубокомысленном молчании. Затем он открыл глаза, но его взгляд был опущен, когда он говорил.

«Примитивное животное ловит смертельный враг, поскольку действия животного предсказуемы. Но человек слишком умный попадает в ловушку из-за своей неустойчивости». Он помолчал, затем посмотрел на меня и заговорил опять. «Знаешь, кто смертельный враг человека?»

Он процитировал Бхагавад-гиту: «Это лишь вождение, о Арджуна, которое рождается от соприкосновения с гуной страсти и затем превращается в гнев, всепожирающий, греховный враг этого мира».

Его предостережение походило на пророчество. Но я был слишком поглощен своими психологическими открытиями, которые постоянно валились в мой ум через мистический канал, и я не воспринял его слова серьезно. Прорицания, дежа вю, бесплотные голоса, видения и нематериальные существа – все это стало ежедневными событиями. Мне до сих пор не приходило в голову, что мой контроль за моей собственной жизнью быстро сошел на нет.

Глава V ОПЯТЬ МЫШЬ

«Если ты хочешь стать главным жрецом всякой ерунды – это прекрасно, но ты точно не должен делать это в рабочее время!»

Главный бухгалтер, суровый и благоразумный чиновник, конечно, полагал, что говорит от лица всего офиса. В его глазах было написано, что он решил занять твердую позицию.

Я продолжал рисовать Даттатрею, как будто и не слышал его. Приглашенные смешки заставили его оглядеть офис пронизывающим взором, как бы говорившим «Ты следующий». Затем, бросив на меня испепеляющий взгляд, он прорычал: «Ты дорисуешь эту картинку на тротуаре, за медный грош, ты – ты, бестолковый мечтатель!». Он торжественно удалился.

Раньше он всегда прикрывал меня. Более двух лет я был его главным ассистентом и всегда компенсировал мои прегрешения усердным трудом. Но сегодня я переполнил чашу его терпения.

Позавчера я раньше ушел с работы, никого не предупредив. Вчера я вообще не был на работе, и никак не объяснил это отсутствие. Сегодня я был на работе, но только рисовал изображение Даттатреи. Я ни с кем не говорил.

Через несколько минут Вайдьянатхан положил мне руку на плечо. «Друг, тебя вызывает управляющий директор. Бухгалтер уже был у него и устроил скандал». Не говоря ни слова, я положил карандаш, встал и неторопливо направился в кабинет директора.

Он поприветствовал меня с вежливой улыбкой и пригласил меня сесть и объяснить мое поведение. На несколько минут воцарилась мертвая тишина, пока я извлек слова из эфира и выстроил их в голове. Затем я начал.

«Позавчера меня позвали с работы в храм Даттатреи в Чендамангалам...» Он поднял руку останавливая меня.

«Кто вас позвал?»

«Шри Сваямпракаш Брахмендра Сарасвати, маханта этого храма».

«Ачча. Итак, гуруджи позвонил вам в офис».

«Нет. Он позвал меня телепатически».

«Да, хорошо. Пожалуйста, продолжайте».

«Я провел в храме всю ночь, потому что там в полночь проводили особую абхишеку (церемония омовения)». Он снова прервал меня.

«То есть, гуруджи проводил особый праздник и телепатическим способом пригласил вас приехать».

«Да, но это не было видимым, поскольку он покинул этот мир в 1948 году».

«Да, да. Пожалуйста, продолжайте».

«Затем я ушел из храма рано утром. Я спустился с холма на дорогу. Там я встретил двух привидений. Я повторил для них мантру Картикеи и поручил их заботам Шрештараджа. Оставшуюся часть дня мне надо было отдыхать. А сегодня я думаю только о Даттатрее».

«Только о нем?»

«Да».

Он сделал характерное индийское движение головой из стороны в сторону и наклонился вперед, как будто доверяя мне.

Услышав собственный голос, описывающий все это, я впервые подумал, что должно быть, схожу с ума. Я внутренне сжался, думая о том, что же мне сейчас скажет директор.

Он поднял ладонь и стал нежно гладить воздух над своим столом, как будто там была моя несчастная голова.

«Послушай, Каннан. В Индии все изменилось. Время всех этих богов и храмов кончилось. Только простонародье может продолжать следовать всем этим причудливым формам индийского благочестия, но ты же образованный молодой человек. Ты должен смотреть в будущее, а не жить вчерашним днем».

Я думал: «Он просто потакает мне этой вежливой речью и располагающими манерами. Конечно, он считает меня ненормальным». Я уже и сам стал так думать о себе.

Мне захотелось открыться ему. Похоже, директор хорошо относился ко мне, а мне была нужна чья-то помощь. «Сэр», начал я, «я искренне верю в индийскую религию. Изучив тантру, шакту, Адвайту и другие учения, я узнал много удивительного...» Он

хлопнул в ладоши, терпеливо качая головой из стороны в сторону пока мой голос прокладывал путь.

«Это все хорошо, Каннан. Я не говорю, что ты должен оставить религию. Тебе просто нужно относиться к этому практичнее, вот и все».

Он открыл ящик своего стола и очень почтительно достал оттуда две фотографии, положив их на стол, чтобы я мог видеть. На одной был садху в белой одежде, с длинными волосами и бородой. А на другой была улыбающаяся женщина, я подумал, западная леди.

«Это» — он указал на изображение садху – «аватара этого века. В нем пребывают все божества. Его имя – Шри Ауробиндо. А это его шакти, которую он почитает как Мать. Хотя они оба уже ушли в высшие сферы, они духовно все еще с нами. Их учение сочетает в себе все ценное, что есть в индуизме, в едином научном синтезе».

Ничего подобного я не ожидал от директора. Его глаза светились гордостью. Все мои беспокойства о потере рассудка и работы улетучились. Я был уверен, что если бы мой бухгалтер увидел директора сейчас, он бы подумал, что директор еще больший жрец ерунды, чем я. Но и для директора у него нашлось бы пара «добрых» слов на собрании высшего управляющего совета «ТВС». Могло все это происходить благодаря Ауробиндо? И могли Ауробиндо помочь мне направить мою жизнь по верному пути?

«Я дам тебе мантру, Каннан», торжественно заявил директор. «Я хочу, чтобы ты поставил эти фотографии на свой стол и предлагал все, что ты делаешь, Шри Ауробиндо и Святой Матери. Это вернет тебя в реальность, и ты обретешь цель всех религий».

Я стал ревностным новообращенным. Перед тем как взяться за карандаш утром, я совершал пуджу им, предлагая благовония, цветок и молитвы. Написав счет, я держал его перед фотографиями, повторял мантру и затем клал освященный счет в поднос «исходящие». Я предлагал записи, которые я делал в гроссбухе. А во время перерыва – кофе.

Это только увеличило выход психического канала. Вскоре весь офис был наводнен моими видениями. Я приставал к кому-нибудь практически каждый день, в офисе или на заводе, и вешал ему на уши мои новейшие откровения. Если он слушал достаточно долго, я ловил резонанс его ума, подобно тому, как можно заставить вибрировать гонг, ударяя другой гонг такой же высоты. Затем я мог проникнуть в его подсознание и выудить скрытые воспоминания или заполнить моими мыслями его голову. Довольно много знакомых сотрудников я удивил и мистифицировал.

Но поскольку главный бухгалтер был обеспокоен, я стал «круглым дураком – гулякой, спятившим идиотом». Поэтому очень скоро я опять оказался в кабинете директора.

На этот раз он дал мне отпуск, чтобы я смог вместе с моей мамой съездить в Пондичерри, город Ауровилль, где находится ашрам, основанный Ауробиндо в 1926 году. Мы провели там 15 дней. Я довольно близко познакомился с М.Т. Пандитом, доверенным лицом ныне почившей Матери. Он подумал, что я развил великие духовные силы, и пригласил меня остаться там навсегда. Но когда я увидел, что в столовой подают мясо, а иностранки в шортах и футболках свободно общаются с мужчинами, я отказался. Моя мама, простая женщина, она никогда еще не сталкивалась со свободными западными нравами, и была шокирована. Она не могла понять, как же мог быть какой-то смысл в учении Ауробиндо, увидев жизнь в Ауровилле. «Укрывшего курицу видно по перьям» — так она выразила свои ощущения. «Дерево узнают по плодам».

По крайней мере, моя поездка в Ауровилль сохранила мне работу, потому что директор продолжал верить в меня. Когда я вернулся, он позволял мне в любом случае гораздо больше, чем я ожидал. Время от времени я пропускал по целому рабочему дню, а иногда я мог поработать час или два, а потом погрузиться в праздные мечтания. Но я все продолжал получать зарплату полностью, к большой досаде главного бухгалтера.

Уже больше года я снимал квартиру вместе с Шанкарой Субрахмания. Это был веселый парень. Он без жалоб переносил

мои экстравагантные выходки, даже когда я зажигал свет посреди ночи, беспокоя его своими разглагольствованиями о всяких мистических делах в течение часа или двух.

Еще один мой ровесник, рабочий по имени Мани, жил в том же здании. Он также считал себя немного философом, но единым с миром, плотью и сатаной. Стоило мне только заговорить о религиозном или эзотерическом, он уходил. Но это были только цветочки.

Мое увлечение спиритуализмом привело меня на перепутье жизни, и я не знал, каким путем пойти. Если я хотел сделать карьеру в «ТВС», то мне пришлось бы полностью оставить свои увлечения. Но это было бы чрезвычайно сложно. Мой ум постоянно посещали какие-то откровения, и я просто не мог больше этого скрывать. Находить время и силы на повседневную жизнь стало проблемой.

Когда Мани это понял, он вмешался в мою жизнь со своим глупым советом. «Слушай, Айар, у тебя куча проблем, потому что ты ставишь слишком высокие цели. Всегда хочешь быть примерным брахманом, ну и зачем? Ты слишком чист, и тебе от этого только хуже. Если ты хочешь прогнать все эти штуки из головы, тебе надо спуститься на землю, запачкаться». Он намекнул, что он «знает, что мне нужно, и может мне помочь это сделать». Я притворился, что меня это не интересует, но Мани продолжал настаивать, день за днем, чувствуя, что мои намерения неустойчивы. Несомненно, так и было.

Повсюду молодых людей привлекает форма женщины. Но в приличном индийском обществе существует только один приемлемый способ решения этой проблемы – женитьба. Я оставался холостяком, и мне удалось избегать этих соблазнов, не потому что у меня не было влечения к женщинам, а потому что значительную часть сексуальности я сублимировал при помощи тантры. Я занимался этим в течение последних 5 лет. А с тех пор, как встретил маленькую пророчицу из Махабалипурам, я стал еще требовательней к себе.

Я считал свой интерес к женщинам эстетическим удовольствием от божественного женского принципа. Особенно

мне нравилось смотреть на движения искусных танцовщиц в стиле Бхарат-натьям. И поскольку я общался с актерами, я знал, как привлечь внимание красивой женщины и удерживать ее интерес в беседе. Я получал удовольствие от грациозных жестов и мелодичного голоса танцовщицы. Вновь и вновь я побуждал симпатичную женщину эмоционально привлекаться ко мне, и наслаждался ее привязанностью. Но я всегда старался поддерживать правильное отношение: они представляют Деви, и я не хочу запятнать честь моей семьи позорным поведением. При помощи тантры и других эзотерических практик я «преобразовал» бурлящий поток вожделения молодого мужчины в спокойный туман, расплывчатую завесу, рассеянное либидо, которое выглядело серебристо-белым снаружи, но внутри было очень темным и навязчивым. Глубоко внутри, в тумане, связанный архаичными индуистскими традициями, ржавея от влажности, паапа-пуруша, олицетворенный грех, дрожал от каждого прикосновения, даже легкого, ниточки моего сознания к форме женщины. Неважно кто – Деви или плоть от сутенерши – все это было одним и тем же проявлением паапа-пуруши, сумерками души. И он хотел больше, гораздо больше того, что я давал ему.

Теперь же он обрел голос — голос Мани.

Однажды вечером, когда я тратил время Шанкары, читая ему лекцию по хиромантии, пришел Мани, тощий бабник, одетый в то, что я называю «костюм героя», дешевая подделка, похожая на то, что носят в Бомбее киногерои. Притворно-беззаботно он сказал: «Эй, Брахман, дай Шанкаре поспать, пойдем лучше со мной».

Шанкара был только рад отпустить меня. Мани и я пришли в здание, которое я принял за гостиницу. Но когда Мани стал разговаривать с менеджером, я немедленно понял, что вряд ли в этом месте можно хорошо выспаться. Я отвел Мани в сторону.

«Не пытайся вовлечь меня в твою затею, ладно?»

Он усмехнулся и слегка похлопал меня по плечу. «Хорошо, Брахман, нет проблем. Ты просто посиди здесь в холле. У меня есть небольшое дельце наверху. Я вернусь к тебе через (тут он подмигнул) полчаса».

Через две минуты спустился служитель и сказал мне, что Мани зовет меня, ему нужна моя помощь. Я поднялся за ним на три лестничных пролета и вошел в комнату, где я увидел Мани в обществе двух сильно накрашенных девушек, одетых в безвкусные роскошные платья. Они как нельзя лучше подходили для героя Мани. Он стоял между ними и обнимал их. Увидя меня, он широко улыбнулся и пропел: «Вот и пандит! У меня есть две хорошенькие лапочки, а я не знаю, какую мне выбрать. Скажи, какая лучше?» Красотки захихикали. В шутку я указал на ту, которая была слева. Мани подтолкнул ее ко мне. «У тебя острое зрение на женщин, пандитджи. Так бери ее!»

Я нерешительно повернул к выходу. Он загородил мне путь и ухмыльнулся мне в лицо, «Смотри, Брахман, я преодолел множество препятствий сегодня для того, чтобы помочь тебе. Ты хочешь выгнать этих джиннов из своей головы? Ты хочешь снова начать ходить по земле? Так дай девушке вернуть тебя обратно к реальности».

Я сдался, думая, что это судьба. Подобно мышке, которая снова вернулась в свой облик, мне снова пришлось прийти назад полный круг к печальному состоянию, когда я влюбился в баядеру несколько лет назад, еще до того, как я почувствовал интерес к эзотерическим вещам.

В Панчатантре есть история о мышке, которую схватил ястреб, поднял в небо, и затем уронил в реку Гангу. А там великий мудрец Ягьявалкья совершал омовение. И мышка упала прямо к нему в ладони со святой водой Ганги. И от соприкосновения со святой водой и духовной силой святого, мышь превратилась в маленькую девочку.

Ягьявалкья принес ребенка домой и отдал своей жене, и она воспитывала ее как собственную дочь. Когда девочке исполнилось 12 лет, он решил найти ей самого лучшего мужа.

Сначала он вызвал бога солнца, Сурью, и он пришел в ашрам. Но девочка подумала, что он слишком жарко сияет. Ягьявалкья спросил у солнца, есть ли кто-нибудь более великий, чем он. Сурья сказал, что облако, потому что облако может закрыть его лучи.

Когда пришло облако, девочка посчитала его слишком темным и холодным. У облака также спросили, есть ли кто-либо более великий, чем он. Он предложил гору, потому что только гора может остановить бег облака.

Когда к мудрецу пришла гора, девочка сказала, что камень слишком твердый и грубый. Спросили и гору, и она порекомендовала царя мышей, т.к. он могущественней горы, потому что он и другие мыши делают в горе дырки.

Когда же пришел мышиный король, девочка-мышка сразу согласилась, трепеща от радости. Она упростила Ягьявалкью снова сделать ее мышкой, и он это сделал.

Деви, Карттикея, Брахмандра Авадхута, Ауробиндо – в моей истории были подобны Ягьявалкье, солнцу, облаку и горе. Деви преобразила меня тантрой, но я не мог «выйти замуж» за героя, который завершил бы эту трансформацию. И теперь я снова сидел в мышинной норе. Меня предупреждали, как девочка из Махабалипурам, так и друг из Миссии Йоги Шивананды. Но из-за каприза я не обратил на это внимания. Теперь, соответственно, я опустился до погони за плотскими удовольствиями, с теми же навязчивыми вопросами, которые привели меня в тупик мистицизма. Я переехал из квартиры, которую снимал с Шанкарой Субрахмания и снял жилье в Салемском квартале красных фонарей. Я познакомился практически со всеми проститутками в городе, и не только удовлетворял плотские желания, но и изучил сознание проституции: истории жизни этих девушек, их мечты, их страхи.

Среди них была одна, которая сильно отличалась от остальных. Она была девушкой из высшего общества, и жила со своей матерью в прекрасно обставленном доме в богатом районе. Кроме удивительной красоты, она была еще и умна, опытна в беседе, и прекрасно пела. У нее было санскритское имя Чарулата («Прекрасная Лиана»).

Только богатый бизнесмен мог позволить себе Чарулату. У меня не было столько денег, поэтому я приходил к ней просто поговорить. В ее лице я нашел сочувствующего друга, которого у меня никогда не было – с ней я мог говорить свободно, ее советы

были всегда искренними и помогали мне. Для такого жалкого человека, каким я стал тогда, Чарулата была подобна экзотической благоухающей райской деве, будто спустившейся с божественных планет великих мудрецов, чувственная и добрая, полная милости и понимания. А она нашла в моем лице защитника, потому что чувствовала отвращение к своей жизни проститутки. Я был единственным человеком, которому она осмелилась признаться в этом. Наша дружба вскоре переросла в любовь, хотя мы не могли признаться в этом друг другу.

Мать Чарулаты сама раньше была проституткой, и она управляла делами своей дочери. Ее не слишком волновали мои визиты, потому что я только занимал время ее Чарулаты, ничего не платя. Но через несколько недель я накопил достаточно денег, чтобы довести наши отношения до логического конца. Итак, однажды я вручил пожилой женщине толстую пачку банкнот и попросил ее на часок исчезнуть. На минутку она заглянула в комнату дочери, быстро переговорила с ней и ушла.

Когда я пришел к ней, Чарулата была очень бледной и дрожала. «М-мамма сказала, т-ты хочешь...» — это было все, что она могла сказать, перед тем как разрыдаться. Закрыв лицо руками, она упала в кресло и наклонила голову до колен, ее плечи тряслись от плача.

Я был ошеломлен. «Что с тобой?»

Она с трудом выговорила, между рыданиями. «Я не могу совершить этот грех с тобой – я просто хотела помочь тебе – я думала, я могу изменить тебя – а теперь ты тоже пришел за этим – уходи, пожалуйста».

Мои ноги подкосились. Я чувствовал себя беспомощным, тупым и обманутым.

«Как ты собираешься изменить меня, Чарулата? Кем ты себя считаешь? Ты мне не жена, не сестра и не мать. Ты... ну, мы оба знаем, кто ты. И кто ты такая, чтобы прогонять меня? Я заплатил твоей матери, и я пришел, чтобы взять то, что принадлежит мне».

Все еще согнувшись, она всхлипывала и качала головой, не желая смотреть на меня.

Я положил руку ей на плечо, она вскочила с кресла и ударила меня. Не контролируя своих рыданий, она упала обратно, ее глаза опухли, макияж растекся, волосы растрепались и спутались. Я попытался что-то сказать, но она прервала меня, ее голос дрожал.

«Я всегда считала тебя святым человеком. Я думала, что я тебе как ученица. Я никогда не смотрела на тебя так, как на остальных. Ты не предназначен для этой мерзости!»

«Чарулата, ты с ума сошла. Ты же знаешь, я хожу к проституткам по всему городу. Как может такой человек быть святым? Что это с тобой?»

Она села в другое кресло и вытерла слезы уголком сари. Вновь обретя хладнокровие, она рассказала о святом вайшнавe по имени Билвамангала, которого звали Ли́ла Шука, когда он еще не отрекся от мира.

«Ли́ла Шука ходил к девушке по имени Чинтамани. Когда он однажды пришел к ней ночью в бурю, она упрекнула его, сказав «если бы ты так же сильно стремился к Богу, как к моему жалкому телу, ты бы был освобожденной душой». Он принял ее слова за божественное откровение и отправился во Вриндаван, святую землю Кришны, и там посвятил себя служению Богу. И я молю тебя, Каннан, пожалуйста, прими мои слова так же – и уходи».

«Ты несправедлива. Любой другой мужчина может прийти сюда, заплатить и получить твое тело. А мне ты говоришь такие вещи».

Ее руки лежали на коленях. Минуту она внимательно изучала свои ладони. Затем она посмотрела на меня, большими и грустными глазами, ее рот решительно сжался.

«Это конец, Каннан. Я больше не могу ни дня жить этой греховной жизнью. И ты должен принять такое же решение. Не приходи больше сюда, меня здесь больше не будет». Я повернулся и вышел на тихий бульвар. Я не знал, смеяться мне, плакать или броситься с моста в реку. В голове стучал безумный отзвук моей бесполезной, бессмысленной жизни. Мир вокруг меня задрожал и превратился в призрачные и несвязные осколки стекла в раме разбитого зеркала. Слухи о моих похождениях быстро разошлись,

и хотя мне было наплевать, что болтают обо мне на работе, все же для меня было ужасно осознавать, что и моя мама когда-нибудь узнает об этом. Когда я в один из выходных пришел домой, она осторожно намекнула на женитьбу.

«Я поговорила о тебе, Каннан. Прекрасная девушка...»

«А, ты говоришь о девушке из семьи Луенгар?»

Мама кивнула. «Да, а... откуда ты знаешь?»

Мой канал уже сообщил мне эту новость. Я сказал маме имя девушки и ее домашний адрес. Я даже описал священные изображения, которые стоят на их семейном алтаре. Когда мы пришли в их дом (мама раньше там никогда не была), она была удивлена, увидев, что там все так, как я описал.

К большому огорчению моей бедной мамы, впечатление, которое я произвел на семью было настолько странным, что возможная свадьба умерла, даже не начавшись. Она чувствовала после этого ко мне такое отвращение, какого я раньше никогда не видел. «Ты должен совершить самоубийство» — все, что она могла мне сказать. Для индийской женщины это самое сильное замечание, которое она могла бы сделать сыну.

Еще не достигнув зрелости, я стал нескладным шутком. Даже родная мать презирала меня.

Глава VI

Я СТАНОВЛЮСЬ «СВАМИ АТМАНАНДОЙ»

Это был конец июня 1974. Согласно предварительной договоренности с профсоюзом, вместе с зарплатой компания раздавала сотрудникам премию за полгода.

Задачей нашего отдела было подсчитать процент премии каждого сотрудника. Но двое из наших коллег были в отпуске. Наш главбух был в затруднении – как закончить всю эту работу до дня зарплаты, до завтра?

Я помогал ему, задерживаясь допоздна, работая за троих, я делал подсчеты, считал деньги и сортировал зарплату по конвертам. Почти в 10 вечера пришел сторож и заглянул в офис.

«Думаешь, успеешь сделать все сегодня? Ты что, завтра на работу не придешь?»

Я отделался от него самоуверенной ухмылкой, заверив его, что я уже почти закончил и все нормально. Кивнув, он ушел. Но мне запомнилось его предположение, что завтра я не приду на работу.

Прямо на месте моя решимость продолжать жить так, как я жил, стала разваливаться. Я ходил ежедневно к двум проституткам, и в то же время продолжал поддерживать свой фальшивый мистический имидж. Все, чего я достиг – это стал смешным в глазах Чарулаты, единственного человека, для которого я действительно что-то значил. Даже мама была уже сыта всем этим по горло. И в довершение всего этого я сидел в «ТВС» как дикий зверь в клетке. Я хотел на свободу.

Я закончил работу в 10 часов. Я сделал запись о моей собственной зарплате, и положил деньги в карман. Сторож выпустил меня на улицу через служебный вход. Я минуту постоял перед заводом, пристально глядя на его монолитный массив, который в матовом свете фонарей казался нелюдимым неподвижным индейцем. «Больше никогда в жизни», — шепотом поклялся я.

Я сел в авторикшу, и поехал в свою квартиру в районе борделей. Хозяин этой квартиры, Мр. Йозеф, был директором христианской школы. У него была привычка по вечерам напиваться виски, и сейчас он был уже пьян в стельку. Дверь была приоткрыта, и он валялся на полу, все еще держа бутылку в руке.

Я оставил записку возле зеркала в моей спальне, для тех, кто мог искать меня из компании: «Пожалуйста, больше не ищите меня. Я покинул Салем. Если когда-нибудь я смогу снова стать полезным, я вернусь». Я вытащил из конверта десять 20-ти рупиевых купюр и написал на конверте записку М-ру Йозефу: «Пожалуйста, передайте эти деньги моей матери». Положив в карман 200 рупий, я положил конверт и ключ от моей квартиры на матрас в его комнате. Я знал, что М-ру Йозефу можно доверять в этом поручении. Несмотря ни на что, он был хорошим христианином.

Я на цыпочках обошел его храпящую фигуру и вышел из дома, тихо прикрыв за собой дверь. Было почти 11. Парадная дверь дома выходила на высокоскоростную магистраль, которая проходила через весь город; по ней ходили автобусы-экспрессы до Мадраса. Пока я ждал под неисправной мигающей неоновой трубкой, борющейся за жизнь среди облака мошкеры, мной завладели тяжелые думы.

Вскоре пришел автобус и я подошел к нему, помахав на прощание рукой. Тощий кондуктор с густой шевелюрой и небритой щетиной открыл заднюю дверь. Я попробовал войти, но он загородил вход. «Куда вы направляетесь?»

Я спросил: «А куда идет автобус?» Он повторил свой вопрос, и я повторил мой.

Он выругался и громко сказал: «Что за глупые разговоры в такое время! Заходи!» Я сел и автобус поехал. Кондуктор подозрительно рассматривал меня на расстоянии. Через полчаса он сел рядом со мной и сказал, с нервным смешком, «Ну, хоть теперь вы можете сказать мне, куда же вы едете?» Деревянным голосом я ответил: «Я снова спрашиваю вас, куда идет автобус». Он покачал головой, пробормотав что-то себе под нос, и затем устало сказал: «Автобус едет не иначе как в Аракконам». Без лишних разговоров я заплатил за проезд.

Мы приехали в Аракконам вскоре после рассвета, и я вышел возле железнодорожной станции. Рядом я заметил гостиницу с копьём, нарисованным над входом, а вывеска гласила «Шакти Вел». Свободны были только одноместные комнаты с общей душевой и туалетом через коридор. Я снял такую комнату.

У меня не было багажа, только брюки, курта и тапочки, которые были на мне, и деньги. Оцепенев после ночного путешествия и собственных переживаний, я равнодушно сидел в этой грязной комнате какое-то время. Вскоре мне понадобилось пойти в душевую. Выйдя в коридор, я заметил свет в комнате напротив моей. Я услышал, как в комнате женщина говорит со своими сыном и дочерью – и я узнал их голоса! Это была семья моего дяди, Баласубрахманиана, из Кералы!

Я оцепенел, сердце стучало. Слушая у двери, я понял, что они направлялись в город Тирупати. Этот город является местом паломничества. Они хотели посетить знаменитый храм Венкатешвары Свами, в 75 километрах на севере отсюда. Вскоре они на машине уедут из гостиницы и ненадолго зайдут в храм Карттикеи прямо за Аракконам, в местечке, называемом Тирутхани. Если они сейчас меня увидят, то сорвется весь мой план уйти от прежней жизни. Я тихо вернулся в мою комнату. Сидя на краю кровати в ужасном беспокойстве, я снова и снова говорил себе: «Зачем я приехал в этот город? Зачем я снял эту комнату?»

В семь часов я услышал, что они уезжают. Мой мочевой пузырь просто разрывался, я побежал в туалет и освободился. Я сразу спустился и сказал человеку за столом, «я выезжаю». Его челюсть отвисла. «Что! Вы же только что приехали!» Я заплатил и вышел на солнечную улицу. Арраконам, небольшой провинциальный город, оживал позванивающими велосипедами, гудящими автомобилями и группой паломников, поющих песни во славу Карттикеи.

Эти паломники были крестьяне, направлявшиеся в Тирутхани. Некоторые из них несли кавери, ярко украшенные изделия, похожие на коробки из светлого дерева. Они несли на плечах обрядовые медные кувшины с водой или молоком, предназначенные для подношения мурти. Я равнодушно пошел с ними, поскольку мне нечего было делать. Они пели и танцевали вокруг меня, и увлекли меня с собой.

Через какое-то время мы оставили Арраконам позади. Паломники продолжали воспевание, пока мы двигались по пустынному, лишенному растительности и довольно ровному участку. Иногда асфальтовая дорога, по которой мы шли, приводила нас к холмам или большим валунам, которые возвышались на сотни метров в сияющем утреннем небе. Но там не было домов. Местность казалось необитаемой.

Примерно через час мы пришли к храму в Тирутхани, расположенному на вершине скалистого холма. Большие каменные ступеньки торжественно вели от дороги к главным воротам. Храм

был увенчан характерной виманой (главной башней). Ее форма указывала на то, что под ней находится Божество Карттикеи. Вокруг здания была высокая стена, выкрашенная красными и белыми вертикальными полосами, обычный признак храмов в Тамил Наду.

Тирутхани означает «сад бога». Считалось, что бог Карттикея опустился здесь, прилетев с Кайласа (небесная обитель его отца Шивы). Он немного отдохнул в саду на вершине этого холма, а затем отправился к берегу океана в Тиручендур и убил демона Сурападму.

Пока мы всходили по ступеням с моими попутчиками, они пели молитвы, прося благосклонности у мурти. Я молчал, находясь в каком-то оцепенении, пока не достиг вершины. «Зачем я живу?», бормотал я чуть слышно. В этот момент религия, философия и мистицизм ничего не значили для меня, несмотря на все мои прошлые самонадеянные замашки. Совершенно разочарованный, я был бы рад умереть, если бы верил, что это и правда навсегда прекратит мое существование. Но даже больше я боялся родиться снова. Я так хотел, чтобы что-нибудь освободило меня из этого персонального ада. Но в то же время я сомневался, есть ли для меня какая-нибудь надежда.

Внутри храма, в полумраке, среди массивных колонн, паломники почтительно хранили молчание. Я вяло подошел к мурти Карттикеи. Он стоял между двумя своими женами, Валли и Девасеной, все трое черные и блестящие в мерцающем свете лампад. Священник пел молитву, в которой говорится: «Пусть все плохие результаты греховной деятельности будут разрушены твоим копьем». Сложив ладони перед лицом, закрыв глаза от отчаяния, я молился: «Пожалуйста, укажи мне путь».

Я поплелся к выходу на яркий солнечный свет, голова гудела, и я устало начал спускаться вниз по лестнице. Возле маленькой мандапы я увидел сморщенного нищего, сидящего в тени. Я сел рядом с ним и мы заговорили. Он спросил: «Куда ты идешь?», как раз в тот момент, когда я спрашивал его, «Куда же мне идти?»

Он посмотрел на меня слегка удивленно, двигая своими беззубыми челюстями. «Ты спрашиваешь МЕНЯ, куда тебе идти?»

«Да. Я не знаю, куда мне идти в данный момент. Дай же мне знак».

«Тогда иди в Тирупати».

«Нет, я думаю, мне не стоит идти туда, потому что как раз туда направился тот, кто может испортить мои планы».

«Нет, нет, не волнуйся об этом!» — возразил он. Его убежденность привлекла мое внимание. «Тебе нужно идти туда. Твой план будет успешным, никто тебя не остановит». Затем он процитировал стих: «Когда Картиккея был разочарован, не получив фрукт, он отправился на юг». Это относилось к той истории, когда Картиккея проиграл в споре со своим братом Ганешей. В результате этого Ганеша получил приз – фрукт из рук мудреца Нарады. В расстройстве Картиккея ушел с Кайласа в Тирутхани, что на юге Индии.

«Картиккея отправился на юг», продолжал нищий старик, «а ты – ты иди на север».

Я дал ему несколько монет и стал спускаться по лестнице. Сев в автобус, отправляющийся на север, я проехал через границу Тамил Наду и Андхра Прадеша к Тирупати. Всю дорогу я грустно размышлял на тему, зачем я так стараюсь совершить еще одно паломничество в другой храм на вершине холма, чтобы увидеть еще одного безмолвного каменного идола.

Венкатешвара Свами – одно из самых популярных в Индии мурти Вишну. Паломники из северной части Индии называют его также Шри Баладжи, но южане предпочитают звать его Шриниваса. Шриниваса переводится как «Обитель Шри», а Шри – это Лакшми, Богиня Удачи.

Как описано в Рамаяне и в Пуранах, давным-давно Господь Вишну снизошел на землю из духовного мира как Принц Рамачандра. Его супруга Лакшми родилась как прекрасная Сита, супруга Рамы. Когда царь-демон Равана предпринял попытку похитить Ситу, бог огня Агни обманул Равану, подменив супругу Рамы на Ведавати. Затем Равана увез Ведавати с собой, в свое царство на остров Ланка, принимая ее за Ситу.

Ведавати является иллюзорной формой Лакшми. Ранее она являлась как гималайская йогини, к которой Равана воспылал вожделением. Однако она не захотела терпеть домогательства Раваны и предпочла сжечь себя. Перед тем как исчезнуть в огне, Ведавати прокляла Равану, сказав ему, что она вернется, чтобы уничтожить и его, и всю его династию. Как божественная энергия Господа Вишну, она, разумеется, не сгорела в огне. Бог огня Агни забрал Ведавати с собой. Они вместе дожидались, когда Равана посягнет на Ситу. Переодевшись отшельником, Равана выманил Ситу из магического защитного огненного круга, чтобы похитить ее. Но когда она переступала через огонь, Агни подменил Ситу Ведавати. Настоящую же Ситу Агни спрятал.

Цель Рама была уничтожить Равану и все племя людоедов. Действуя как муж, чья жена подвергалась огромной опасности, Рама напал на Ланку и убил Равану и его родственников. Освободив иллюзорную Ситу, Рама приказал ей войти в огонь, будто бы она была осквернена прикосновением греховного демона.

Будучи преданной женой, Сита сделала так, как сказал супруг, и Агни вышел из огня, ведя Ситу и Ведавати. Хотя Агни попросил Раму взять Ведавати второй женой, Рама отказался, сказав: «В этом воплощении я дал обет иметь только одну жену. Я приму Ведавати, когда явлюсь на земле как Шриниваса. Тогда ее будут звать Падмавати и она станет Моей невестой».

Явившись как Шриниваса, Вишну женился на Падмавати. Но Лакшми (Шри) пришла, чтобы расторгнуть этот брак, считая его недействительным, поскольку Шриниваса вечно принадлежит только ей. Пока Шри и Падмавати ссорились, Шриниваса сделал несколько шагов назад и стал мурти. Опечаленные богини погрузились в скорбь, но Шриниваса утешил их, рассказав им, что обе они являются воплощениями одной духовной энергии, Вишну-шакти. Тогда богини обнялись и стали по обе стороны от Шринивасы. Лакшми и Падмавати также приняли форму мурти.

Храм Венкатешвары будто магнит, ежегодно притягивает миллионы паломников из всех концов Индии. Обычный обряд, который совершают паломники – они обривают головы, как

мужчины, так и женщины, а также дети. Храм ежегодно собирает миллионы рупий в виде пожертвований, большая часть этих денег используется на помощь беднякам и обеспечение удобств паломникам. В моем состоянии подавленного цинизма я думал: «Как возможно, что этот камень в Тирупати может привлечь столько паломников? Кто-то очень здорово придумал, как зарабатывать деньги при помощи этого хитрого способа».

Я прибыл в Тирупати около полудня. Я сел в автобус, который возит паломников на вершину холма Тирумала, где стоит храм, и расположен прилегающий комплекс. Этот комплекс сам является городом для многотысячного обслуживающего персонала храма – священнослужители, администраторы, рабочие и их семьи, постоянно живущие здесь. К тому же не менее пяти тысяч паломников, а чаще – гораздо больше.

Прибыв в Тирумалу, автобус остановился и поехал мимо блоков административных офисов и гостиниц для паломников. Я повернул на широкую мощеную аллею, ведущую к прилавкам, на которых продавались различные товары. В конце этого шумного базара виднелась гопурам, пышно украшенная башня, которая возвышалась над главными воротами храма.

Очередь из паломников тянулась от храмового входа вокруг одной стороны здания и обратно через группу заполненных залов ожидания. Я занял очередь в конце. Прошло два с половиной часа, пока я пришел к Божествам.

Но несмотря на долгое ожидания, я чувствовал что мое уныние постепенно исчезает, по мере того как я медленно пересекал просторный двор, ряд за рядом пересекаемый древними замысловатыми колоннами, на пути к святилищу. Когда я поднялся на несколько каменных ступеней, ведущих к дверям помещения Божеств, возбуждение преданных взорвалось вокруг меня в воспевании «Говинда! Говинда!». Мы быстро продвигались сквозь битком набитую зону входа и вниз направо по длинному коридору, ведущему прямо к Шринивасе, которого я вдруг увидел на троне, над головами людей передо мной.

Очередь быстро продвигалась вперед. Я неотрывно смотрел на Божество и чувствовал, как не только физическое воздействие

двигающейся очереди приближает меня к Нему, но и что-то большее. Я почувствовал какое-то личное общение с трансцендентным.

В конце коридора был даршан, или зал созерцания. Теперь я стоял прямо перед Шринивасой, Он был черного цвета и украшен серебром, золотом и драгоценными камнями. На верхней части лица Божества была Вишну-тилака, белый знак в форме буквы U, который наносят на лоб. Обычно верхняя часть этого знака U шириной в один палец, но отличительным признаком этого мурти было то, что его тилака увеличенного размера и закрывает глаза. На Нем была высокая коническая серебряная корона, увенчанная закругленным шпилем. Его украшения мерцали в свете ритуальных лампад.

В течение короткого промежутка времени, пока я стоял перед Шринивасой, я вспомнил удивительную и постоянную преданность моей матери Вишну, как совершенной форме Верховной Истины, которую только частично представляют другие формы, такие как Шива или Дурга. Мне вспомнился стих из Бхагавад-гиты: «Оставь все виды религии и просто предайся Мне. Я освобожу тебя от всех грехов, не бойся».

За этой областью надзирают молодые, но суровые женщины, которые проворно выпроваживают паломников от Божеств, иногда при помощи толкания тех, кто задерживается слишком долго. Я не решился замешкаться. Я повернулся и пошел обратно в очередь по другую сторону коридора, к выходу, глядя через плечо чтобы еще разок увидеть Шриниваса. Так же быстро покидая здание, как мы вошли в него, очередь далее вела через храмовый двор к главным воротам.

Выйдя из храма сквозь ворота гопурам, я опять побрел через базар. Протискиваясь сквозь толпу покупателей, я анализировал пустоту моей жизни. «Так же как меня толкают из стороны в сторону на этом рынке, так же меня толкают от одного бесполезного занятия к другому, не показывая, для чего все это». Снова вспоминая Бхагавад-гиту, я решил, что я должен достичь этого состояния освобождения от всех последствий моей глупой

деятельности. Я должен посвятить себя духовной жизни и стать садху, странствующим святым.

В лавке, торгующей традиционной одеждой Северной Индии, я купил ленгу (просторные брюки похожие на пижамные), гамчу (кусок ткани, который оборачивают вокруг талии при омовении) и 4 метра хлопковой ткани. В другой лавке я купил немного куркумы. После этого я отправился к Свами Пушкарини, большое священное озеро возле храма. При помощи куркумы я окрасил ленгу и длинный кусок ткани в желтый цвет и разложил их на просушку.

Я обрил голову у одного из цирюльников, которые обычно сидят на корточках на бетонных ступеньках озера, держа в руках опасную бритву. Сняв свою одежду, я надел гамчу и трижды окунулся в священные воды. Когда я вышел, человек, проходящий мимо, остановился чтобы нанести на мой лоб мазок влажной белой глины из маленькой латунной чашки, искусно делая тилаку одним движением пальца. Я посчитал это знаком того, что Господь принимает мое желание предаться.

Когда я и моя окрашенная в желтое одежда высохли, я надел ленгу и обернул голову средней частью длинного куска ткани наподобие тюрбана, оба длинных конца положив на каждое плечо. На груди я перекрестил ткань и обернул ее вокруг талии.

Мою старую рубашку и брюки я положил в пакет, который мне дали в лавке и оставил мою обувь у водоема. У меня еще оставалось 150 рупий. Я решил пожертвовать их Шринивасе.

Возле входа в храм я увидел конторку для «особого даршана», это стоило 25 рупий. Это позволяло человеку сократить время ожидания в очереди до примерно четверти часа. Я решил истратить мои деньги на 6 особых даршанов.

Подходя к Шринивасу в шестой раз, я заметил, что все еще несу пакет с моей старой одеждой. В уме я задал вопрос мурти: «Тебя называют Хари, то есть «тот, кто забирает наши материальные привязанности». Каким образом Ты заберешь у меня этот пакет?»

Когда я выходил из длинного коридора и входил в первую комнату помещения, я заметил бородатого брахмана, сидящего на

неохраняемой зоне. Он был небольшого роста, грудь его была открыта. Его лоб, торс, руки и спина были украшены двенадцатью знаками тилаки, которые указывали на то, что он был храмовым священнослужителем. Он молот пасту из куска благоухающего сандалового дерева, растирая его на куске плоского песчаника. Я вышел из очереди и присел перед ним на колени понаблюдать за его работой. Благоухающая сандаловая паста смешивается с небольшим количеством шафрана или камфары, и эта смесь наносится на тело мурти в качестве освежающего косметического средства. Но обычно пастой смазывают Божество сразу после церемонии омовения рано утром, и было странно, что он готовит пасту во второй половине дня.

Я собирался спросить, должна ли быть вскоре какая-то особая пуджа (поклонение), когда он посмотрел на меня и спросил: «Что у тебя в сумке?»

«Да, просто одежда» — сказал я, открывая сумку, чтобы он посмотрел.

Увидев мою куртку, которая была сшита в стиле, который нечасто встречается в Южной Индии, он сказал: «Очень красивая рубашка. Если она тебе не нужна, можешь отдать ее мне?»

Я возразил, я не хотел давать такому возвышенному человеку, как священник мои обноски. Но он так настаивал, что я согласился, при условии что он устроит для меня еще один особый даршан Шриниваса, чтобы я мог стоять перед Божеством столько, сколько захочу.

Он с готовностью согласился. Он положил сумку рядом на полку и взял меня за руку, ведя мимо очереди по длинному коридору.

Посередине коридора был небольшой проход, примерно в метр шириной, отделенный от коридора металлическими перилами. Это одновременно служило двум целям: отделяло входящую очередь от выходящей и давало тем, кому это позволено, свободный доступ в зал даршанов. В этот проход можно было попасть через металлические ворота, где стоял ящик для пожертвований. Рядом стоял полисмен в тускло-оливковой униформе, его берет лежал рядом.

Бородатый брахман открыл ворота ключом, висящим у него на груди, и провел меня в проход между перилами. Он шагнул вперед, таща меня за собой, пока мы не пришли в зал даршанов, где между нами и Божеством проходила очередь паломников.

Он стоял рядом со мной, пока я вволю налюбовался на Шриниваса. Я хотел навсегда неизгладимо запечатлеть образ Господа, и я начал медитативно рассматривать каждую часть Его формы, начиная со стоп. Я постепенно перевел взгляд на две руки Господа, левая рука была сложена в мудру избавления от страданий, а правая в мудре благословения. На уровне чуть выше плеч другие две руки держали символы Вишну (диск и раковину). Я смотрел на слегка улыбающееся лицо Шринивасы и надеялся, что это выражает удовольствие или радость, или возможно даже что-то более глубокое. Снова я перевел взгляд обратно на стопы Господа и повторил мою медитацию еще два раза.

После этого я рассмотрел Шри, стоящую справа от Господа и Падмавати, стоящую слева. Затем я посмотрел на всю группу вместе, включая заднюю стену алтаря, пол и потолок. Мне показалось, что я стоял там пять или шесть минут.

Потом я посмотрел на брахмана. Он кивнул головой и повернулся. На полпути назад к воротам он указал мне, что я должен перелезть через перила и выйти вместе очередью паломников. Я так и сделал, и он пошел обратно к воротам и вышел.

Когда я снова попал в первую комнату, я пошел снова к тому месту, где встретил бородатого брахмана, желая поблагодарить его перед тем как уйти. Но его там не было. И не было моей сумки на полке. И не было никаких следов того, что он там делал сандаловую пасту за несколько минут до этого.

Немного удивившись, я подошел к двум другим брахманам, которые сидели неподалеку. «Извините», вежливо обратился я к ним, — «а где бородатый брахман, который недавно сидел здесь?»

Они посмотрели на меня немного странно. «Бородатый брахман?» — удивился один. Второй засмеялся. «Ты думаешь, что это храм Шивы?». Правда, я вспомнил, брахманы-вайшнавцы не носят бороды.

«Он сидел вот здесь и делал сандаловую пасту» — указал я на это место. Один из них покачал головой. «Нет, в это время не делают пасту. Если ты хочешь увидеть брахмана, который растирает сандал, надо прийти утром, в 6 утра. Можешь прийти завтра. Сейчас он уже несколько часов назад домой ушел».

Сплю ли я, или мне привиделся этот человек с бородой? «Но он провел меня на даршан сквозь эти ворота. Вы меня не видели?»

Они переглянулись и подавили смешок. Один сказал: «Ничего не можем поделать, но мы тебя видели, потому что мы уже давно здесь. Ты несколько раз проходил в очереди, снова и снова. Мы приняли тебя за ненормального. Но с тобой не было бородатого брахмана, и ты не проходил в эти ворота».

Я ушел, оставив их весело подшучивать друг с другом. Я подошел к охраннику и спросил, видел ли он, как я проходил через ворота. «Не трать время!» -- закричал он на языке телугу. «Проходи!»

«Пожалуйста, уделите мне одну минуту» — умолял я. «Меня несколько минут назад провел через эти ворота брахман, а вы стояли прямо тут. Помните это?»

«Кем ты себя считаешь, пешкаром (главным священником)?» — засмеялся он. «В мои обязанности входит смотреть за тем, чтобы через эти ворота проходили только VIP. А, на мой взгляд, ты не похож на важного человека».

«Ну, в таком случае, думаю, произошло чудо» — сказал я. Он подтолкнул меня к двери и бесцеремонно сказал: «Здесь каждый день людям бывают видения. Ничего особенного. Иди домой и не переживай».

Я вышел из храма в большом изумлении.

Проходя через зал, где раздавали прасадам (освященные остатки пищи Божества), я получил тарелку риса с бобами в качестве моей первой бхикши. Бхикша – пища, данная в качестве пожертвования. С этого момента я дал обет жить только милостыней, и называть себя Свами Атмананда.

Выйдя из храмового городка, я вернулся на базар, двигаясь в направлении автобусной остановки. Мне пришлось пробираться

сквозь толпу только что прибывших паломников, которые оживленно бежали в очередь на даршан. Наконец, я вышел на шоссе, где я увидел несколько такси, сажавших пассажиров, чтобы ехать к подножию холма.

В одной машине было 8 человек, и какой-то человек с заднего сиденья позвал меня и спросил: «Может, хотите поехать вниз с нами?» — «Да, я бы хотел» — ответил я, «но у меня нет денег. Он открыл мне дверь: «Я заплачу за Вас, садитесь».

Я втиснулся внутрь и мы поехали вниз по извилистой дороге в Тирупати. Всю дорогу я размышлял о том, что произошло со мной в храме. Я спрашивал себя, кем бы мог быть этот бородатый брахман: «Может, Шриниваса пришел под видом брахмана?» В этом я сомневался. Я думаю, он бы не стал лично заботиться о таком негодяе, как я.

Мой скептицизм выдвигал свою версию: «Вся история – просто воображение». Но я ясно помнил, как я стоял перед алтарем несколько минут. Так много паломников прошло между тем местом, где я стоял и мурти, и я все еще ясно помню этих людей – многие с обритыми головами, одетые в традиционные одежды всех областей Индии, их подгоняли женщины-служительницы. Пока я размышлял об этом, я осознал одну очень странную вещь: я вообще не мог вспомнить форму Шринивасы. Только серебряную раковину и диск. Все остальное было... заблокировано.

«Ну ладно, может я и правда не стоял там так долго», подумал я. Но я просто не мог убедить мой разум, что этого не было вообще. В конце-концов, пакет с одеждой исчез. Я вспомнил, как я мысленно просил Шринивасу забрать всю мою собственность, мистическим образом на мой вызов ответили.

Под конец я просто покачал головой и улыбнулся сам себе. «Хотя невозможно объяснить, как это произошло» — сказал я сам себе, «но сегодня я был освобожден». Мне пришлось признать, что несмотря на все мои сомнения, этот ловкий обманщик Господь Шриниваса несомненно изменил мою жизнь к лучшему. Я чувствовал себя духовно очищенным, полностью освеженным и, впервые за столь долгое время, оптимистичным. Такси остановилось у подножия холма, рядом с огромным изваянием

Ханумана. Все пассажиры вышли из машины, они – чтобы подкрепиться в придорожном кафе, а я – чтобы начать мои странствия в качестве нищего. Я прошел пешком оставшееся расстояние до города Тирупати и остановился у Говиндараджа Свами Перумала, другого прекрасного вайшнавского храма. Я стоял перед Божеством, сложив вместе ладони перед грудью. «Теперь я покончил с материальной жизнью» — обещал я. «Сейчас должна начаться моя духовная жизнь».

Когда я вышел от Говиндараджа, мне в голову пришло, что я довольно мало знал о духовной жизни, кроме того, что раз я свами, то должен просить милостыню на мои нужды. Мне так многому нужно было научиться, и нужен был кто-то, у кого бы я мог научиться этому.

Неподалеку я заметил полицейский участок. Я зашел туда, увидев там статного усатого инспектора за столом и сел перед ним. Он взглянул на меня, и увидев мои одеяния садху, почтительно спросил: «Чем могу служить Вам?» На стене офиса я заметил портрет Саи Бабы и воспринял это как возможность. «Я хочу отправиться в ашрам Бабы. Как мне добраться туда?» Я видел, что под стеклом на столе инспектора лежат множество фотографий Саи Бабы.

Когда я упомянул Саи Бабу, он сразу заметно обрадовался, и живо ответил: «Езжайте на автобусе до Анантапура, потом переседайте на автобус до Буккапатнама, а там садитесь в автобус до Путтапартхи. Прашанти Нилаям, где живет Баба, находится в Путтапартхи».

Я поблагодарил его. После нерешительного молчания я предпринял первый шаг в моей новой жизни нищего, спросив: «Будьте так добры, помогите мне оплатить расходы на эту поездку?»

Он засиял еще больше. «О, я так рад отправить человека к Саи Бабе, аватару нашего века. Но здесь у меня нет денег. Пойдите по дороге, пока не увидите магазин под названием Вина Шриниваса. Там работает моя жена – скажите ей, что я послал Вас за суммой на проезд в Прашанти Нилаям и она с удовольствием даст Вам эти деньги».

Отправившись туда, я вскоре пришел к магазину «Вина Шриниваса», где на полках был прекрасный выбор ликеров в бутылках. Стены над полками были зеркальными чтобы широкий ассортимент удваивался. В глубине, под цветным плакатом Господа Шринивасы, в рамке и украшенной гирляндой, сидела полная женщина в сари. Я вошел внутрь и приветствовал ее словами «Саи Рам», это обычное приветствие последователей Бабы. Она ответила «Саи Рам» и вежливо предложила мне сесть. Я сказал ей, зачем пришел, и она очень оживилась. Открыв ящик, она вытащила пачку банкнот и отдала мне.

«Разрешите послать кого-нибудь купить билет и проводить Вас к автобусу?» — смиренно спросила она, желая послужить мне. «Нет необходимости», отказался я, входя в настроение отреченного свами. «Ваш муж рассказал мне, этого достаточно». Когда я встал, чтобы уйти, я на мгновение увидел отражение моего лица среди винных бутылок. Моя Вишну-тилака стерлась, в тюрбане и с самоуверенным видом я был похож на знаменитого Свами Вивекананду.

Дорога в Прашанти Нилаям оказалась тяжелой. Я сел в автобус на Анантапур в 5:30 вечера, и ехал всю ночь до последней остановки, на несколько часов больше, чем по расписанию. Оттуда я сел в идущий на юг автобус в Буккапатнам, который свыше 50 километров тряс меня на своем жестком сиденье. Слава Богу, дорога от Буккапатнам до Путтапартхи была недолгой.

Пропитанный солнцем провинциальный городок Путтапартхи пользовался некоторой известностью даже до пришествия туда йога-мистика Саи Бабы. Раньше здесь поклонялись кобре. На вершине холма Ураваконды находится огромный валун в форме кобры с капюшоном. Легенда гласит, что если человека укусит змея из этого места, то больше он не родится вновь.

Глава VII ПОХИТИТЕЛЬ УМА

Я прибыл в Прашанти Нилаям Сатъя Саи Бабы («Обитель совершенного мира») под крики большой группы оборванных нищих, сидящих возле главных ворот. За ними во дворе толпилась группа хорошо вооруженных людей, что означало, что Саи Баба находится здесь. Я смотрел на все это со смешанными чувствами.

«Его считают Богом» — размышлял я, «и его последователи говорят, что он обладает властью избавить от несчастий, болезней и нищеты – так почему же нищие толпятся прямо возле его собственного дома? И если его ученики и правда такие счастливые, почему они не сделают что-то больше для этих бедняков, чем просто бросать монетки?»

С этими дурными предчувствиями, я вошел в обширный и очень красивый городок-ашрам. В середине была резиденция Саи Бабы, большое здание абрикосового цвета, которое называли Мандир, а рядом с ним на песчаной площадке, называвшейся «место даршана», сидело около тысячи людей сидели рядами, ожидая появления Саи Бабы на балконе верхнего этажа. Перед толпой была круглое крытое возвышение, Шанти Ведика. Рядом был лагерь, разбитый паломниками под просторными открытыми навесами.

Другие здания стояли за стеной городка, фасадом к Мандиру. Среди них я заметил небольшую больницу. Я слышал, что верующий, принявший священный пепел (вибхути), который Саи Баба мистически производит рукой, излечивается от болезней. Читая вывеску с часами приема врачей, я думал, зачем же, если он обладает способностью излечивать пеплом, ему нужна здесь больница с обученными на Западе терапевтами.

Большой бородатый сикх в светлом тюрбане прогуливался около места даршана,. Я подошел к нему и спросил, куда он идет. Он собирался пойти в столовую поесть. Мы разговорились, он стал расспрашивать обо мне, и я сказал ему, что оставил все ради духовной жизни. «Я ищу Бога» — сказал я ему слегка улыбаясь, «и я пришел посмотреть, правда ли, что Бог действительно здесь».

Он внезапно озорно улыбнулся. «Ну, я не верю ни в одну из этих так называемых аватар, но я оказался неподалеку по делам, и кто-то сказал мне, что Саи Баба – Бог, и я заглянул сюда, чтобы посмотреть, на что похож этот Бог». Он фыркнул. Затем он насмешливо взглянул на меня и спросил: «У тебя нет денег?»

«Нет» — ответил я.

Остановившись, он поднял указательный палец и серьезно заявил: «Не беспокойся, Бог здесь и он НЕ накормит тебя». Мы оба рассмеялись.

Все еще смеясь, я сказал: «Ну, Бог может и не накормит меня, но ты тоже здесь, поэтому, может, ты купишь мне завтрак?»

«О, конечно» — сердечно откликнулся он. Шлепнув меня по спине, он повел меня в столовую. «А как тебя зовут?»

«Свами Атмананда».

«О, ты свами?»

«Да, вчера только стал свами». Мы опять от души посмеялись.

В столовой давали обычную южноиндийскую пищу: идли, доши и самбар. Я был голоден, а сикх был очень любезен. «Ешь» — убеждал он, заказывая мне еще доши, «потому что Бог тебя не покормит, а я уезжаю через полчаса – «Бери все, что хочешь, не стесняйся». Я наелся от души, и он, довольный, заплатил за все.

Когда мы вышли из столовой, он показал мне справочную, сказав мне, что если у меня есть вопросы, то здесь мне ответят. Мы тепло распрощались друг с другом. Затем я вошел в справочное бюро и просмотрел несколько книг, выставленных там. Из книги его лекций по Рамаяне, я понял, что учение Саи Бабы состоит из обычных банальностей Адвайтистов плюс еще кое-что. Философия адвайты, требуемая этикетом всех популярных индийских гуру, была мне знакома. Я много изучал ее, но мне стало скучно. На меня не произвело впечатления.

Положив книгу на место, я спросил сотрудника офиса, есть ли где-нибудь комната, в которой я могу пожить. Этот джентельмен, Мр. Н. Кастури, оказался главным помощником Саи Бабы в Прашанти Нилаям. Он ответил мне, рассказав о ценах в гостиницах.

«Но у меня нет денег. Я хотел бы остановиться здесь на пару недель. Можете ли Вы выделить мне какое-то место?»

«О, мне очень жаль», ответил Кастури окончательно, «но у нас нет таких возможностей. Если Вы хотите остановиться бесплатно, Вы можете поселиться под навесом для паломников».

Я сменил тему. «Я хочу увидеть Сам Бабу. Как это можно сделать?»

«О» — он благосклонно улыбнулся, «увидеть Бога не так-то просто. Взгляните сюда...». Он указал на место даршана, где люди ждали, сидя прямо на солнце. «Сегодня они уже ждут два часа. Некоторые здесь уже месяцы, никуда не уходя. Никто не знает, когда он придет. Это все по высшей воле».

Оставив М-ра Кастури, я пошел на место даршана и сел там в один ряд. Справа от меня оказался Четтияр (член Тамилской купеческой общины). Он стал рассказывать мне о своей дочери, которая не могла говорить, и он оставил дом и бизнес «чтобы добиться от Бога, чтобы Бог дал ей голос. Я здесь уже семь дней — нет даршана! Мое время еще не пришло. Я не знаю, что я буду делать». Его губы задрожали и он резко отвернулся, его глаза наполнились слезами.

Я приехал в Шанти Нилаям любопытства ради, а не из-за веры, и меня не радовала перспектива целыми днями бесполезно просиживать здесь на солнце, как этот человек, который сидел здесь уже неделю. Я встал и вышел из городка через ворота. Пройдя немного вокруг Путтапартхи без какой-либо особой цели, я пришел на песчаную дорожку, ведущую к каким-то новым беленым строениям. Одно оказалось магазином одежды, над входом был знак «Есть комнаты». Там сдавалось 4 комнаты. Никого не видя внутри, я сел на ступеньках снаружи.

Думая о том, как же доверчивы эти последователи Бабы, я сам с собой поспорил, что единственное, что нужно чтобы управлять подобными людьми — это сообразительность. В этот момент из одной комнаты вышел человек, как будто уезжая. Чтобы проверить мою теорию, я приветствовал его «Саи Рам». Он ответил на приветствие.

Я спросил его: «Что Вы здесь делаете и какая у Вас просьба?»

Сразу удивившись и заинтересовавшись моим таинственным вопросом, он присел рядом и взволнованно спросил: «А откуда Свами?»

Неторопливо и непроницаемо я ответил: «Свами оттуда, откуда бы он ни был. Просто скажи мне – какова твоя просьба?»

Он был взволнован. «О, но ведь Свами знает мою просьбу».

Я молча уставился на него. «Возможно, но все же мы должны говорить наши просьбы вслух».

Он дрожал, когда ответил. «Я занимаюсь крупным бизнесом, но я не уверен в доходах, и мне нужны благословения».

Я помолчал, глядя в небо, как будто советуясь с богами. Затем снова обратившись к нему, я спросил: «Когда ты идешь на даршан?»

«О, я хотел сейчас, но я слышал, там так много людей. Я уже шесть раз пытался увидеть Бабу. Я не жалею, Вы поймите, это, видимо, моя греховная карма, но мое время еще не пришло».

Я сказал в заключение: «Я хочу пойти с тобой на даршан. Теперь скажи мне – где ты поселился?»

«Я остановился здесь. Хозяин этого магазина – мой родственник».

«Я хочу поселиться с тобой. У меня нет комнаты».

«О, конечно! Я буду очень рад, если со мной поселится свами. Свами не часто приходят сюда, потому что они не понимают, что Баба – Бог. Только очень редко им открывается, что Бог, которого они ищут – это Саи Баба. Пожалуйста, пойдите со мной».

Он отвел меня в свою комнату и спросил о моем багаже. Я сказал: «Весь мир – моя сумка». Я умылся и немного вздремнул. Потом мы вдвоем отправились к месту даршана.

Мы сели в первый ряд. Я ничего не мог поделаться, постоянно думал о том, как это все глупо. «Если эти люди думают, что они не могут увидеть Саи Бабу, потому что их время еще не пришло, тогда кто выше, время или он?»

Внезапно на балконе появился Саи Баба, его правая рука была сложена в мудру абхая, благославляя. Я пристально смотрел на него. Увидев, как легко можно влиять на его учеников, я хотел узнать больше. Где-то в глубине моего ума зрел план.

Он был довольно невысок. Его фирменная прическа образовывала черный ореол вокруг его лица. Он был одет в длинную шелковую переливающуюся мантию с рукавами, которая была до пола, он спускался по лестнице как призрак. Он был совсем рядом со мной, шел вдоль первого ряда, собирая письма у людей, он держал их в левой руке. Я примечал его походку, жесты, выражение лица. Под конец он отправился обратно.

Я заметил, что пока он шел вдоль ряда, он указал некоторым встать. Мр. Кастури быстро собрал их в группу.

Не доходя до седьмого ряда, Саи Баба вернулся тем же путем. Он остановился перед моим новым соседом по комнате и внимательно посмотрел на него. Мой друг тоже вылутился на него, его кадык дергался на шее. Внезапно Саи Баба отвернулся от него и посмотрел на меня, показывая пальцем, что я должен встать. Я не понял, что происходит, потому что я был здесь впервые.

Мой друг чуть не лопнул от возбуждения: «О, Вас вызвали! Баба хочет подарить Вам беседу! Пожалуйста, расскажите ему о моей просьбе! Попросите благословение для меня!» Когда я встал, он прикоснулся к моим стопам. Кастури указал мне присоединиться к остальным избранным.

Между тем Саи Баба быстро проходил по другим рядам, почти так как если бы он перемещался по поверхности воды. Закончив, он вернулся обратно и кивнул Кастури, сказав на языке телугу: «Отправь их наверх». Затем он стал подниматься по ступеням.

Вслед за Кастури, возглавлявшем нашу группу, мы взошли наверх сразу за Саи Бабой. Когда он поднялся, Саи Баба бросил письма в мусорное ведро. Затем он повернул налево и пошел в свои апартаменты. Кастури указал нам направо, в комнату бесед. Нас было шестеро. Мы сели на диваны и стали ждать.

В комнате встреч была дверь, которая вела прямо в апартаменты Саи Бабы. Через несколько минут он вошел к нам, и

все поднялись, сложив руки в пранам-мудре. Из вежливости я тоже встал. Посмотрев на его глаза, я увидел, что они широко раскрыты и несфокусированы.

Нескольким людям он дал пепел – я ясно видел, как он материализовал его из руки пальцами. Рядом со мной стояла девочка лет десяти с отцом. Когда Саи Баба подошел к ней, он вставил две сережки, которые появились в его руках, в дырочки в ушах девочки. Отец и дочь задохнулись от изумления, потому что раньше ее уши не были проколоты. А теперь там были дырочки, и висело золото.

Увидев это, все закричали: «Саи Рам! Саи Рам!» с огромным удивлением. Затем, удостоив меня лишь взглядом, он повернулся и вышел так же как и вошел, мр. Кастури за ним.

Через минуту Кастури вернулся через ту же дверь и объявил: «Беседа закончена, теперь всем нужно уходить. Он не говорил с вами, но вам очень повезло, потому что вы видели чудо могущества Бабы». Он жестами подгонял всех к двери, которая вела на балкон, и мы встали, чтобы уходить.

Я шел за отцом с дочерью, но Кастури остановил меня, протянув руку. «Пожалуйста, сидите. Баба хочет, чтобы Вы ждали с удобством». Я кивнул, немного в замешательстве, и снова занял свое место. Как только комната опустела, Саи Баба снова зашел. Теперь он выглядел иначе.

У него уже не было этого странного взгляда, почти бессознательного, который я видел перед этим на его лице. Теперь он был полностью нормальным и расслабленным. Я непочтительно думал: «Как интересно: сумасшедший вид для масс».

Он встал передо мной. Теперь я не встал. Говоря на санскрите, он спросил меня, как я поживаю и все ли хорошо. Я ответил на тамильском: «Я не знаю санскрит, пожалуйста, говорите со мной на своем родном языке». Он перешел на телугу, и задал тот же вопрос. Теперь мы могли общаться, потому что телугу и тамильский довольно похожи.

Я ответил: «По милости Господа, все хорошо. У меня есть, где остановиться, и я планирую побыть в Прашанти Ниляям

недели две». Он прошелся по комнате, как бы раздумывая, и затем вернулся ко мне.

«Говоришь, хочешь пожить здесь две недели?» — Я кивнул.
«А какие у тебя здесь планы?»

Вспомнив то, что я сказал сикху, я ответил: «Я ищу Бога».

Он вдруг улыбнулся и наполовину подняв руки, обращенные ладонями ко мне, что как я догадался, наверное означало двойное благословение. Слегка согнувшись в коленях, бедрах и плечах, он жеманно склонил голову на одну сторону и шелковым голосом сказал: «Если ты не можешь здесь увидеть Бога, то где ты Его найдешь?»

На меня не очень-то произвело впечатление это маленькое шоу, и я почувствовал дискомфорт. «Ну, я здесь еще буду какое то время, надеюсь, еще увидимся...» мой голос затих. Он пристально смотрел на меня и решительно сказал: «В любое время, когда захочешь, можешь увидеться со мной».

В этот момент из двери в апартаменты Саи Бабы появился слуга и подал знак. Саи Баба отослал его. Он снова повернулся ко мне и спросил: «Ты проголодался?»

Было уже обеденное время, и я ответил: «Я не бы против съесть что-нибудь, но конечно, мне надо еще попросить кого-нибудь дать мне бхикшу».

Он великодушно улыбнулся. «Поешь со мной».

Я не мог скрыть свое удивления и поблагодарил его. Он вышел в дверь и я за ним. Войдя в его личную столовую, мы сели на плюшевые подушки за низкий круглый столик, покрытый мрамором.

Сквозь широкий дверной проем я видел его спальню. Я заметил некоторые личные вещи Бога: кровать, застланную шелком, а рядом с ней ночной столик, на котором стоял будильник и какие-то бутылочки с лекарствами. Позади через полуоткрытую дверь я увидел туалетную комнату.

Он беззаботно напевал что-то сам себе, пока его слуга принес обед на подносе. Обед состоял из утмы (жареные овощи с манкой), ачар (острый маринад), жареные баклажаны и кофе.

Утма, к моему удивлению была одобрена луком. Я знал, что строгие садху избегают лука, потому что он увеличивает страсть. Кофе, как опьяняющий напиток, тоже было отклонением. Но казалось, Саи Бабу не волнуют эти правила. Так же, как и меня, потому что я был самодельным свами, не дававшим никаких обетов.

Мы закончили. Он встал, чтобы вымыть руки и прополоскать рот, и я сделал то же самое. Затем со своей обычной ласковой улыбкой он кивнул головой, показывая, что мне пора уходить.

Когда я спустился по лестнице, я увидел, что люди все еще сидят в рядах, теперь уставившись на меня, открыв рты. Мой друг и сосед по комнате подбежал ко мне с выражением благоговейного экстаза на лице. Другие бежали за ним, и мы встретились внизу лестницы.

Он жадно спрашивал: «Что там было? После беседы все остальные вышли, но тебя Баба оставил».

Как ни в чем ни бывало пожав плечами, я сказал: «Я просто пообедал с ним, вот и все».

Вокруг меня толпилось по меньшей мере человек двести. Меня повели к кирпичной гостинице и привели в большой номер с кондиционером, а передо мной вся комната была наполнена богачами. Им пришлось запереть дверь и охранять ее, потому что снаружи собралась большая толпа.

Практически, это был допрос: «Что это за чудо с сережками? А что Баба сказал Вам?» Но я сидел молча и невозмутимо в большом кресле с подлокотниками, куда они меня усадили. В уме я злорадствовал над моей внезапной переменой в судьбе. Я сомневался, смогу ли я использовать эту ситуацию в дальнейшем. Мне нужно было понять, что означает быть Богом. «Просто сделай это» — кукарекал авантюрист внутри меня. «Это не грех, ты просто дашь им веру во что-то высшее. Это та жизнь, которую ты искал».

Непринужденно и самоуверенно я начал петь Читта Чора (похититель ума), знаменитую песню Саи Бабы. Вся группа замолчала и замерла. Потом один за другим они начали хлопать в

ладоши и подпевать, пока вся комната не наполнилась звуками. Песня кончилась, я снова замолчал. Упомянутая в пословице булавка прозвучала бы как автомобильная авария.

Наконец я мягко заговорил: «Что вы хотите от меня? Я нищий».

«Свами», ответили мне, «Вы один из тех редких свами, которые принимают, что Баба – Бог». Баба говорит, что это очень необычно, потому что он скрыт для тех, кто занят религиозной и духовной жизнью. Он говорит, что в результате их садханы он дает им даршан, который они ищут – если они поклоняются Рамае, он появляется как Рама. Если они поклоняются Шиве, он приходит к ним в этом облике. Но как Бабу его могут видеть только очень удачливые люди.

Я закрыл глаза. «Но для меня», тихо проговорил я, «он просто проводник».

Кто то сзади закричал: «О, какая пронизательность! Его проводник!» Я стал понимать, чтобы я ни сказал, все будет принято как «нектарное откровение».

В этот момент занавеска, закрывавшая открытую стеклянную дверь на балкон, стала шевелиться на ветру. Увидев это, две женщины из толпы стали рыдать. «Баба! Баба здесь с нами, прямо сейчас» — всхлипывали они.

Теперь я действительно видел, как это работает. Человеку даже не нужно ничего делать. Эти глупцы создадут свои собственные «чудеса», расскажут о них повсюду, и сделают из вас Бога.

Мой знакомый тоже был там, неподалеку. Он попросил: «Свами, пожалуйста, расскажите нам о Вашей встрече с Бабой».

«Все вышли», начал я, «но Мр. Кастури попросил меня остаться, и пришел Баба. Он заговорил со мной на санскрите».

Они все переглянулись широко открытыми глазами. Я услышал тихие восклицания: «Санскрит! Веда! Веды исходят из его уст!»

Я продолжил, даже встал, чтобы показать им позу, которую принял Саи Баба, когда сказал, «если ты не видишь Бога здесь, где же ты найдешь Его?». И я рассказал им, как он сказал, что я могу

прийти на даршан в любое время, когда захочу. Они ловили каждое слово.

Мой знакомый спросил: «Сказали ли Вы ему обо мне?» — Я торжественно покачал головой. Он заныл: «Но я же просил Вас».

Я ответил с полной серьезностью: «Считаете ли вы его Богом, или вы считаете его обычным человеком? Если вы думаете, что он – Бог, тогда он все знает. Если же вы думаете, что он – обычный человек – тогда вы не должны быть здесь. Почему кто-то должен говорить о вашем случае?»

Кто-то воскликнул: «Это именно то, что говорит Баба! — «Если вы признаете меня Богом, тогда почему у вас нет веры, а если не признаете – зачем вы здесь?» Баба говорит то же самое!»

Какая-то женщина сзади закричала: «Свами, еще одну песню? Пожалуйста, пролейте нектар в наши уши». И я спел песню о Вишну, которую также поет Саи Баба, но это не его сочинение. Пришел вечер, и я проголодался. Они отвели меня в столовую и, естественно, заплатили за все.

Теперь все повернулось таким образом, что мой знакомый также прославился среди этих богачей, поскольку он был связан со мной. Они обращались к нему, чтобы привлечь мое внимание, и ко мне – чтобы привлечь внимание Саи Бабы.

Несмотря на весь мой внутренний цинизм к «Богу» из Прашанти Нилаям, меня очень тянуло к нему, потому что он так здорово справился со своей задачей. Отрекшись от мирских стремлений, я нашел здесь совершенно новое искушение. Ничто так не увеличивает амбиции, как слава другого, и хотя я чувствовал отвращение признать это у себя, я завидовал этому «Богу». Любопытно, что мое грубое подражание поведению Саи Бабы его последователи приняли за преданность ему.

Я должен понять, что он думает то же самое.

Глава VIII СТРАННЫЕ БОГИ ЮГА

Через день или два я попросил моего знакомого проводить меня вокруг деревни в Путтапартхи. Мы пришли к реке Читравати, но был сезон засухи и в реке не было воды, просто песчаное русло.

На каменистой горке возле русла реки стояло тамариндовое дерево, с которого, как говорят, Саи Баба в юности волшебным образом срывал манго и другие фрукты. Я взобрался на скалы и сел под деревом. Тогда я не принимал в расчет как последователи Саи Бабы привязаны к этому дереву, я просто забрался туда, потому что мне показалось, что это подходящее место для медитации. Я сел в позу лотоса, рядом сел мой знакомый. Закрыв глаза я мысленно представил Господа Раму, аватару Бога, принц, который разгромил демона Равану.

Когда я открыл глаза, мой знакомый сидел рядом, сложив ладони и с собачьим выражением в глазах. Я подумал, что он ждет от меня каких-то наставлений или указаний. Он был таким безнадежно беспомощным, что мне стало жалко его. Самое лучшее, что я мог сделать, это вызволить его из Путтапатрхи, потому что здесь его глупость может только возрасти.

«Ты должен отправиться в Бангалор, где у Бабы есть небольшой центр Бабы. Здесь ты не дождешься беседы».

Он печально спросил: «Свами, какой паап (грех) я совершил?» — «Ты совершил множество» — ответил я. Он дрожал. «Но сделай это – поезжай в Бангалор. И может быть, там Баба увидит тебя». Где-то в глубине ума я думал: «Глупый, неужели ты не видишь, что ты ни богат, ни достаточно необычен (как я) – чтобы привлечь внимание Саи Бабы?»

Через несколько дней он уехал, договорившись с владельцем магазина, чтобы я продолжал занимать ту же комнату.

На прогулке в другой день я остановился перед древним храмом Сатьябхамы на окраине Питтапатрхи. Это храм построил дедушка Саи Бабы, Кондама Раджу. Говорится, что его сын Педда молился здесь о втором сыне, впоследствии родился мальчик,

получивший имя Сатья Нараяна, который позже стал знаменит как Сатья Саи Баба.

Мне показалось интересным, что храм нуждался в ремонте, как будто последователи Саи Бабы игнорировали его. По странному совпадению, я пришел как раз одновременно со старшим братом Саи Бабы, который пришел в храм из своего дома неподалеку. Я спросил его о его знаменитом брате. «Верите ли Вы, что он – Бог?» Он раздраженно двинул рукой. «Это греховно» — сказал он с легким отвращением. «Он совершает большую ошибку и Бог его за это накажет. Когда он был маленьким, его ужалил скорпион, и после этого он стал болтать про Ширди Саи». (Саи Баба претендует на то, что он является воплощением мусульманского факира из города Ширди, что рядом с Бомбеем, этот человек умер в 1918, и его также звали Саи Баба.)

«Возможно, когда он был ужален, этот баба вошел в его тело», продолжал брат, «но что бы там ни было, для него называть себя Рамой или Кришной – неправильно. В нашей семье мы поклоняемся Раме и Кришне как Богу, но он сам хочет занять это положение. Придет время, он будет наказан за это богохульство».

Внезапно я стал новой знаменитостью в Прашанти Нилаям, в моих желтых одеждах я отличился в толпе и новость, что я обедал с Саи Бабой распространилась подобно лесному пожару по всему городку. Я часто развлекал толпу пением песен Саи Бабы в стиле, которому я научился у него. Дважды в день разные богачи кормили меня в столовой. Несмотря на все внимание, которым я наслаждался, мое беспокойство все росло. Я сказал, что ищу Бога, но эта легкая жизнь отвлекла меня от этой цели.

На седьмой день ко мне в столовую пришел Кастури в большом возбуждении. «Баба хочет говорить с Вами».

«Я должен пойти к месту даршана?»

«Нет, просто зайдите в его апартаменты».

«Что, прямо сейчас? Просто так зайти?»

«Он ждет Вас там!» — Кастури был почти ненормальный, так он был раздражен моей медлительностью «Пожалуйста, сейчас же идите туда к нему! Даже у меня не было такой возможности близкого общения с Бабой!»

Итак, совершенно спокойно, как будто это было самым обычным делом, я поднялся по лестнице в помещение для встреч и сел. Но он не вышел. Я встал и заглянул в его столовую. Но его там тоже не было. Я зашел в его апартаменты и заглянул в спальню.

Я увидел его на кровати, он полулежал на боку, подпирая голову рукой. Когда я вошел, он широко улыбнулся и поднял руку, благословляя меня.

Я оглянулся в поиске места чтобы сесть, но в комнате не было стульев. Наконец я просто сел на уголок кровати. «Кастури сказал, что Вы хотите меня видеть» — начал я.

«Да» — ответил он. «Я хотел спросить, нашел ли ты Бога».

«Нет, не нашел».

С долей понимающей иронии в голосе, он сказал: «Под тамариндовым деревом ты медитировал на Раму».

«Да, это так», спокойно ответил я. «Это моя обычная дхьяна. Мне нравится медитировать на Раму, океан милости. Он защищает слабых».

Его глаза сверлили мои. «Но почему ты ищешь Бога где-то еще, когда ты сидишь с ним прямо сейчас?»

Я хотел быть вежливым, поэтому перед тем, как ответить ему, придал своему лицу выражение размышления. «Вы святой человек и старше меня, а я очень низкий и греховных. Я не хочу говорить Вам чего-то неподобающего, поверьте – но – Вы не Бог».

Когда я сказал это, он кивнул, как будто он ожидал что я отвергну его божественность. «Ну, хорошо», сказал он, когда я замолчал, «как ты смотришь на меня, так я и выгляжу. Если ты хочешь видеть меня Богом – я Бог. Если нет – я не Бог. Но постарайся понять, что есть Бог». Он говорил в том же духе еще какое-то время, приправляя свои аргументы обычными лозунгами Адвайтистов.

Я прервал его. «Извините, но я читал это все в Вашей книге Рама Катха. Теперь Вы то говорите, что каждый – Рама, а то – что Вы – Рама. Что же Вы на самом деле имеете в виду? Знаете, я знаю, что Вы – не Рама. Но в соответствии с философией Адвайты Вы обязаны говорить Вашим последователям, что верховная

истина – безличный Брахман. Адвайтисты говорят, что каждый в действительности всего лишь не имеющий названий и формы свет. Вы же Адвайтист, правда? Если это так, то Вы же знаете, что неправильно Вам говорить, что «каждый – Рама», или «Я – Рама», потому что Рама – личность, а Брахман – безличен».

«Да», ответил он терпеливо, как будто снисходя к капризному ребенку. «Но я осознал Брахман, а они – нет».

Я немного разочаровался. «Тогда Вы должны помочь им осознать его. Но Вы сознательно держите их в положении ниже себя. Вы принижаете их, а не возвышаете. Они совершили большое жертвоприношение, проделав сюда такой длинный путь, и они неделями и месяцами ждут, просто чтобы увидеть Вас, а вот и Вы – счастливо наслаждаетесь всем этим. Даже политик больше интересуется своими последователями, чем Вы. Вы просто выбросили их письма в мусорку. Вы бы хотя бы прочитали их».

«Остынь, остынь» — делал он медленные жесты. «Я знаю, что в этих письмах как только дотронулся до них и я отвечаю через их карму».

Я посмотрел на него раздраженно, с трудом веря в то, что услышал. «Но карма постоянно действует на каждого, писали ли они письма Вам или нет. Если Вы действуете через их карму, то зачем весь этот Прашанти Нилаям? Зачем они приезжают увидеться с Вами? Пожалуйста, простите мою дерзость, но меня все это очень волнует. Когда шевелятся занавески, эти бедные люди думают, что это Вы присутствуете. Они настолько легковерны и извините, я думаю, Вы их эксплуатируете».

«Но я был там, когда зашевелились занавески» — самодовольно сказал он. «Ты очень красиво пел Читта Чора. Я был там».

Разочаровавшись еще больше, я сказал ему: «Я знаю, что у Вас есть мистические силы. Вы видите и слышите вещи, которые не доступны обычному человеку. Так почему же Вы не используете свои способности для того, чтобы раз и навсегда избавить их от страданий, вместо того, чтобы играть с ними таким образом? Почему вы держите тех, кто предались Вам в невежестве об их вечной духовной жизни? Как они смогут выбраться из этого

мира страданий, рождения и смерти? Просто подарив серьги Вы не решите проблемы жизни».

«Ну, хорошо», сказал он с долей смирения в голосе, «ты позже поймешь». Затем, сменив тему беседы, он спросил: «Тебе нужна какая-нибудь помощь?»

«Нет, меня полностью защищает Господь».

«Ты не считаешь это моей заслугой?»

«До некоторой степени это так, потому что люди, которые платят за меня – Ваши преданные. Но я вижу, что моя карма поддерживает меня в этом мире. И это также верно для всех этих людей здесь, а также верно и для Вас. Ваша карма позволяет Вам сидеть здесь, а моя карма дает мне возможность сидеть здесь. Если бы у меня была Ваша карма, а у Вас – моя, я бы был здесь «Богом», а Вы бы были разочарованы».

Он меня не слушал. С ним происходили какие-то изменения. Он приподнялся, его глаза потеряли фокус и блестели. «Я должен идти», сказал он отстраненным голосом. «Я еще поговорю с тобой». Он быстро вышел, оставив меня одного в комнате.

Я решил осмотреться. Открыв шкаф в его спальне, я увидел что он наполнен оранжевыми одеяниями. Я хотел найти место, где он хранит пепел, потому что раньше я тоже экспериментировал с телепортацией пепла при помощи мантры. Но в комнате не было ничего, кроме кровати и нескольких обычных вещей.

Тогда я растянулся на кровати, как он это делал перед этим и повторил его позу и жесты, наблюдая за собой в зеркале. Затем я встал и посмотрел с балкона, как он бежит по рядам и вызывает массовую истерию. Полиции пришлось сдерживать людей, чтобы его не окружили. Затем он вошел на возвышение Шанти Ведики.

Почему-то я вдруг почувствовал сострадание к этому небольшому человеку, который претендует на то, что он Бог. «Он всего лишь марионетка», подумал я. «Все эти люди думают, что он – Рама, и он сам верит в это, но как его, так и их всего лишь ведут какие-то высшие силы, над которыми у них нет власти». Я спустился вниз, чтобы посмотреть, что там происходит. Стоя на сцене, он полностью заморозил толпу. Подняв руки, он пел песню,

а они отвечали буйным хором. Когда песня кончилась, он упал в кресло. Ему поклонялись, предлагая благовония, лампы и цветы, как мурти в храме. Затем группа пандитов прочитала ему на санскрите молитвы Рудрам и Чамакам, которые посвящены Шиве. Для меня это было уже слишком. Я ушел из городка в свою комнату.

На утро девятого дня новость Прашанти Нилаям износилась. Меня тщательно кормили под вывеской «свамиджи, который любит Бабу», который все на меня привесили. Я решил уйти. Я пришел к Кастури и он покачал головой, когда я сказал: «Спасибо и прощайте».

Он удивился: «Вы уходите? Я думал, Вы останетесь. Вы так хорошо поете, сладостно. У нас есть один свамиджи из Ришикеша, которые также поет для Бабы, и Баба о нем очень хорошо заботится. Он позаботился бы и о Вас».

«Бог позаботится обо мне. Что может сделать Баба? Пускай он сперва позаботится о себе» — был мой быстрый ответ. «Вы должны следить за его здоровьем — когда он впадает в это бегающее состояние, я думаю это ему вредно».

«Что?!» — Кастури чуть не захлебнулся. «Что такое ты говоришь?!» «Да ничего, забудь, я ничего не говорил» — успокоил я его, светло улыбаясь. Я помахал ему и пошел в столовую, чтобы попрощаться с менеджером.

Сегодня в месте даршанов собралось всего лишь около сотни людей. Было объявлено, что Саи Баба отправляется в Бангалор, его большой западный автомобиль стоял у его личных ворот.

Я зашел в первый этаж Мандира, бхаджан-холл и поклонился алтарю, на котором стояли формы Кришны, Сатья-Нараяны и Шивы. Когда я выходил, я посмотрел вверх и увидел, что Саи Баба наблюдает за мной с балкона.

Я поднялся по ступеням и застал его в комнате для встреч, он сидел в кресле, его руки лежали на подлокотниках. Я зашел, поприветствовал его и сел в кресло перед ним.

«Итак, ты уезжаешь?» — улыбнулся он.

«Да» — улыбнулся я в ответ.

«Но ты же хотел остаться на две недели?»

«Извините, но я слишком разочарован. Я устал от всех этих сентиментальных людей, и всех страданий и всех беспокойств, которые они причиняют себе из-за Вас».

«Ты знаешь, куда ты идешь?»

«Нет, я не знаю, но надеюсь найти спокойное место».

Вдруг он встал с кресла, его глаза опять блеснули. Он пристально посмотрел мне в лицо сверху вниз и многозначительно сказал: «Пока ты не найдешь то, чего ищешь, у тебя не будет никаких проблем с пропитанием».

Он поднял правую руку: «Я позабочусь о тебе».

«Я благодарю Вас за все, что Вы делаете для меня» — ответил я. «Но я не считаю Вас Богом».

Станным голосом он предрек: «Ты сам станешь Богом». Он протянул руку вперед, будто собираясь дать мне вибхути.

«Нет» — возразил я. «не нужно давать мне этот пепел. Я не хочу принимать его от Вас таким образом. Просто дайте мне его из контейнера». «Почему же ты не хочешь взять его из моей руки?» — промурлыкал он.

«Ну», я ухмыльнулся, «я знаю, что он не появляется из Вашей руки, поэтому дайте мне его взять оттуда, откуда он правда исходит».

«Ты ошибаешься. Он появляется из моей руки» — настаивал он.

«Простите» — я опять ухмыльнулся. «Я Вам не верю. Дайте его мне из контейнера».

Не говоря ни слова, он вышел в свои личные комнаты и вынес небольшой горшок, наполненный пеплом. Протягивая его мне, он просто сказал: «Хорошо, если ты так хочешь, возьми его отсюда». Я взял немного пепла и посыпал себе на голову.

«Иди спокойно и помни о том, что я тебе сказал».

Я сказал: «Намасте», и встал, собираясь уходить. Он снова заговорил.

«Я не нравлюсь тебе, да?»

«Нет, Вы хороший человек. Почему это Вы мне должны не нравиться?»

«Когда ты найдешь то, чего ищешь, ты меня будешь не любить» — мягко сказал он тем же странным пророческим голосом. Он ушел от меня и я спустился по лестнице и вышел из городка.

Надеясь что меня подвезут в Путтапартхи, я вышел из городка по главной дороге, пока не пришел к магистрали. Я оглянулся, чтобы в последний раз посмотреть на ашрем. Как раз в этот момент большая машина Саи Бабы выехала из ворот, проехала по дороге и повернула на магистрали в сторону меня.

Машина остановилась рядом со мной, гудя мотором. На заднем сиденье я увидел знакомое улыбающееся лицо, обрамленное темным ореолом волос. Рядом с ним сидела знаменитая певица в дорогом шелковом сари. Когда электрическое стекло опустилось, он попросил водителя остановить мотор.

«Я еду в Бангалор» — обратился он ко мне. «Хочешь поехать со мной?»

«Нет», сказал я ему. «Теперь я пойду собственным путем».

«Но ты же не знаешь, куда ты идешь». «Это так, но все же я иду».

Он повернулся к женщине и сказал: «Он даже не знает, куда идет. Он просто ищет. Я сказал ему остаться, но он сказал: «нет, я ухожу». Я спросил его, куда, он сказал – «я не знаю». Все время он чего то ищет, ищет».

Затем я шутливо сказал: «Как и все, я ищу Вас».

Все еще говоря с женщиной, он сказал: «Все ищут меня, чтобы стать самими собой. Он ищет меня чтобы стать мной».

Я засмеялся, немного смущенно. Я видел, что он слишком хорошо понимает мои побуждения. Он снова повернулся ко мне. «Иди в Джилалламури к Амме». Амма – это имя одной женщины, про которую многие говорили, что она была воплощением богини. «Ты будешь доволен в Джилалламури».

«А как мне туда добраться?»

Он что-то сказал женщине. Она достала 25 рупий из своей сумочки и протянула ему деньги, а он дал их мне.

«У тебя есть 25 рупий, а автобус отсюда туда стоит 23 рупии. Иди на остановку и подожди».

Взяв деньги, я помахал им рукой: «Хорошо, так прощайте. Мы видимся в последний раз».

«Нет, мы еще встретимся» — весело сказал он. Он сказал водителю завести мотор, и окно поднялось. И он уехал.

Я пошел на автобусную остановку, вскоре пришел автобус в Джилалламури, и я сел в него. Проезжая через эту засушливую область, я размышлял над своими недавними приключениями.

Амма жила в простой деревне неподалеку от Джилалламури, с мужем и шестью детьми. Она привлекала еще большую толпу людей, чем Саи Баба в Прашанти Нилаям. Как и о Саи Бабе, про нее говорили, что она может лечить и решать проблемы. Но людей, которые приезжали туда, трижды в день кормили бесплатно роскошным пиром.

Утром и вечером она читала лекции, облаченная в яркое шелковое одеяние, корону и украшения, как Деви. А в другое время она носила простое сари и выполняла свои обязанности по дому. Она жила с семьей в простом четырехкомнатном доме. На дворе она построила просторный зал для паломников. Было несложно получить ее аудиенцию, и это было еще проще для меня, потому что я пришел в одежде садху и меня послал Саи Баба.

Я нашел ее в кухне, она готовила для своей семьи. Она была пухлой, приветливой женщиной с большой точкой синдур на лбу, и любой подумал бы, что она обычная индийская домохозяйка. Она сначала накормила меня, а затем мы поговорили.

Я сказал ей, что ищу того, кто мог бы показать мне высший уровень духовного осознания, и что меня не удовлетворило то, что я видел у Саи Бабы. Она сразу же сказала: «О, тогда тебе надо пойти к Бала Йоги». Бала Йоги – это мистик-аскет, который живет недалеко от Джилалламури.

«Да, я схожу туда к нему» — ответил я, «но я вижу, что вы также очень возвышенная личность. Мне очень нравится ваша простота, практичность и особенно, ваше благотворительное отношение к другим».

Она немигая посмотрела на меня некоторое время, а затем сказала: «Но я не могу помочь тебе. Твоя проблема в том, что у тебя очень сильное желание стать Богом. Но это невозможно. Бог

всегда Бог. А мы точно маленькие капли, которые выпали из большого горшка йогурта. Мы не можем претендовать, что мы – весь горшок, хотя постоянно некоторые люди говорят так. Саи Баба говорит, что он – весь горшок. Но все это из прошлой жизни. Он остался с какими-то силами. Вообще-то, я не люблю критиковать».

В этот момент зашел мужчина. Амма встала из-за стола, где мы сидели, и прикоснулась к его стопам. Она представила его мне, это был ее муж. Сказав ему, что она отвлечется еще на несколько минут, она опять повернулась ко мне.

Я сказал ей, что Саи Баба сказал, что я стану враждебно относиться к нему, когда найду то, что ищу. Она заметила: «Я также вижу многое, но я держу это при себе». Я спросил ее, что она имеет в виду под «полным горшком йогурта», и она объяснила, что это совокупность всего, в которой мы всего лишь крохотные частицы. Мы можем осознать это полное целое только через преданность – сказала она, под преданностью она подразумевала служение семье, детям и ближнему.

Она помолчала, заметив мой скептицизм. Я сказал, что уже слышал это раньше. «Я более менее интеллектуально могу понять то, о чем вы говорите, но я думаю, что действительно осознать это единство, о котором говорят так многие гуру и аватары, не только вы, гораздо труднее, чем это считается. Поэтому я ищу учителя, который смог бы показать мне эту истину, о которой Вы говорите».

«Вот поэтому я говорю, что тебе надо к Бала Йоги» — сказала она в заключение. «Здесь ты не найдешь того, чего хочешь». Она закрыла глаза, так, как будто медитировала на какое-то внутренний образ – «будь чистым внутри и снаружи. Это единственный путь всегда чувствовать присутствие Бога во всем». Получив ее благословение, я ушел. Эта женщина гораздо больше произвела на меня впечатление, чем Саи Баба, но эта встреча с ней ничего не дала моему растущему желанию самому почувствовать трансцендентное. Я спросил на улице, как пройти в Муммувиварам, деревню Бала Йоги. Я попросил милостыню и сел в автобус.

Бала Йоги (маленький йоги) – отрекся от дома, когда ему было всего шесть лет. Он пришел в Муммувиварам и сел там на землю, медитируя, и больше никогда не двигался с этого места. Говорили, что он не ест и не опорожняет кишечник и мочевой пузырь с тех пор. К тому же с ним постоянно была змея – кобра. Вокруг Бала Йоги верующие построили дом, и деревенские люди получали хорошую прибыль от паломников, которые приезжали туда. Но он оставался отчужденным от всего этого внимания.

Его можно было увидеть только в течение нескольких дней в месяц. Во время этого периода огромное количество людей приезжало в Муммувиварам на даршан. Так случилось, что я приехал туда как раз в этот период. Очередь на даршан была очень длинная, и я подумал, что придется стоять дня два, чтобы увидеть Бала Йоги. Я приуныл и решил идти дальше.

Но когда я смотрел на обстановку на расстоянии, меня окликнул какой-то человек. Он был послан министром правительства, который заметил меня. Министр, решив по моей одежде, что я пришел из Северной Индии, пригласил меня на особый даршан.

Говорили, что Бала Йоги пятьдесят лет, но выглядел он лет на тридцать, у него была спутанная борода молодого человека и длинные спутанные волосы на голове. Его ногти на руках и ногах были очень длинными и кривыми. Он сидел пристально глядя в позу полулотоса, а за ним стояла большая статуя кобры из обожженной глины, капюшон которой парил над его головой, как зонтик.

Перед ним быстро проходили паломники. Не было времени на что-то, кроме быстрого взгляда. Я вошел с министром и еще одним важным человеком, которые захотели лично поговорить с йогом. Они остановили процессию паломников и объявили их желание обсудить усовершенствования размещения паломников. Бала Йоги просто бессвязно закричал на них, и этот крик был в точь-в-точь как крик капризного ребенка в приступе раздражения. Министр и его друзья быстро удалились, и процессия возобновилась. Служитель попросил меня уйти.

Я вышел и остановился возле магазина безалкогольных напитков. На задней стене были развешаны фотографии Бала Йоги. Я вступил в беседу с человеком за прилавком и спросил, есть ли где-то неподалеку кто-нибудь из родственников Бала Йоги. «У него трое братьев», ответил он, «один из них его не любит, а двое других члены комиссии, которая организует обслуживание паломников в городе».

Я спросил адрес того брата, который отверг Бала Йоги. Он жил в окрестностях Муммувиварам, в районе семейной резиденции. Я отправился туда и увидел пожилого человека, отошедшего от активной жизни.

На вопрос о его брате он ответил: «Одним прекрасным утром мальчик ушел из дома. Он дошел до того места, где сидит и сейчас. Он не ел, и с ним была эта кобра, которая всех отпугивала от него. Родственникам приходилось приходиться и на расстоянии хлопать в ладоши, чтобы он отослал кобру, и мы могли поговорить с ним. Мы делали все, что могли, но он не вернулся домой. Потом стали приходиться все эти люди».

«Какова же его цель?» — спросил я.

Он пожал плечами. «Его цель знает только он сам. Все, что я знаю — что он не любит людей. Он остается здесь, потому что семья умоляет его не уходить. Понимаете, ему было всего шесть лет, и естественно, отец и мать боялись его потерять. Но он никогда о них не беспокоился — о собственных родителях! Тем более его не волнуют все эти люди, которые приходят сюда поклоняться ему».

Тогда я спросил: «А как вы относитесь к этим людям, которые говорят, что он — Бог или аватара?». Он многозначительно сказал: «Если даже у человека три жены, это еще не означает, что он Дашаратха». Потом он объяснил, что у его отца было три жены, как у Царя Дашаратхи. Царь Дашаратха был отцом Господа Рамы. «У моего отца было три жены, как у Дашаратхи, и у него было четыре сына, как у Дашаратхи. Но это не означает, что один сын должен быть Рамой».

Мне кажется, Бала Йоги нужно было сидеть в одном месте чтобы поддерживать свои способности. А также был секрет о его

связи с коброй, который я позже понял в Гималаях. И хотя молва говорила, что он Бог, Бала Йоги сам никогда не делал таких заявлений. Тем не менее, не похоже было, что его волнует, что его преданные думают о нем.

Попрошавшись с братом йога, я вышел и сел под деревом, чтобы все обдумать. Оставив мою мирскую жизнь, я претендовал на то, чтобы стать квалифицированным духовным учителем, но я знал, что мне нужно обучение. Я познакомился с тремя хорошо известными учителями, про которых говорили, что они высоко продвинуты. Но Саи Баба оказался мне не более чем карикатурой. Амма была достойной похвалы за ее простоту и преданность долгу, но она не могла помочь мне в моем поиске, по крайней мере она честно это признала. Но этот Бала Йоги был похож на мрачного человеконенавистника, который просто насмеялся над тем, кто припадал к его стопам.

Обдумав это, я засмеялся над своим бесполезным поиском, каким он оказался.

Но я искал всего лишь десять дней. Я не мог так быстро потерять надежду, что где-то есть настоящий учитель, который действительно может помочь мне.

Я решил отправиться в Гималаи.

Глава IX

СЕВЕР

(набросок)

Девапраяг – после Ришикеша первый пункт остановки по пути в Бадринатх. Ади Шанкара установил там мурти Рамачандры. Рама совершил ягью на слиянии, и потомки тех священников до сих пор живут там в деревне. 120 семей брахманов. Некоторые пришли из Андхра Прадеша. Теперь все они говорят на Гхарвали. 6 месяцев они ездят по разным местам церемоний – жертвоприношений предкам и богам. Некоторые получили образование и работают. Но в настоящее время тенденция такова,

что один сын должен быть конторским служащим. Много гор с садху и йогами. Военная дорога.

После Джиллиламури я отправился в Дели. Там был 2 недели. Ничего особого не случилось. Затем набрал денег на билет у начальника станции в Дели на поездку в Хришикеш. В Ришикеше пошел к Ашраму Шивананды – Общество Божественной жизни.

Шивананда написал в своей книге: «Риши зовут нас, в этот день, начать с Хришикеша, центра мудрецов. Приходите – медитируйте в горах, совершайте омовение в Ганге, любуйтесь на священные вершины» и прочая ерунда в таком духе.

Я пришел в Общество Божественной Жизни. Зашел в приемную. «Я хочу остановиться на несколько дней». Они дали мне три дня, каждый день 3 раза бесплатно кормили в столовой. Осмотрелся, увидел кухню, занятый офис, печатные издания, четыре лекции в день по медитации. По вечерам – Сат-санг. Все свами приходили на эту программу. Должны были ходить все. Кришнананда, глава организации, Премананда, управляющий ашрамом, Шанкарананда, философ, Бхувананда, Девананда.

Шанкарананда читал лекцию по Кенотанишадам, утром и вечером. Встретившись с Шанкаранандой я стал задавать вопросы.

Третий день. Я попросил продления, они дали мне еще 3 дня. На второй день я встретился с Гьянанандой, который всегда сидел рядом с храмом и Нам Мандиром. Он медитировал и читал у лестницы, ведущей в храм. Хранил книги и маленькую печатную машинку под баньяновым деревом. Я спросил его, почему он всегда сидит здесь, в этом беспокойном месте, где все время ходят люди, беспокоят громкими разговорами. Он вышел на пенсию, работая в полиции, и отдал Шивананде все, что скопил за жизнь. Его деньги использовали на строительство лестницы и посадку деревьев вокруг храма. Поэтому он сидит здесь. Кажется нелепым, я стал задавать вопросы, он назвал меня спорщиком.

Шанкарананда говорил со мной о ясновидении и как это мешает, и как он всегда сходит с ума от этого сам. Он посоветовал мне медитировать и занимать чувства активной деятельностью и не быть ленивым. «Мы рядом с Гималаями, где присутствует

много людей, которые занимаются йогой и медитацией, и некоторые из них используют неофитов для медитации ради их личных целей. Они могут вести умы и уводить их с истинного пути. Человек должен быть очень осторожным чтобы не соскользнуть на ментальный план. Выбери свой путь – мантра, аскетизм, упражнения – выбери путь, подходящий тебе. Означает – найди гуру. Я спросил, может мне выбрать Вас. Я слишком занят. Пишу, лекции читаю, сабджи режу два часа в день. Но поговори с Преманандой. Отшутился. Длинная борода, волосы, большая улыбка, сияющие одежды, сказал Шивананде устроить Бхарата Садху Самадж, на 7000 участников, но настоящие садху отказались участвовать. Шивананда не хотел создавать организацию, он лишь хотел получить список настоящих садху, чтобы отделить криминальные элементы, так как многие преступники становятся садху.

А как насчет меня, сказал я, ты же садху, помоги. Он сказал, ты молод, тебе надо познакомиться с разными йогой, группами. Ты был в Бадринатхе? Нет. «Побывай там. Когда вернешься, будешь садху, даже если не хочешь – вот так я стал садху». Я сказал, но я думаю, мне нужен учитель. Я уже с ума схожу, у меня голова скоро взорвется. Он сказал, вот в чем все дело, парень. Медитация означает смотреть в лицо этой музыке, терпеть ее, и когда наконец ты достигнешь точки, когда все эти проблемы не будут беспокоить тебя, то ты останься там, это твой путь. Но здесь у вас же есть эта организация. Шивананда написал в книгах, что все уже есть здесь – организация, пища, место где жить, лекции, общение – не нужно бродить вокруг и есть сухие листья. Премананда сказал, Да, когда-то это было так. Но сейчас все слишком формализовалось. Если узнают, что я говорил с тобой 45 минут, мне будет выговор за невыполнение работы. Раньше Шивананда часами проповедовал молодым садху, но сейчас нам дали расписание, которому мы обязаны следовать. У меня есть график. Кроме того, даже если ты останешься здесь, тут у тебя не будет будущего. Все должности уже заняты, и они не хотят новых людей. Похоже, ты искренний парень – поэтому просто иди: Дева Прайаг, Васиштха Гуфа, Рудра Прайаг, и т.п. Потрать четверть

своей жизни на эти путешествия. Нигде не задерживайся. Когда ты пройдешь через это, ты будешь созревшим фруктом.

Шивананда, врач из Малайзии, который открыл больницу на пути садху, и она стала большой организацией йоги.

Пятый день. Я пришел в зал столовой. Бхувананда встретил меня там и сказал, что меня хочет видеть Глава организации. По дороге я встретился с одноглазым ванапрастхой из Гуджарата, с бородой и спутанными волосами. Он обычно говорил со мной перед едой, рассказывая как много молодых людей сбегает из дома и отправляется в Гималаи, но они не находят там то, что ищут. Он пришел сюда, когда ему было 20, сейчас ему 42. «Я не нашел здесь ничего, кроме бесплатной еды. И так, стоя у меня на пути, он сказал: «Теперь твое время кончилось, он скажет тебе, что ты должен уйти из ашрама. Вот зачем он позвал тебя. Двадцать лет назад он так же позвал меня». Что же делать? «Просто посмотри на другой берег» — там много зданий и башен – «все это ашрамы. Ты здесь, потому что ты из Тамил Наду и читал о Шивананде. Но такое же ложное руководство, что ты найдешь здесь, ты можешь получить и в других местах». Он был безнадежен.

Кришнананда. Поклонившись, сел и сказал Хари Ом. Он посмотрел на меня как русский чиновник. Мне показалось, что у него погоны со звездочками. Он сказал: «Что это такое – три дня, потом шесть дней, потом ты еще больше захочешь? Ты думаешь, это дхармашала? Это место предназначено для серьезных людей, которые следуют садхане». Я рассказал о себе. «Да, я готов следовать садхане, которую вы дадите мне. Я читал книги Шивананды, мне нравится. Я пришел сюда только ради духовной жизни. У меня была хорошая работа в «ТВС», но я оставил все ради того, чтобы найти Бога. Пожалуйста, примите меня. Я буду делать все что угодно. Я могу работать в офисе. Любое служение». Он сказал: «О, ты работал в «ТВС»? Может, тебе стоит вернуться туда?» — Нет, я не хочу снова возвращаться к той жизни. «Ты думаешь, что здесь место для тех, кто бросил работу?» Но Шивананда пригласил нас в своих книгах: изучайте Веды, Йога Веданта академия, и вот я здесь. Я молод, готов служить, просто примите меня и сделайте из меня то, что хотите. «Возвращайся в

«ТВС»! С сегодняшнего дня тебя больше не будут здесь кормить. Уходи!» Свамиджи, поручите мне какую-нибудь работу здесь, я буду есть всего раз в день, я просто буду общаться с вами, это очистит меня. «Ты просто говоришь и говоришь. Я больше не желаю тебя видеть здесь! Я уже сказал столовой, они больше не будут кормить тебя! Твое время уже истекло! Теперь уходи!» Вошла богатая семья. Его лицо изменилось, и он сказал им, это место – прибежище, наговорил им всяких лестных слов, они дали чек, он приподнял одежду, чтобы они могли прикоснуться к его стопам. Я ушел.

Одноглазый человек сидел и разговаривал с другим пожилым человеком, у которого была слоновая болезнь. Я сел между ними. Одноглазый спросил, Ну, что сказал Каннада? Он не хочет принимать Тамильцев, я знаю. Я знаю, он ничего не сказал про Тамилнаду или Каннаду, но он никого оттуда не примет. Это потому что он видит, что ты разумный. Если ты здесь останешься, то может через 5-6 лет будешь сидеть на его месте. Он не хочет, чтобы люди росли. Поэтому я ушел из железнодорожной компании. Они не давали мне возможности развиваться. И здесь то же самое. Иди в Парамартха Никетан, Гита Бхаван, есть много ашрамов. Все же, чего ты именно хочешь? Ты хочешь прожить здесь всю жизнь, чтобы не вкалывать, да? (ха ха ха). Нет, дело не в том, чтобы не работать, а в том, какая именно работа. Я хочу духовную работу. Он сказал, работа и духовность? Этого просто нет. Духовность означает, что ты учишь других, что делать. Оглянись вокруг, разве это не так? И когда ты пройдешь все, зайди снова ко мне. Ты всегда можешь найти меня в столовой во время обеда, потому что Шивананда оставил письменное указание, что пока я жив, я могу здесь есть.

Чтобы перебраться через Гангу там не было моста, только лодки. Я отправился в Парамартха Никетана. Там я мог питаться 3 раза в день. Я жил на берегу Ганги в хижине, там есть такие домики для садху. Без кровати, если вы ее с собой не привезли. Конечно, комары и другие букашки, но это часть жизни садху. Принимал омовение в Ганге каждый день, повторял Вишну Сахасра Наму после омовения. И одиннадцатую главу Гиты. Я

думал, что река это Кришна, горы это Кришна. Размышлял о брахмане. Изучал философию адвайты в библиотеке и ходил на лекции. Лекций было много. Здесь я все больше и больше увлекался адвайтой. Кроме омовения и принятия пищи, я все время ходил. Меня прозвали гуляющим Мадрасиваллой. Я изучил всю местность, видел йогов, ашрамы.

Потом я отправился в Гита Бхаван. Приехал один великий йог, который тоже остановился там. Я жил на веранде. Вокруг на стенах были написаны стихи из писаний, я спал под стихом «анта кала ча мам эва смарам юкта калеварам». Этот йог повсюду читал лекции – Гита Бхаван, Парамартха Никетан, Ашрам Шивананды. От него я научился делать тротак – медитация на яркое сияние, на луну и солнце. Я стал заниматься этим. Он заметил меня на своих лекциях. Он позвал меня в его комнату, я рассказал ему мою историю. Он сказал мне заниматься кундалини йогой. Он дал мне схему и книгу. На схеме были мандалы. Он сказал мне сесть в позу лотоса, дотронулся до моего пупка безымянным пальцем, сказал задержать дыхание. В течение 15 минут ничего не произошло. Затем я впал в бессознательное состояние, осознавая только что я существую, и больше ничего. Когда я пришел в себя его не было в комнате. Прошло 2 часа. Я чувствовал себя воодушевленным и очищенным. Я вышел, он читал лекцию, объясняя все в свете йоги. Он высмеял тех, кто говорит, что йога не для нашего века, и рассказал про многих святых людей в терминологии Кундалини. Он сказал, шакти Шивананды берет начало в Артхе, поэтому он занимался социальной работой, а кто-то еще поднялся до Свадхистаны, поэтому он пишет книги и т.п. У него был свой ашрам в Мт.Абу. Там у него есть пещера. Мт.Абу находится в Раджастане, парень. Он показал мне йони мудру, чтобы нагревать тело при помощи пранаямы, когда холодно. Я продолжал переезжать из ашрама в ашрам, 24 ашрама.

Встретил «Вишвагуру Мунишанандаджи Махараджа». Он был большим пижоном. В соответствующее время я прибежал к Кришнананде, который шел вместе с двумя другими санньяси. «Ты до сих пор здесь?» Ага. «А где ты живешь?» Я сказал, что переезжаю из ашрама в ашрам, по 3 дня в каждом. «Иди в «ТВС»,

как я тебе уже говорил! Ты просто тратишь свою ЖИЗНЬ и здоровье, глупец!»

Пришел к Мунишанандаджи, полно народу, в основном садху, главный садху из другого ашрама. Кроме Шивананды, все были там.

На Кумбха меле в 1977 ИСККОН располагался рядом с Муниш. Там врубили громкоговорители во время лекции Шрилы Прабхупады, и Шрила Прабхупада попросил меня передать им, чтобы уменьшили звук. Я пошел прямо к Мунишман. «Мой гурудев читает лекцию, а тут такой шум с этими усилителями». Он сказал, «Кто вообще врубил эти усилители? Здесь всего два с половиной человека. Отругал менеджера. Выключи это. Бхактиведанта Свами читает лекцию!» Я сказал, «О, спасибо, вы очень добры. Может, помните, когда вы жили в таком-то ашраме, много лет назад в Ришикеше». Он сказал, о, да, тротак и йони мудра. В основном, там зародилась моя вера. А как твоя Кундалини? Ты все еще Айуч Кей, а? Я читал о твоих делах. Слышал, ты чуть не убил одного пижона? Ну ладно, парень, успокойся. Кальян хо (да пребудет с тобой благо). Я знаю Бхактиведанту Свами. Это великий человек. Когда вечерняя лекция? В шесть. Я приду. И пришел. Я поставил ему кресло на сцене.

Муниш похож на Канчи в Гуджарате, Раджастан, Пенджаб. Дхьян йоги, Адвайти. Показывал Удьяна Бандху. Двигал животом. Делал это во время лекции. Я подошел к нему после, попросил остаться в его ашраме. Я увидел, что он читает лекции в ашраме. Он спросил, что ты практиковал раньше, похудевший? Я ответил, йони мудру и тротак. Он засмеялся. Парень, это не практика. Ты медитируешь? Да. И как? На Гангу, ее цикл, выходит из океана и возвращается в океан. Ганга не из океана. Ганга из стопы Вишну, парень! Извините, я этого не знал. Я хочу остаться здесь и изучить все это от вас. Ты видел мою демонстрацию? Да, но я думаю, я так никогда не смогу. И я не хочу этого. Мне понравились ваши слова о том, что все это относится только к телу. Да, конечно, ты должен делать дхьяну, но ты должен на чем-то одном сосредоточиться. Я уезжаю на два месяца, но если ты будешь еще здесь, когда я

вернусь, я тебе помогу. Но ты должен ходить на наши молитвы о мире во всем мире дважды в день. Они повторяют ВИШВА КИ! КАЛЪЯНА ХО! Это очистит твое сердце, и делай свою пранаяму и тротак. Три дня он жил там, и пригласил меня на его личный сеанс медитации с четырьмя учениками. Мы закрыли глаза. Через какое-то время я приоткрыл глаза и стал прищурившись подсматривать за тем, что происходит. Его ученики также подсматривали. Но он глубоко сосредоточился на этом. Он говорил на четырех языках, цитировал санскрит как сумасшедший, и все это самоучкой (опять из прошлой жизни).

«Стрелой ОМ вы должны поразить пранаву (дыхание) и убить ум» (его лозунг)

(Следующее может быть ответом на мои сомнения). Он сказал мне, «Смотри, парень, ты в любом случае не получишь в Гималаях духовную жизнь»? Как? «Иди в Нилакантха Махадава. Ты сам поймешь, что означает духовная жизнь в Гималаях. Он сказал, ты в любом случае поймешь, чего стоит начать собственную пантху». Я не хочу этим заниматься. Ну, здесь тебе не стоит это делать.

Шивананда создал Чидананду (который был его преемником в организации), затем Вишнудевананда, Шачидананда, Чимайананда были изначально учениками Шивананды, Шив дал ему санньясу, но хотел чтобы он не желал славы. «Пока ты хочешь славы, изучение Упанишад подобно тому, чтобы давать нож обезьяне». Но он решил пойти собственным путем, закончив с Бирлами и став знаменитым.

Давать, любить, служить, очищаться и осознавать.

Но многие его ученики не хотели делать первые три, отделились и организовали свои собственные общества. Некоторые упомянуты ниже.

Когда Шивананда был болен, сидел в инвалидной коляске, Саи Баба приехал на север вместе с Вице-Президентом Индии. Это было как раз перед смертью Шивананды. Саи Баба посетил ашрам, и Шивананда выразил почтение, Саи Баба благословил его. Все в ашраме были разочарованы. Особенно Шанкарананда, который был человеком из Телугу, его попросили координировать визит

Саи. Обычно Майавади выражают почтение друг другу, но никто не дает благословений, потому что они все Нараяна. Саи сделал четки Рудракша, и Шив повесил их на шею, и взял пепел из руки Саи Бабы. Во время прогулки Шанкара сказал Саи Бабе, что будет вежливей, если вы будете выражать почтение тем, кто старше, кто фактически Шива (Саи Бабе тогда не было даже 30 лет). Саи Баба сказал ему: «Я пурна-аватара. Скажи мне, чего ты хочешь, и я дам это тебе». Зачем я буду просить тебя, я могу везде найти Рудракшу. Нет, попроси у меня чего-нибудь. Тогда дай мне Рудравину. Он закрыл глаза и сказал, но сейчас на ней играют боги. Я не могу взять ее. Хорошо, ты же будешь здесь 3 дня, если ты дашь мне ее за это время, я поверю, что ты Пурна-аватара. Затем они прошлись вокруг ашрама. Тут и там он делал чудеса, дас одной старушке туфли и т.д. Шанкаранья пожаловался Шивананде, Шивананда сказал, что, в любом случае, он больше не хочет здесь оставаться. Через 3 дня он ушел. Был Б.Д.Джатти. На следующий день Саи Баба собрался и уехал.

Вскоре после этого двое садху пришли к Шивананде с тремя пачками новых 100-рупиевых банкнот. Саи дал их им, чтобы они могли построить Самадхи для их ушедшего гуру. Они спросили его, что им делать с этими деньгами. Он сказал, потратьте их до того, как они исчезнут. Они пошли тратить. Когда человек из компании, торгующей строительными материалами, узнал, что эти деньги дал Саи, он попросил своего друга из полиции проверить их. Он связался с сотрудником банка. И тот сказал, глядя на номера, подождите немного, здесь есть что-то странное, и позвонил в Дели. Резервный банк сказал, да, мы только что выпустили эту серию, но они пока не пущены в оборот. О, посмотрите, какие-то люди выбегают из нашего хранилища! Менеджер банка взял деньги из хранилища и отослал эти банкноты обратно.

Я пошел с Шанкаранандой (философом Шиванандой) в город. На фруктовый базар. Рано утром, в 7 часов. Он спросил меня о моем «опыте». Я спросил, что ты хочешь купить на рынке? Он сказал, я хочу 2 яблока купить. Сколько-сколько? 2-3. Три яблока будут у твоих ног. Как раз в этот момент, на дороге

фруктовая телега столкнулась с проезжающим рикшей. Кое-какие фрукты выпали, и три яблока покатались по немного наклонной дороге к его ногам. Он поднял их, дал деньги. Когда мы шли обратно, он заметил: «Это означает, что у тебя все еще проблемы». Да, а что мне делать? Ты должен избавиться от этого и начать что-нибудь серьезное. Мунишананда сказал, что я должен пойти в Нилакантху Махадева, но мне все говорят, что там сейчас слишком холодно (3 месяца). Нет, просто иди сейчас. И когда придешь туда, поднимись еще на 4 километра, там увидишь пещеры, йоги там, найди это. Если будет возможно, останься там.

Также я был в ашраме одного Прем Бабы. Огненная кунда, в середине трезубец. Иностранцы там были только с Прем Бабой, да и сам он казался иностранцем (Гуджарати). Итальянская и австралийская пара. Прем Баба, вы знаете, обычно садху носит прическу, состоящую из многочисленных коротких косичек. Один парень играл на инструменте, называемом ганджира, звуки очень странные (иностранцы бы сказали «психоделические»). Стемнело, зажгли огонь, Прем Баба начал курить кальян. БУМ БУМ БОЛОНАТ БУМ БУМ БОЛЕ. Каждый прикасался к голове и затем курил. Я прикоснулся к голове, но курение пропустил. Дама, сидящая за мной, сказала: «Нет, нет. Вы должны попробовать аромат кальяна». Но я этим не занимаюсь. Давай, нет проблем, просто попробуй. Так мы говорили, пока не закашлялись. На следующее утро совершил омовение, два раза прочитал Вишну Сахасра Наму. Потом встретил двух девушек на рынке, на рикше. Итальянки, похожие на скелеты, спрынули с экипажа и сказали: «Пожалуйста, приходи еще, зайди к гуру!» Я сказал, нет, извините, у меня другой путь. Я попробовал объяснить им, что наркотики – это плохо. Итальянка подняла свои тощие руки. «Смотри, у меня нет ничего. Больше не беспокоюсь. Я умру, стану ОМ».

Глава X БЛУЖДАЮЩИЙ, ОЗАДАЧЕННЫЙ

В 5:30 утра я стал подниматься по длинному пути от Ришикеша по зеленым гималайским предгорьям. Меня приветствовали люди, рубившие лес, они спросили, куда я иду. Я сказал, в Нилаканда Махадева. Они посмеялись: «Через час ты вернешься назад, ПАРЕНЬ!» Нет, я иду вверх. Слушай, парень, если ты только не личный спутник Господа Шивы, то тебе лучше об этом и не думать. Я продолжал путь. Вскоре мой путь преградили поваленные деревья. Я свернул в сторону. Пришлось карабкаться по большим камням. Испугался. Удивился, неужели придется вернуться, как сказал тот человек. Наконец я добрался до места, где я мог отдохнуть, настолько вымотанным, что тут же заснул и проснулся только во второй половине дня. Ничего не ел. Встал и пошел дальше.

Наконец, я добрался до небольшой поляны, на указателе было написано Нилаканда Махадева, это указывало на место, где горный поток пролился на Шива-лингу. Возле этого были выстроены две деревянные хижины для паломников. Кроме леса, усыпанного скалами, круто поднимающегося вверх, не было заметно ничего другого. Я сел, чтобы медитировать. Вскоре на горы спустились темнота и холод. И я зашел в домик, где я поспал с перерывами. Я чувствовал присутствие большого количества духов.

Дневной свет осветил горные вершины. Я снова двинулся в путь, восходя все выше и выше по очень скалистой местности. Пройдя несколько километров, большой камень преградил мой путь. Поток камней обрушился в долину с этим валуном, и мне пришлось приложить много усилий, чтобы найти дорогу дальше. На другой стороне маленький мальчик и девочка, едва ли десяти лет, пасли небольшое стадо коз. Они были очень грязные, в ушах были странные сережки, казалось, сделанные из кожи. Когда они заметили меня, они побежали в мою сторону, крича и бросая камни.

В скале справа от меня зиял вход в пещеру. Я забрался внутрь, чтобы меня не задела камни. Пещера оказалась большой, и она освещалась костром, мерцавшим посреди пола. Перед огнем сидел бородатый йог, его жилистое тело было совершенно неподвижно в позе падмасаны, позе медитации. Его длинные седые волосы были спутаны и свернуты в большой пучок на верхушке головы. Ногти на пальцах отрасли даже длинней чем у Бала Йоги. Его старое жесткое лицо, освещенное оранжевым отблеском, было наклонено к огню, глаза неподвижные и широко раскрыты. Возле него лежала чинда (йоговские щипцы для вынимания раскаленных углей) и большая куча дров.

Дети не осмелились войти в пещеру. Я сел возле йога, но он меня не заметил. По его виду было понятно, что он в глубоком трансе. Я заметил маленький металлический сундучок, спрятанный в неглубокую нишу в стене пещеры. Через несколько минут сидения и молчания, мое любопытство одержало верх надо мной. Я подошел к сундучку, присел и открыл его. Там были только письма, около ста писем в конвертах. Просматривая эту стопку, я увидел некоторые из них датированы еще до объявления независимости Индии. Внизу были письма с марками 1880-х годов. Все были отправлены из Миирут, конверты адресованы Свами Трилокешварананде Йоги через почту Ришикеша. Самые старые письма начинались «Дорогой Шармаджи», более поздние «Уважаемый Свами Махараджа». Я посмотрел на йога, все еще застывшего в медитации. Кто этот Шармаджи? Неужели он здесь уже девяносто лет?

Закрыв сундук, я встал и немного прошелся. Пещера была размером примерно с кинотеатр. В конце она сужалась в нишу высотой в два человеческих роста. Наверху этой ниши был туннель, ведущий прямо вверх, в гору. Насколько далеко он простирался я не знаю, там была темнота, черная, как смоль.

Примерно через полчаса в пещеру вошла женщина, жительница гор. Она принесла грубую деревянную миску с козьим молоком. У нее были такие же серьги, как у детей. Я попробовал заговорить с ней, но она прервала меня холодным взглядом, а затем совсем не обращала на меня внимания. Она стояла на

почтительном расстоянии от йога, глядя в пол, молча ожидая. Прошло несколько минут, пока он постепенно вышел из транса. Когда он поблагодарил ее, кивнув головой, она быстро подошла, поставив миску перед ним. Так же быстро она снова отошла обратно. Он вылил молоко в огонь и взял немного пепла из костра. Когда она забирала миску, она протянула правую руку, и йог уронил пепел в ее ладонь. Она поклонилась и поспешила уйти.

Я предложил пранаму и упал перед ним на колени. «Свамиджи...» — начал я. Он резко прервал меня. «Что ты делаешь здесь?»

«Я пришел к вам на даршан», сказал я смиренно.

«Что ты от меня хочешь?»

«Я всего лишь садхака. Я пришел в надежде научиться йоге у вас».

Он задрожал от раздражения. «Ты не учиться сюда пришел. Это не школа йоги. Почему ты не пошел вниз, в Ришикеш, там поселился бы в ашраме и научился упражнением?»

«Я был там. Меня сюда отправили Мунишананда и Шанкарананда».

«Тьфу! Сколько раз я должен говорить этим дуракам, чтобы больше наверх никого не отправляли?»

«Пожалуйста, позвольте мне служить вам!»

«Как служить? Я смотрю в огонь. Для этого мне не требуется твоя помощь».

Я настаивал, отчаянно пытаюсь не рассердить его. Я несколько не сомневался, что если он меня проклянет, у меня будут большие проблемы. «Свамиджи, смилуйтесь надо мной. Мне нужны наставления в духовной жизни. Я пришел сюда из южной Индии. Пожалуйста, помогите мне».

«Какой садхане ты следуешь?»

«Я повторяю Вишну-сахасра-наму каждый день и...»

«Это не место для тех, кто повторяет имя Вишну» — сказал он в завершение.

«Но что вы делаете, научите меня».

«То, что делаю я, ты никогда не сможешь делать. Вы, люди, живете на пище. А мы живем на садхане».

«Но вы же можете научить меня жить на садхане».

Йоги покачал головой и нахмурился. «Я не принимаю учеников. Но раз ты пришел, можешь остаться на одну ночь. Но не отвлекай меня. Я должен совершать свою медитацию». Он подбросил дров в огонь и сосредоточил на нем взгляд, больше не обращая на меня внимания.

Когда он сказал: «Вы, люди, живете на пище», я вспомнил, насколько я голоден. Я осмелился выглянуть наружу, дети уже ушли. Я нашел горную реку и наполнил свой живот его ледяной водой.

Примерно часа в два дня, та женщина вернулась, неся в двух мисках воду и муку. Она ждала, пока йог смешал муку и воду и замесил тесто, которое он разделил на два куска. Сплющив эти куски в лепешки между ладонями, он бросил их в огонь. Минуты две он дал им пошипеть, прежде чем достать почерневшие лепешки своей чиндой. Он встал, прошел в конец пещеры. Разделив хлеб пополам, он бросил кусок в туннель, и прокричал: «Возьми это, Ма». Кусок обратно не упал.

Он снова сел перед огнем и еще раз разделил половину лепешки, которую все еще держал в руке, пополам. Он протянул мне одну половину. Другая лепешка просто сгорела в огне полностью. Мы поели, на вкус это было как кусок угля с клейкой серединой. Закончив, он вытер руки пеплом и знаком показал мне сделать то же самое. Затем, как и перед этим, он дал женщине немного пепла. Она собрала свои миски и ушла. Он молча подбросил дров в огонь и снова вошел в транс.

Снаружи стемнело. Я повторил Тысячу Имен Вишну и лег спать. Несколько раз я просыпался от каких-то непонятных звуков, возгласов и криков, раздававшихся снаружи, каждый раз я вскакивал, но не видел ничего, кроме йога, пристально смотрящего в огонь. Утром, когда я поднялся, он все еще сидел в медитации. Я пошел к реке, чтобы омыться, а когда вернулся, увидел молодого джентельмена, одетого в пиджак, рубашку, галстук и брюки, который шел пешком из Нилаканда Махадева. В руке у него был портфель.

Даже если бы я увидел самого Шиву, который идет по этой дороге, я бы не был удивлен больше. Застыв, я следил за ним, пока он не подошел ближе, спотыкаясь на камнях вокруг большого валуна. Он поздоровался со мной с улыбкой и я спросил его, что он делает в горах.

Набрав воздуха, он сказал: «Я приехал из Меерута, к Свами Трилокешварананде. Мне нужно немного пепла для моей матери. Она заболела. А что вы здесь делаете?»

Мы разговаривали и вошли внутрь пещеры. Йог еще не вышел из своего транса, поэтому я попытался разузнать как можно больше у этого джентельмена про него и про «Свамиджи». Но он не так много знал о йоге, кроме того, что тот был его дальним родственником. Было ясно, что его семья не так много рассказала ему, кроме того, что он должен принести пепел. Они и раньше посылали его с той же целью.

Пока мы шептались у огня, медитация йога прервалась. Прежде чем молодой человек успел сказать хоть слово, йог разгневался: «Снова ты! Я говорил тебе в прошлый раз больше не приходите сюда».

Упав к стопам йога, джентельмен встал перед ним на колени, склонив голову и молитвенно сложив руки. «Махарадж, смилуйтесь над нами. Мама заболела».

«Зачем вы продолжаете писать мне письма?». Йог бросил на меня взгляд. «Ты читал эти письма?»

Я слишком смутился, чтобы ответить.

«Ну конечно, ты читал эти письма!» — закричал йог. Внезапно как проворный и шаловливый мальчик, он подпрыгнул, загоготал и затряс головой в разные стороны, пока его волосы не растрепались. Большой пучок волос развернулся и накрыл его тело, достигнув колен. «Каждый, кто приходит сюда, читает мои письма» — выкрикнул он. «Больше нечего делать дуракам». Он повернулся к своему посетителю из Меерута, который в страхе попятился. «Ну на этот раз возьми побольше пепла, чтобы больше не пришлось приходиться. И скажи своим, чтобы прекратили писанину».

Джентельмен благодарно кивнул и открыл свой портфель, вынимая оловянный контейнер. Йог схватил полные горсти пепла из очага и бесцеремонно высыпал их в контейнер, просыпав серый порошок пепла на одежду джентельмена. Когда контейнер наполнился с верхом, бедный парень закрыл его, снова положил в портфель и поклонившись снова, поспешно ретировался из пещеры.

Йог оживленно пошел в угол пещеры и взял посох (обоженную деревянную клюку). Он улыбнулся мне, как старому другу. «Давай пойдем пройдемся» — сказал он. «Я уже давно не был снаружи, представляешь».

Поразившись его внезапной смене настроения, я спросил — просто чтобы поддержать беседу — «А сколько дней прошло с тех пор, как вы выходили в последний раз?»

Он запрокинул голову и захохотал. «Дней? Ха! Уже тридцать лет прошло с тех пор, как я выходил из этой пещеры!». Мы вышли на свет солнца. Он глубоко вдохнул и удовлетворенно осмотрелся.

«Сваמידжи», спросил я, «А как вы получаете там письма?»

Он фыркнул. «Раз или два в год начальник почтового отделения снаряжает сюда экспедицию из Ришикеша с письмами для меня. Я здесь единственный, кто получает письма». Он указал своим посохом на долину, где дорожка вилась по горам и пропадала вдалеке. «Выше моей пещеры еще шестьдесят пещер. Я здесь новичок. Эти верхние садху используют меня в качестве связи с внешним миром. Я единственный, кто ест. Раз в несколько дней, немного горелого теста. А они живут только воздухом. Один раз в году они все спускаются в мою пещеру, шестьдесят садху-бабу сразу! Вот тебе наверное хотелось бы увидеть!»

«Да, я бы хотел. Я хочу прямо сейчас пойти туда и увидеть их», храбро сказал я. Тут у меня в желудке заурчало.

Он засмеялся, солнечный свет осветил глубокие складки на его лице. «О, голодный юноша! Если ты хочешь комфортной жизни с двухразовым питанием, и немного медитации, лучше тебе вернуться в Ришикеш».

Я уныло улыбнулся. «Свамиджи, моя проблема в том, что я не знаю, какой садхане следовать. Я повторяю Вишну-сахасранаму, делаю тротак, но я не знаю, что лучше для меня».

«Какова твоя цель? Это первое, что нужно решить».

«Ну... как сказали те свами в Ришикеше, моя цель – кевалананда, единство с Богом».

Он фыркнул и молчал. Мы подошли к реке, он сложенными ладонями плескал воду на свое почти обнаженное тело. Потом он встал прямо, запрокинул голову назад и стал смотреть на солнце, которое пересекало небо между гранитными вершинами, которые возвышались со всех сторон. Через минуту он посмотрел на меня и заговорил.

«Тебе нужно пойти в Бадринатх. Там ты узнаешь о кевалананде». Он снова фыркнул, что-то шепотом бормоча.

«Но я же здесь тоже могу научиться, о этих садху...» Он прервал меня саркастическим замечанием: «Даже если ты бросишься в их костер, они не станут относиться к тебе теплее».

«Вот вы сказали, что вы здесь новый человек. Сколько времени вам потребовалось, чтобы они приняли вас?»

«Если я скажу тебе, когда я пришел сюда, ты все равно мне не поверишь. Я здесь слишком долго. Сейчас обо мне знают слишком много людей. Эти люди из Меерута стали посылать мне письма только когда они узнали об этом месте. Раньше здесь было спокойно. Эх... я помню Ришикеш до того, как он стал модным. Этот Парамартханикетана Свами превратил его в аттракцион для туристов, когда основал здесь ашрам. Но до того Ришикеш был чистым местом».

Я вспомнил еще кое-что, что хотел спросить у него. «Свамиджи, скажите мне, а что случилось с тем хлебом, который вы бросили в туннель?»

«Ага. До того как я поселился в эту пещеру, там жил другой человек, и он поклонялся Матери Кали таким образом. Поэтому когда я пришел, я продолжил».

«Но что произошло с лепешкой, почему она не упала обратно?»

Он посмотрел на меня как на полного дурака. «Она приняла его, вот и все».

Когда мы шли обратно в пещеру, та женщина пришла со своими козами и двумя детьми. «Сегодня не приноси молока» — крикнул ей йог. Я попрощался с ним, решив спуститься в Ришикеш. Через несколько дней я пришел в ашрам Мунишананды. Затем я вышел в Харидвар.

Красивый город храмов и домиков сгруппировался там, где Ганга течет из горной области на равнины. Харидвар притягивает тучи индуистов и сикхов, паломников со всех концов Индии, которые приходят на церемонию заката в Хар Ки Пайри, священное место на западном берегу. Жертвенные светильники пускают плыть по реке, иногда их так много, что в течение получаса кажется, что с небес на землю низошла Акашганга (Небесная Ганга), и она принесла с собой звезды.

После церемонии Хар Ки Пайри берег реки и пешеходный мост, который вел на другой берег, кишели попрошайками, ворами, агентами по сдаче жилья, дельцы, шарлатаны, сутенеры – и стадом, которое они стригли. Как цинично сказал садху: «Те, кто смыли свои грехи омывшись в священных водах, бегут от Ганги чтобы совершать новые грехи, а те, кто еще не смыли свои грехи – спешат чтобы хорошенько запачкаться перед омовением».

Благодаря моей одежде садху, у меня не было проблем с ужином после окончания церемонии. Я просто встал на мосту, поджидая, когда какая-нибудь денежная душа придет, чтобы получить освобождение от своих грехов, накормив садху. Обычной пищей было молоко, пути и халва, которые продавали в любой лавке. Я обнаружил, что моих покровителей совсем нетрудно убедить, что я многообещающий святой. Некоторые были просто в отчаянии, готовые поверить во все что угодно, что может помочь им изменить их жизнь. В Харидваре я увидел исполнение предсказания Саи Бабы, что мы снова встретимся, и что я сам «стану Богом», когда мой покровитель приведет меня в собрание последователей Саи Бабы. Я снова сыграл те же спектакли, которым научился в Шанти Никетане, спел Читта Чора и другие песни, и мой мистический канал проделывал разные

фокусы с их умом. По толпе пронесся приглушенный ропот: «Баба здесь!». После ко мне подошел человек со слезами на лице. «Мне не довелось побывать в Путтапартхи, но увидев вас, я почувствовал, что Путтапартхи сам пришел ко мне». Я сказал ему, что не имею к этому месту никакого отношения.

«Да, это так, Свамиджи, потому что вы – махатма, всепроникающая душа. Вы находитесь в единстве со всем, включая Путтапартхи. Вы пребываете в Бабе, и Баба – в вас. Будьте с нами честны, Свамиджи. Вы – Бог. Зачем это скрывать?». Как и в Шанти Никетане, я колебался между идеализмом и умышленным жульничеством в моих отношениях с подобными людьми. В Харидваре таких людей было множество. Моя совесть говорила мне, что когда я был в бухгалтерии «ТВС» я мог украсть при помощи мошенничества огромные суммы, но это противоречит моим принципам. Так зачем же мне становиться обманщиком когда я уже принял духовный путь? Порочная часть моего ума ворчала: «Это люди хотят, чтобы их обманули. Если они не придут ко мне, то они пойдут к кому-то другому. Я хочу всего лишь заработать на жизнь, мне не нужны все их деньги. Если я смогу помочь им, увеличив их веру, то почему бы нет. В этом нет ничего плохого. Они несчастны».

Пожилая учительница, лет пятидесяти, позволила мне жить в школьном классе в течение недели, пока я находился в Харидваре. Мне показалось, что она благочестива и разумна, и я поделился с ней своей дилеммой. «Всего два месяца назад я ушел из «ТВС». В духовной жизни я всего лишь начинающий, но у меня иногда бывают видения. Люди думают, что это знак моей божественности. Но в действительности я не могу влиять на эти видения, это происходит не по моей воле. Все, что я сделал как садху – это пару недель прожил в Ришикеле. У меня даже нет гуру. Я всего лишь дурак».

Но она возразила: «Шивананда, Бхагат Сингх, Ауробиндо и многие другие шли тем же путем. Они были обычными людьми, которые споткнулись на существовании Бога. Вам просто нужно плыть по божественному потоку, куда он вас приведет, как эти лампы в Ганге, и это приведет к тому, что вы станете Богом».

Я попробовал найти смысл в ее совете. Но через несколько дней я узнал, что она поддерживает любовные отношения с гуру в Харидваре. Не говоря ей ни слова, я оставил эту комнату и отправился в храм Дакши Махадевы в Канкале, в четырех километрах отсюда. Там я познакомился с Анандамайи Ма, знаменитой йогини. Когда я увиделся с ней, она была больна и прикована к постели. За ней ухаживали ее юные ученицы.

Ей было около шестидесяти лет, волосы длинные и распущенные. Анандамайи Ма была одета в шафрановую одежду и сидела на кровати, застеленной шафрановой тканью. Несмотря на слабость, она продолжала принимать посетителей во второй половине дня. Я вошел вместе с одной парой иностранцев из Европы. Немного поговорив с ней, они ушли, и тогда она обратилась ко мне, сказав: «Ананд хо (да будет блаженство). Ты счастлив?»

«Нет», признался я.

«Счастье повсюду, так почему же ты не счастлив?»

Я сказал, «Может быть у вас есть счастье, матаджи, но на мою долю пока это не выпало».

Она сказала девушке, которая служила ей, пойти и принести мне поесть. «Дело в том», продолжала она, «что ты пытаешься обрести то, что не нужно. Ты ходишь туда-сюда, ищешь, ищешь. Но ананда уже находится прямо здесь, в сердце».

«Матушка», сказал я, «я начал с тантры. Это принесло мне множество проблем – видения и умственные нарушения. После этого я был сбит с толку сиддха-йогой. Потом я пошел к Ауробиндо». Она прервала меня, посмеиваясь. «Потом ты стал сумасшедшим. Ты бросил работу, поехал в Тирупати, ты даже поднимался в Нилаканду Махадева. И ты так продолжаешь уже довольно долго. Тебя интересуют сиддхи, особые способности. В предыдущей жизни у тебя они были, но сейчас их у тебя немного. И тебе нужно прекратить заниматься этой ерундой. Тогда ты найдешь свой настоящий путь к ананде».

«Матушка, пожалуйста, помогите мне избавиться от неправильных представлений о духовной жизни. Выведите меня на правильный путь. Мне нужно руководство».

Она вздохнула. «Ты говоришь это каждому йогу, с которым встречаешься. Руководств... Я никем не руковожу, никого не веду. Люди следуют за мной, но я не веду их. Они просто думают, что должны следовать. Но ты ищешь кого-то, кто бы вел тебя, убедил тебя – и спас. Все что я скажу тебе, это то, что ты спасешься через чистоту. Если ты забудешь об этом и будешь терять свое время на поиски кого-то могущественного, кто просто дотронется до твоей головы и избавит тебя от всех проблем, так что тебе ничего не придется делать самому, то тебя просто будут обманывать снова и снова. Но это ты уже знаешь. Люди приходят к тебе за благословениями, и ты знаешь, что это глупо. Так не приходи же ко мне за этим. Во всяком случае, то, что ты увидел, вызвало у тебя отвращение. Сааф нахи хе – так много как лидеров, так и последователей – нечисты. Аскетизм и чистота очищают путь к ананде. Теперь же, будь добр, спускайся вниз и поешь».

Я снова вернулся в Харидвар. Омываясь в Ганге, я однажды заметил бабу, которому уровень воды был выше носа. Он выполнял технику, называемую акамашана-джапа. Когда он повторял свою мантру, изо рта на поверхность воды поднимались пузыри, но его нос оставался погруженным в воду, он не выныривал, чтобы вдохнуть воздуха. Так продолжалось примерно полчаса.

Когда он вышел из воды, я спросил: «Свамиджи, какую мантру вы повторяете?»

«Мантру и гуру нужно держать в секрете» — сказал он, вытираясь гамчей.

«Но садху же должны учить других, разве не так? Я хотел бы научиться выполнять акамашана-джапу».

Он взглянул на меня и покачал головой. «Сколько всего ты хочешь делать? Ты повторяешь Вишну-сахасра наму, ты делаешь тротак, и ты думаешь, что если ты добавишь еще, ты больше получишь. Но чего именно ты хочешь получить больше? Свою цель ты даже сам не знаешь».

«Бабаджи Махараджа, мне нужен гуру. Почему бы вам не стать моим гуру? Похоже, вы знаете меня вдоль и поперек».

«Это еще одна твоя проблема. Ты думаешь, что если я или кто-то другой может понимать что-то в тебе, то мы должно быть, тебе гуру. Тебя привлекает нереальное. Тебе нужно прекратить всю эту ерунду и сосредоточиться на истине. Истинная мантра – это Бхагавад-гита, если ты способен понять ее и следовать этому».

«Но я же не могу быть довольным только этим».

«Эх! Ты что, думаешь, я доволен стоять под водой повторяя мою мантру? Если бы я был удовлетворен, я бы этим не занимался».

Мой мистический канал загудел. Внезапно я выпалил: «Свамиджи, вы повторяете Маха-мритья-джайа-мантру».

«Видишь?» — сказал он. «Теперь ты делаешь то же самое со мной. Поэтому нет ничего замечательного в том, чтобы заглянуть в чей-то ум».

«Я только что от Анандамайи Ма. Вы говорите мне то же самое, что и она».

Он в первый раз улыбнулся мне. «Мы здесь все на той же волне. Наши умы общаются на уровне, который находится за пределами грубых чувств, чем-то напоминает радио. Некоторые более могущественны, и они генерируют сигналы, как радиопередатчики. А все остальные – принимают их. Мы все получаем те же сообщения. Но эти сообщения, которые мы посылаем и принимаем – не наши. Это приходит свыше. Ты, ты всего лишь небольшая муха, прыгающая между нами. Ты ходишь вокруг, здесь получаешь опыт, там интуицию, но существует предел твоего участия в нашей сети.

Только искаженные сигналы исходят из твоей головы и попадают в нее – это все, что ты способен уловить. Ты не предназначен для таких игр. Ты должен избавиться от этого, насколько можешь. Иначе ты просто потеряешь свой разум, отдав его каким-то более мощным силам, и станешь их динамиком. Над всеми теми, кого ты здесь видел, не важно, насколько они велики, есть некто высший, от кого они получают свои силы, и он управляет этим».

«И как же я могу увидеть истину, когда все происходит так?»

«Ну, я всего лишь рассказываю тебе, что тут происходит. Будь очень осторожен, выбирая того, за кем следовать. Помни, в мире полно дураков, и дураки следуют за дураками. Глупый гуру будет популярен – потому что есть целый мир дураков к нему в ученики. А у мудреца будут ученики-мудрецы, потому что только мудрый пойдет за ним. Но истинного мудреца сложно найти».

Я прикоснулся к его стопам и он благословил меня. Потом он ушел.

Я вернулся в Ришикеш. Я пошел в Шринивас Мандир, филиал храма в Тирупати. Рядом с ним находится Андра Ашрам, где паломников кормят прасадом. Там я увидел садху с обритой головой с двенадцатью отметками тилаки Шри-вайшнавов на теле. Большинство садху в Ришикеше носят бороды и длинные волосы, и если у них вообще есть тилака, то это три линии Шивы.

Он был из Южной Индии, поэтому мы стали говорить на тамильском. Я сказал ему: «Я разочаровался, увидев что Ришикеш стал таким бесполезным местом для духовной жизни. Я ожидал увидеть великих садху, но большая часть тех, кого я видел всего лишь занимаются коммерцией. Если же я встречал великого йоги, он не хотел делиться ничем».

Он сказал: «Ты немного потерял. Даже если такой строгий йог примет тебя учеником, все, чему он может научить, это: «Ты сам – истина».

«Что вы имеете в виду?»

«Несмотря на то, что существуют разные практики и разные йоги, их философия одна и та же: «каждый – Бог, и просто нужно осознать себя, чтобы стать сознающим Бога». Шри Рамануджачарья пришел, чтобы опровергнуть эту идею. Он начал в одиночку противостоять всем, потому что в то время вся Индия верила, что человек является Богом. Даже родной брат Рамануджи, Говинда был таким же йогом, как те, кого можно встретить здесь. Он также думал, что сам станет Шивой. Но Рамануджа привел Говинду и многих других на верный путь. Он говорил о том же, о чем за много лет до этого говорили Альвары. Альвары были величайшими йогами. У них были настоящие силы, не просто дешевые фокусы, и их заключение было: канду конден нарайана

йеннум намам: «В конечном итоге я обнаружил, что имя Нараяны (Вишну) является высшей Истиной». Они довели йогу до ее наивысшего предела и поняли, что без бхакти, преданности Богу, нет пути стать удовлетворенным только в себе. Ты также не удовлетворен самим собой. Поэтому ты ищешь кого-то, кому посвятить себя, служить, принять прибежище».

Я был вынужден признать, что в этом он был прав. До этого я всегда чувствовал какое-то отчуждение от доктрины Шри-вайшнавов. Мне она казалась слишком ограниченной. Но сейчас я три часа слушал этого садху, и теперь я смог оценить большую часть того, что он говорил. Вайшnavы действительно понимают глубинные потребности души.

Я спросил его: «Зачем вы оказались здесь? Шри-вайшnavы живут на юге. Ни в Ришикеше, ни в Харидваре я не встретил ни одного садху, который бы следовал вашей традиции».

«Я пришел сюда ради уединения. Я не общаюсь с йогами. Я живу здесь, в Андхра Ашраме. Я изучаю книги Рамануджи и поклоняюсь Кришне, предлагая воду Ганги. Иногда я читаю лекции».

Тогда я решил спросить о том, что всегда беспокоило меня у вайшнавов. «Почему вы критикуете других? Существует много путей. Я думаю, человек должен найти свой собственный путь к истине. Если каждый учитель будет критиковать других учителей и говорить, что правильный путь только у него, думаю, люди потеряют веру и просто прекратят свои поиски».

«Но это не критика», сказал он. «Ты согласен, что ты запутался, встречаясь с таким количеством учителей. Я скажу тебе, почему ты запутался. Даже они говорят тебе, что чтобы развиваться, ты должен сосредоточиться на одном-единственном пути. Но ты не можешь найти путь. Рамануджа пришел, чтобы показать это. Путь – служение Господу Вишну, который пребывает в твоём сердце вместе с тобой, душой. Даже йоги говорили тебе, что ананда находится в сердце. Но они не указывают путь к этой ананде. Они просто навели тебя на мысль, что нет пути к истине, что истина – это ты сам. И ты запутался. Ты не знаешь, что делать».

Мне осталось только удивляться, почему же, если этот садху-вайшнав обладал этим высшим знанием, он изолировал себя. Мне казалось, что истинное совершенство в духовном знании даст человеку убежденность повсюду обсуждать философию с каждым. Но он отрезал себя даже от таких же, как он, вайшнавов.

Глава XI ВНИЗ С ГОР, БЕЗ МУДРОСТИ

В сентябре 1974 я переехал в Деопрайаг, семьдесят два километра севернее Ришикеша. Это древнее селение брахманов прилепилось к берегу реки, в которую сливались потоки Бхагиратхи и Алакнанды. Там, где эти реки сливаются, река начинает называться "Ганга". В этих туманных окрестностях Гималаев я нашел тихий рай, который я искал в Ришикеше и Харидваре.

Я поселился в пещере около слияния. В первую же неделю я подружился с руководителем местной высшей школы, профессором Бхагват Прасад Кхотвалой. Культурный и гостеприимный джентельмен, преданный садху-севе (служению садху), Др. Кхотвала устроил так, что я точно не был голоден в Деопрайаге. В следующие пять месяцев это было моей базой.

Я часто ходил на прогулки с Д-ром Кхотвалой, его другом-астрологом, м-ром Джоши, и другими интеллигентными людьми Деопрайага. Однажды на прогулке к нам присоединился большой черный пес. Джентельмены дружески относились к собаке, Д-р Кхотвала покормил ее бадам (жареным арахисом). Я заметил, что другие собаки, которых я видел в Деопрайаге, были шелудивые и заброшенные. Д-р Кхотвала улыбнулся и сказал, "Но эта собака – садху, а мы – садху-севаки". Все засмеялись, и я подумал, что это шутка.

На следующий день Д-р Кхотвала взял меня с собой посмотреть на йога-бабу, который жил на берегу реки Бхагиратхи. Мы прощепыкались на пути вниз по скользкой насыпи сквозь толстый кустарник к жилищу йога, норе в земле, затемненная

растительностью. Он вышел, чтобы поздороваться с нами с сердечной улыбкой. Набедренная повязка и спутанные волосы, как я и ожидал увидеть, но вместо того, чтобы быть истощенным физически из-за своего аскетизма, это йог был полным и мускулистым, как атлет. Кхотвала прикоснулся к его стопам, я предложил пранаму, и Кхотвала представил меня как "Мадраси Баба" (южноиндийский баба).

"Ну, Мадраси Баба," – начал йог, "почему ты пришел сюда? Почему ты не пошел в Ашрам Шивананды?" – "Я там был, это бесполезно". Он засмеялся и предложил мне зайти в его берлогу. Кхотвала извинился и ушел. Места там еле хватало нам двоим, сидя на корточках, но я заметил, что это было по крайней мере убежище от дождя. Его владения состояли из спальника, сумки для одежды и латунной камандары (сосуда садху для воды).

"Итак, ашрам Шивананды ты счел бесполезным", продолжил он дружеским тоном, когда мы уселись внутри. "Да, это бесполезно. И ты тоже бесплезен, по крайней мере в отношении йоги. У тебя нет тела йога, я это вижу сразу. Поэтому эти люди говорят тебе достигать всего в уме. Но умом ты никогда не можешь ни наслаждаться этим миром, ни освободиться от него. Все, что ты можешь, это думать, как свои мысли, или мысли других. Но размышления это просто размышления".

"Свами в Ришикеше думают: "Я – Брахман", но когда становится холодно, то их здоровье нарушается, и их ученики везут их в больницу. Они думают, что они освобождены уже в этой жизни, но даже не могут должным образом поддерживать тело в этой жизни, как же они могут достичь освобождения, которое выше чем тело? Они не в состоянии сделать малое, как же они могут большее? Они сидят, и думают: "Я повсюду, и все во мне". Но все, что в тебе, это три вещи: капха, питтха и вайу (слизь, желчь и воздух)". Я спросил, какова его садхана. "Я воспеваю имя Рамы сто тысяч раз в день. Я также делал полную программу йоги. Я перестал это делать, потому что не мог найти ученика, который был бы способен полностью научиться этому. Я научился йоге с детских лет от своего отца, который был великим учителем системы Патанджали. Но йога имеет смысл только для сильных

людей, которые решились порвать связь с миром чувств. Я не нашел ни одного человека, достаточно сильного или достаточно отреченного, чтобы научиться этому. Это непрактично. Поэтому сейчас я просто сосредоточился на Рама-наме. Об этом также рассказал мне отец. Он сказал, что это все, что действительно необходимо. Но либо при помощи йоги, либо при помощи мантры, нужно выйти за пределы ума. Это думание, думание, думание – бесполезно".

"Свамиджи, Вы такой полный и сильный. Как ты достаешь себе пищу?"

"Собаки тоже едят", сказал он весело.

"Нет, но ты ведь не ходишь в город собирать бхикшу, или кто-то приходит сюда и приносит тебе пищу?"

"Посмотри вон туда", он указал в направлении ближайшего дерева. Присмотревшись к подлеску, я увидел большую черную собаку, спящую под деревом, которую я встретил за день до этого,

"Ты ешь через рот своего тела", продолжил он. "Я ем через рот тела собаки".

Я упомянул о Бала Йоги и его кобре.

"Да, он делает то же самое. Существует метод получения энергии от тела домашних животных. Тогда больше не нужно тратить время на свой живот. В этом нет ничего особенного. Все индусы предлагают подношения своим покойным родственникам, ставя пищу птицам. Задумывался ли ты когда-нибудь, что это действительно означает? Эти умершие родственники едят через этих птиц, при помощи мистической связи. Миллионы индусов верят в это, но только несколько йогов знают настоящую науку за этим. Это приходит с Питрилоки (планеты предков). Но люди, подобные тебе, должны искать пищу на садалоке (человеческое общество)".

Я рассказал ему о йоге, которого я встретил возле Нилаканды Махадевы, и его рекомендации мне идти в Бадринах, чтобы найти блаженство. "Да, иди туда. Если ты это сделаешь, то ты больше никогда не захочешь ходить туда снова". Он засмеялся.

"Свамиджи, а Вы достигли блаженства?" спросил я его.

"Я сижу здесь, воспеваю имя Рамы и смотрю на реку. Я считаю дни до оставления этого мира, вот и все. Мать Ганга заберет меня в блаженство".

До конца сентября я пристал к группе военного патруля к Бадринатху в верхних Гималаях. Паломников уже почти не было, сезон закончился, и окружающие вершины уже побелели от снега, и было очень холодно. Солнце выглядывало из-за курящихся гор только в 11 часов, и исчезало из вида в 2.30.

Бадринатх – одно из наиболее древних и священных мест индуизма, отмечает порог Бадарикашрама, загадочной области, расположенной где-то в холодных пустынях выше восприятия обычных живых существ. Семьсот лет назад ученый философ-вайшнав Мадхва оставил своих учеников в Бадринатхе, и вошел один в эту запретную область. Спустя много дней он вернулся с комментариями на Бхагавад-гиту, которые он написал, консультируясь с великим мудрецом Вьясой, составителем ведических писаний, который удалился в Бадрикашрам пять тысяч лет назад. Мадхва также поговорил с Нарой и Нарайаной Риши, двумя учителями йоги и отречения. Они дали ему указание написать комментарии к Шримад Бхагаватам. Но за исключением таких чистых душ, как Мадхва, Бадарикашрам остается недоступным. Паломники, которые ныне приходят только в храм Бадринатхи, поклоняются Нара-Нарайане Риши и Вьясе в их формах Вишну мурти.

Посетив храм, я пошел дальше по дороге, выше в горы, думая о том, где мне остановиться. Я был голоден и замерз до костей. Вскоре я увидел маленький каменный дом. Дымок из трубы и запах пищи привели меня ближе. Пожилая женщина-брахман открыла на мой стук и усадила меня на соломенный коврик внутри. Через пять минут я ел горячую пищу, приготовленную по южноиндийски, досы (олады) и кокосовое чатни.

Между кусками я пытался рассказать ей что я только что пришел и мне нужно место для ночлега, но она просто клала ещё одну доску на мою тарелку и говорила, "Ешь. Это все, что тебе сейчас нужно. Не надо рассказывать мне о твоей медитации и

духовных поисках и всем этом. Все самое важное для тебя находится в твоей тарелке. Не дай ему остыть".

Накормив меня, она поела. Потом она вымыла все, подбросила угля в печку для обогрева дома и укрыла меня лоскутным одеялом. Под конец она села и сказала: "Ну, теперь рассказывай, что ты делаешь здесь, наверху".

"Ну, прямо сейчас я ищу место, где переночевать. А вообще я ищу гуру, который научил бы меня садхане".

"Откуда ты?"

"Из Тамилнаду" – ответил я ей.

Мы говорили на Хинди, но когда она услышала это, то засмеялась и перешла на тамильский – очевидно, ее родной язык. "Ада пави! Ты глупый парень! Весь этот путь, который ты прошел, просто напрасная потеря времени. Что за дурак сказал тебе, что здесь есть гуру?"

"Но, матушка, а Вы почему здесь?"

"Не для садханы, это точно. Я пришла сюда двадцать шесть лет назад, чтобы уехать от моей семьи в Мадрасе. Я преодолела мою собственность, приехала сюда с деньгами и купила этот дом за бесценок. Остальные деньги в банке, и на них я буду жить до самого конца моих дней".

"Я рассказала тебе правду про себя, это гораздо больше, чем ты услышишь от местных садху. Они также пришли по другим причинам, не для садханы. Выше, на дороге есть голый баба, который приехал с группой туристов из Гуджарата. Его ограбил садху, и он потерял все, даже свою одежду. Его пожалели военные и сделали к нему электропроводку от своего поста. А ещё они дают ему кешью. И он голый сидит в домике. Люди думают: "Такой йог, голый в Гималаях". Они не видят, что за ним электрообогреватель, а рядом с ним полная жестянка кешью".

"Но, матушка, здесь Шанкарачарья из Джьоти Матха. Ты не можешь говорить, что он здесь не для садханы".

"Прекрасно", сказала она, "но если бы они сделали Шанкарачарьей меня, я могла бы делать садхану так же успешно, как он. Ты просто сиди на сиденье и автоматически ты – гуру нескольких тысяч людей. И они приходят и падают к твоим

стопам. Я тоже могу сидеть на сиденье и благословлять людей. Почему бы и нет? Шанкарачарья говорит, что все едино, значит я – то же самое, что и он. Но я слишком занята хозяйством".

"Ма, я хочу научиться каким-либо специальным тапам и получить высшее знание о Боге. Я хочу научиться у садху, настоящих садху, которые знают, как жить садханой".

"Посмотри, мальчик, ты дрожишь", сказала она. "Тебе холодно под двумя одеялами. Какие тапы ты собираешься совершать? Те садху, которых можно найти здесь, живут только на горячих источниках, а не садханой. Если бы не была тепла, ты думаешь, они бы остались? Сейчас уже стало так холодно, что без теплой одежды ты не сможешь выжить дольше одного часа на улице. Мне шестьдесят лет, и я живу здесь по крайней мере половину своей жизни. И я не видела никого, подобного тому, о ком ты мечтаешь".

Не видя больше причин оставаться, на следующий день я подсел в военную машину, идущую обратно в Деопрайаг. Я давал лекции в школе Д-ра Кхотвала, и у меня появились последователи среди молодежи. Хотя я грелся в лучах их одобрения, я чувствовал себя самозванцем. В феврале 1975 меня пригласили читать лекцию в школе для девочек в Руркии. Я использовал эту возможность уехать в Гималаи.

Из Руркии я отправился в Курукшетру, помня о том, что Мунишананда сказал мне, что я найду там то, что ищу. Но в то время я потерял все надежды. Мои высокие духовные амбиции выродились в цинизм служения себе.

В городе я встретил профессора лет тридцати, который преподавал в Университете Курукшетры. Он был из Кералы и сразу потеплел ко мне, когда я перешел на Малайалам. Я рассказал ему про мою жизнь и мои путешествия в ученом и философском стиле. На него все это произвело впечатление, до этого он никогда не встречал настолько обаятельного садху, и он настойчиво пригласил меня дать лекцию о йоге на следующий день в классе, где он читал в университете. Я фыркнул, "Йога? Йога означает спать – осознать Бога при помощи сна, и Бог также спит". Это только подогрело его интерес: "Тогда научи нас этому!"

"Если Вы этого и правда хотите, Профессорджи, то Вы это получите". В классе было около тридцати студентов. "Я слышал, вы интересуетесь йогой", начал я. "Я не буду объяснять теорию. Я просто попрошу вас поучаствовать в демонстрации и самим испытать, что такое йога". Я сказал всем лечь на пол. Профессор и студенты отодвинули стулья к задней стороне комнаты, освободив место, где они послушно улеглись на спины.

"Сосредоточьте мысленный взор на кончиках ваших пальцев рук и ног", сказал я медоточивым голосом. "Медленно переместите мысленный взгляд к запястьям и лодыжкам... теперь к локтям и коленям, внутрь туловища. Когда ваш мысленный взор движется внутри, пусть он поглотит все напряжение из каждого участка вашего тела, оставляя их расслабленными. Внутри, погрузитесь глубже, пока не сосредоточились на желудке. Сейчас вы осознаете только желудок. Все ваше напряжение там. Все остальное плавает в полном расслаблении и умиротворении. Теперь сконцентрируйтесь на пупке. Теперь как бы выйдите из пупка. Вы плаваете над вашим телом. Поднимайтесь, поднимайтесь, теперь посмотрите вниз. Посмотрите на свое тело и другие тела вокруг – и осознайте, что вы отличаетесь от вашего тела".

Я прочитал стихи из Йога Сутры на медленную сонную мелодию. Все заснули, и некоторые даже захрапели. Я тихо вышел.

Позже в этот день я зашел к профессору в его кабинет и забрал оплату за мою "лекцию". "Это было замечательно", сказал он когда отдавал мне деньги. "Свамиджи, Вы такой могущественный. Ты можешь быть кем только хочешь, новым Вивеканандой!". Я завязал деньги в свою одежду, благословил его абхая-мудрой, и ушел.

Я отправился в Джоти Сар, священный пруд, указывающий место, где Шри Кришна поведал Арджуне Бхагавад-гиту. Я сел на каменные ступеньки, ведущие к темной воде, и стал смотреть на мое отражение. Оно немного рябило на воде.

"Кришна", я вслух молился, "что Ты хочешь от меня? Ты не сделал меня ни преданным, ни демоном. Я никогда сознательно не желал поступать неправильно. В Салеме я стал жертвой

неконтролируемых чувств. Я был слаб. Но я не плохой человек. Я просто не знаю, что мне делать. Пожалуйста, дай мне знак. В каком направлении я должен действовать?"

Я прочитал одиннадцатую главу Бхагавад-гиты, и Тысячу Имен Вишну, и спел песни, прославляющие Кришну, которые я знал. Потом я обошел кругом Джоти Сар. Почти в трансе, я пристально смотрел на разбросанные бусинки отраженного солнечного света, которые молча танцевали на темно-синей поверхности пруда. Каждая капля была круглой вселенной, мерцающей внутри и вовне существования на поверхности вечности, и в каждой вселенной я видел себя, ищущего. Но что я ищу? После Бадринатха я был уверен в том, что искать "себя как Бога" – пустая трата времени. И какой же смысл был сейчас в моей жизни садху? Профессор сказал, что я могу быть кем только захочу. Но в сердце я был уверен, что не хочу быть обманщиком. Хотя большинство людей хотят, чтобы садху обманывали их, изображая Бога. Я знал все навыки обманщика – но мое сердце не хотело этого. В мире обманщиков и обманутых было не больше смысла, чем в дрожащем мерцании воды Джьоти Сара.

Со вздохом я повернулся и пошел прочь. В нескольких шагах от Джьоти Сара был газетный киоск, который обслуживал небритый, придурковатый человек, одетый как санньяси. Поскольку я шел мимо, он предложил мне журнал "Голос земли". Я пролистал его и нашел статью, озаглавленную: "Не надо совершать паломничество, не надо искать Бога". Указывая пальцем на эти слова, я спросил санньси: "Тогда что же делать искателям истины, если не это?"

Его пресная ухмылка открыла полный рот неплотно сидящих, пятнистых гнилых зубов. "Здесь имеется в виду, что ты – Бог", проворчал он. "Зачем Его где-то искать? Ты уже и есть Тот, кого ты ищешь".

Я не смог скрыть раздражения: "Почти девять месяцев назад я оставил в южной Индии хорошую работу, чтобы искать Бога, потому что я был несчастен. Я принял образ жизни странствующего садху. Я разговаривал со многими гуру и божьими людьми. Почти все они говорили мне то же самое, что и

ты – я и есть Тот, кого я ищу, я и есть Бог. Но я по-прежнему страдаю". Пока я говорил, сдерживаемое разочарование выливалось на этого одетого в оранжевое болвана. "Если я – Бог, тогда Бог несчастен. Это что, все что нужно понять дальше? Ты говоришь, что я должен быть доволен этим?" Я бросил журнал поверх стопки, из которой его взяли. "И если это твой совет всем, кто приехал сюда издалека чтобы почтить Кришну? "О, зачем вы приехали сюда? Отправляйтесь обратно – вы и есть Бог".

Испуганный, он косо смотрел на меня, его щеки дрожали, потом он выпалил: "А ты знаешь, кто сказал эти слова, которые ты прочитал? Вивекананда!"

"Вивекананда или твой дедушка, он мошенник. И ты торгуешь этой макулатурой даже здесь, где была поведена Бхагавад-гитой. Даже если бы у тебя было больше рассудка, ты бы и то был полоумным".

"Слушай, зачем ты меня критикуешь?" проскулил он. "Если тебе это не нравится, просто уходи".

Заставив его замолчать новым оскорблением, я продолжал выпускать на него мой гнев на все, что он представлял – мои собственные попытки стать Богом. Вокруг собралась небольшая толпа, с непониманием глазевшая на эту сцену. Перед тем, как удалиться, я повернулся к ним и сказал: "Он говорит, что я – Бог, и я даю ему мою милость".

Из Курукшетре я отправился в Калку, я хотел пойти в Симлу и вернуться в Гималаи. Хотя я видел очень мало шансов когда-либо найти удовлетворения в этой жизни, которую я вел, я не знал, что еще мне делать.

Я вышел из Калки по дороге в Симлу, когда я увидел квадратный домик с белеными стенами, развевался темно-бордовый треугольный флаг на высокой мачте рядом с железнодорожной развязкой, сразу возле окраины Калки. Флаг говорил о том, что эта хижина была ашрамом. Может быть, это тот самый знак, о котором я молился. Любопытство заставило меня свернуть с дороги и пойти по железнодорожным путям примерно метров триста, пока я не пришел к двери ашрама.

Внутри хижины на земле перед хомакундой (углубление размером с квадратный метр, в котором горел жертвенный огонь (хома)) сидел садху баба. У бабы были спутанные волосы и длинная борода, и он был одет в одежды цвета красного вина. На шее у него висели большие шершавые четки рудракша, спутанные павитры (красные и желтые гирлянды из шелковых нитей), и цепь из соединенных медных пластин, размером в дюйм и толщиной с бумагу, каждый из них украшен выгравированным узором янтры. Воспевая мантры богине Деви, он лил гхи из медного горшка в пламя. Алтарь был у стены напротив садху. На нем стояло маленькое черное мурти богини Кали, с тремя глазами и кроваво-красным языком, свешивающимся на грудь.

Я сел у входа и наблюдал за процедурой. Закончив подношение огню, он кивнул в моем направлении и спросил: "Ты знаешь какие-нибудь молитвы?" Я повторил пятьдесят стихов из Лалита-сахасра-намы, молитвы включающей тысячу имен Деви. Затем я перешел к стихам, прославляющим Дургу, сложенным Ади Шанкарой, которые я пропел на красивую мелодию.

Когда я закончил, бабаджи выразил удовольствие, благословив меня. Затем он спросил: "Какова твоя садхана?" Я указал на железнодорожный путь и пошутил: "До нынешнего времени сигнала не было. Стрелочник еще не пришел ко мне. Я жду сигнала на запасном пути, чтобы начать движение".

Он посмеялся, и внезапно стал серьезным, довольно долго он молча смотрел на меня, его глаза блестели в свете огня. Наконец он заговорил: "Я стрелочник. Оставайся со мной".

"Ну, я вообще-то шел в Симлу".

"А что ты обретишь в этом месте? Там только христиане и Теософское общество. Там не место шактам".

"Ну, я не шакта на самом деле", сказал я ему. "Я обучался, но не задержался на этом. Я изучал тантру, пранайаму, йогу и другие вещи, но я так и не нашел того, что искал".

"Это потому что никто не направил тебя на нужный путь. Оставайся здесь. Посмотри вокруг – здесь нет никого, кто отвлекает. Мой ашрам вне города, и у меня нет посетителей. Никаких беспокойств, кроме случайного поезда. Ты можешь

заниматься своей йогой, повторять свои мантры, все, что ты хочешь. Я просто добавлю несколько вещей".

Он пристально посмотрел на мурти богини Кали в течение нескольких минут. Затем со вздохом он снова посмотрел на меня и мягко сказал: "Она тебя примет".

Я был тронут. С тех пор как я покинул южную индию, я ни разу не встречал садху, который проявил бы ко мне личный интерес. Я думал, была ли моя встреча с ним устроена свыше. Он так спокойно и уверенно сказал, что Кали меня примет, что мне стало любопытно посмотреть, насколько глубоко было его знание как о ней, так и обо мне. Может быть, всего лишь предположение, он и есть гуру, найти которого я молился в сердце.

"Я очень непрочь остаться с тобой", сказал я ему, "но мне бы хотелось получить знак от Ма".

"Тогда иди в храм Дурги в Калке", ответил он. "Приходи к божеству и проси ее благословения. Затем возвращайся сюда и скажи мне, каково твое решение". Я предложил пранамы и пошел обратно в Калку.

В храме я спросил пуджари, можно ли мне сделать прашну, способ задавать вопросы мурти. Он дал мне красный и желтый цветок. Я прикоснулся к ним, и отдал ему назад. Он положил их к божеству и сказал мне встать перед алтарем и думать о моем вопросе. Если упадет красный цветок, ответ отрицательный. Я пристально смотрел на форму Дурги, сложив ладони вместе, кончиками пальцев касаясь подбородка. "Оставаться ли мне с шакта-бабой?" Через две или три минуты упал красный цветок.

Я был разочарован. Но когда я вышел из храма я подбодрил себя. "Я могу проверить значение прашны, оставшись с бабой", подумал я. "Посмотрим, есть ли в этом правда. Кроме того, у меня нет никаких причин идти куда-либо еще. Прашна же не дала мне альтернативный способ действия". Я вернулся в ашрам и сказал Бабаджи, что остаюсь с ним.

Первые три дня моего пребывания там были без событий. Утром я повторял Вишну-сахасра-наму и делал пранайаму и мою медитацию тротак. Я пел молитвы, когда он совершал свои хомы Кали, и также делал простую работу, вроде сбора дров. Хотя

Бабаджи не дал мне никаких конкретных указаний, как я ожидал от гуру, я видел, что у него есть какой-то конкретный план относительно меня. Я ждал, чтобы увидеть, что случится.

Трижды в день он уходил из ашрама с подносом предметов пуджи – благовоний, цветов и чашкой синдурра – и возвращался примерно через полчаса. На утро второго дня он взял меня с собой. Мы шли вдоль путей в направлении Калки, пересекли дорогу Симла и шли еще несколько минут, пока не пришли к холму из песка и камней недалеко от рельсов. Бабаджи провел меня по тропинке наверх. Там он показал мне скалу, покрытую синдуrom, где он сказал, что были капли крови Девы. В пуранах говорится, что богиня в своем воплощении Сати, покончила с собой, когда ее отец Дакша оскорбил ее мужа Шиву. Сходя с ума от горя, Шива танцевал поперек небес с ее мертвым телом, которое распалось и куски упали на землю. Существует сто восемь важных храмов Девы (деви-питхам) в Индии, и говорится, что они построены в тех местах, где упали части тела Сати. "Большинство людей не знает, что это место также питха", доверился мне Бабаджи. "Богиня открыла это место только мне. Здесь много силы". Он сказал это с такой убежденностью, что я поверил ему сразу и предложил мое почтение кроваво-красному камню. Он провел небольшую пуджу камню и мы вернулись. На четвертый день была амавасья (темный лунный день). Утром, уходя поклоняться питхе, Бабаджи сказал мне, что он пойдет в город на холме, чтобы принести ингредиенты для особого праздника, который будет сегодня вечером. Он также сказал мне, чтобы я ничего не ел сегодня. Когда он ушел, я прибрал ашрам. Он вернулся через несколько часов, с полной сумкой на плече.

После омовения Бабаджи сделал хому, на этот раз немного по-другому, чем раньше. Из металлического ящика он достал паранг (большой нож, вид оружия, который держит Кали), и положил его в кунду перед тем как зажечь огонь. Завершив огненное жертвоприношение, он приготовил восемнадцать видов подношений из компонентов, которые он принес – дутый рис, фрукты, леденцовый сахар, рисовые хлопья и так далее.

Он сказал мне, что мы будем проводить церемонию всю ночь в питхе, и я должен начинать с сумерек и до рассвета. Я был взволнован. Я был уверен, что он оценит мою пригодность на роль ученика по тому, как я буду вести себя. И я решил совершать свою часть церемонии с неослабевающим энтузиазмом. За час до захода солнца он выставил поднос с восемнадцатью чашечками, наполнив каждую подношениями. Поднос он вручил мне и сказал отнести это в питху. «Я скоро приду», сказал он. «Мне нужно подготовить паранг. С его помощью мы совершим сегодня в питхе особое поклонение».

Держа в руках поднос, я спустился по рельсам и поднялся на холм. Слегка моросил дождь. Я надеялся, что он не усилится и не помешает церемонии Бабаджи. Поставив поднос возле священного камня, я почувствовал, что мне нужно помочиться. Считая холм священным местом, я ушел оттуда и спустился к железной дороге, чтобы там помочиться. Рядом с холмом остановился грузовой поезд. Я как раз закончил свое дело, когда ко мне подошел человек с фонарем, обходивший поезд. Это был сигнальщик.

«Кон хаи тхум?» (Кто ты?) – спросил он.

«Я вместе с этим бабаджи, что живет у железной дороги» — ответил я с улыбкой. «Сегодня амаваस्या, и мы совершаем на холме особую пуджу. Мне бы надо руки помыть после того, как я помочился – у вас есть вода?»

Пораженный, он жутко уставился на меня. Вдруг он закричал: «Беги – прямо сейчас! Быстро, давай!»

Не понимая, что он имеет в виду, я снова спросил про воду. «Вода – это неважно» — заорал он, хватая меня за плечо. «Этот человек собирается убить тебя этой ночью, если ты не уйдешь отсюда. Иди по железной дороге до станции Калка. Там етсь вода. Скажи станционному смотрителю». И он подтолкнул меня.

Его возбуждение передалось мне, и я пробежал весь путь до станции. Что это за убийца, о котором предупредил меня сигнальщик? Я подумал, возможно сбежал какой-нибудь сумасшедший. Наконец, задыхающийся и уставший, я забрался с железнодорожных путей на платформу станции. Я увидел

водопроводный кран, вымыл руки и умылся. После того как я как следует напился и освежился, я пошел искать станционного смотрителя.

В офисе я увидел человека в синей форме. «Извините», сказал я ему, «но меня к вам направил сигнальщик, который сказал, что кто-то хочет убить меня».

«Что вы говорите?» — ошеломленно спросил он.

«Понимаете, я живу с бабаджи, там дальше по железной дороге...»

Как только я сказал это, смотритель выбежал и закричал охраннику, одетому в хаки-униформу и с винтовкой на плече. «Будь здесь с ним», приказал он охраннику. «Я пойду в полицию. Не позволяй ему выходить, и никого не пускай в эту комнату». «О, Боже», подумал я про себя, когда смотритель убежал. «Во что я ввязался?»

Минут через пятнадцать станционный смотритель вернулся с полицейским инспектором, которого сопровождал водитель в форме. Инспектор приказал мне удостоверить мою личность и объяснить мое отношение с бабаджи. Я сделал это, но я настаивал, чтобы он сказал мне, что случилось.

«Да, я пришел реди этого. У нас есть причины подозревать, что этот человек хотел убить вас этой ночью. Если вы заявите на него, мы предпримем меры».

«Понимаете» — добавил смотритель, «в течение долгого времени железнодорожные рабочие замечали за этим бабаджи очень необычные вещи. У него до этого были помощники, вроде вас, не знакомые с этими практиками, и они просто исчезали один за другим».

Полицейский инспектор продолжал: «Мы несколько раз спрашивали его, и он всегда отвечает, что помощник просто внезапно ушел куда-то. Но на железной дороге около холма находили одежду с пятнами крови. Конечно, он отрицает что-либо, и нам нужно больше оснований, чтобы предпринять что-либо против него. Но мы подозреваем, что на вершине этого холма он совершает человеческие жертвоприношения. Ходят слухи, что он убил двенадцать или тринадцать человек таким образом, и что он

хочет провести тысячу подобных жертвоприношений для того, чтобы обрести полный контроль над элементами природы».

Вспомнив паранг, я почувствовал как у меня по спине побежали мурашки. Но я не хотел быть замешанным в полицейском расследовании. Совершенно ясно было, что пора было идти дальше. «Нужно было сделать так, как сказала прашна» — пробормотал я про себя.

«Знаете», сказал я инспектору. «Я жил с ним 4 дня, и у меня нет оснований подозревать, что он хотел причинить мне какой-то вред. Но я вижу, что ваши подозрения обоснованы. Я больше не вернусь к этому бабаджи. Завтра я уеду в Симлу».

Станционный смотритель серьезно сказал: «Про него уже ходят сплетни. Люди ругают нас – железнодорожников и полицию – за то, что мы с ним ничего не делаем. Если бы вы согласились дать показания, мы могли бы что-то сделать с ним».

Я отказался. Было похоже, что подозрения против этого бабаджи были следствием всего лишь грязных слухов. В любом случае, лично против меня он ничего не сделал. Но я не знал, что бы произошло, если бы я не встретил стрелочника. Станционный смотритель, искренне беспокоясь о моей безопасности, позволил мне переночевать в его доме. На следующее утро он посадил меня в автобус до Симлы, бесплатно. От одного человека из Теософского Общества я узнал, что в Дхарамшалле находится сейчас Далай Лама.

В штаб-квартире Далай Ламы я увидел несколько монахов в пурпурных робах. Они воспевали Ом Мани Падме Хум, а другие играли в бадминтон. Я спросил молодого послушника, который немного говорил по-английски, можно ли мне получить аудиенцию у Его Святейшества. Парень категорически помотал головой. «Он Будда. С ним не получится встретиться». Но он проводил меня к пожилому посвященному монаху, который говорил на хинди.

Монах показал мне монастырь. Я поклонился огромному мурти Будды, в три раза больше натуральной величины. В каждой из своих четырех рук он делжал символы Вишну. Монах привел меня в большой зал, в котором было множество других мурти

Будды, а также буддийских святых и богинь. Все они были колоссальных размеров. Монах объяснил, что эти формы представляют разные уровни буддхатвы, то есть сознания Будды. Он подчеркнул, что они не поклоняются им как живым существам, так, как это делается в индуистских храмах. Тем не менее повсюду я видел знакомые принадлежности для тантрической пуджи.

Пришло время молитвы. Зал заполнился монахами, и мой проводник сказал мне, что я могу остаться и посмотреть. Ровное жужжание сотни человек Ом Мани Падме Хум, спокойные Будды, в которых колебался свет множества свечей, Тибетская символика и окружающая архитектура смешались в моем уме в виде ошеломляющего узора из красок и звуков.

Примерно через полчаса вошел Далай Лама, его приветствовали звоном колокольчиков и горящими лампадами. Воспевание прекратилось, и все, кроме Его Святейшества и шестерых монахов, вышли из зала. Было похоже, что будет какая-то закрытая церемония. Я прислонился к колонне в конце зала, никем не замеченный, и постепенно стал дремать. Внезапно я почувствовал, что кто-то дергает меня за одежду. Я открыл глаза и увидел, что монах жестами показывает мне, чтобы я подошел к Далай Ламе. Когда я вышел вперед, я увидел, что теперь Его Святейшество остался один. Я простерся перед ним на полу, как я видел это делали другие.

Он спросил меня, что я здесь делаю, и я ответил, что я ищу возможности поговорить с ним. Я рассказал ему о моих исканиях. Он спросил о моем образовании и на каких языках я говорю. Затем он спросил, знаком ли я с буддизмом. Я признался, что знаю очень мало. Он пригласил меня остаться в храме и поучиться, и я с благодарностью согласился. Затем позвали нескольких южноиндийских монахов и их попросили позаботиться обо мне. Мне дали комнату. Далай Лама, казалось, был больше всего обеспокоен независимостью Тибета, войной в третьем мире и последними мировыми событиями, чем оказыванием практического духовного руководства. После двенадцати дней чтения книг, посещения молитв, я вдруг увидел, что равнодушно

плююсь в окно на монахов, играющих в бадминтон. Я написал Далай Ламе благодарственную записку и уехал в Дели.

Я поселился в Сикх Гурудваре, они дают чистое жилье и горячую пищу за недорогую цену. Но я уже стал уставать от моего бесцельного блуждания и решил найти работу и жить безгрешной жизнью. Судьба столкнула меня с человеком по имени Лакхан Пал в храме Ганеши и он дал мне работу в его компании по продаже телевизоров в качестве консультанта. Я вспомнил свою работу в «ТВС» и научил его как сделать управление офисом гораздо эффективней. Но когда его молоденькая незамужняя дочь начала строить мне глазки, я сбежал, всего лишь через неделю, в страхе что моя страсть снова разгорится.

Это была новая проблема. Я просто хотел жить в городе честно и скромно и продолжать поддерживать чистоту, которую я усвоил, будучи садху. Но даже это, похоже, было выше моих возможностей. Но теперь у меня хотя бы было немного денег на жизнь. Я ночевал в Гурудваре, а днем бродил в моей одежде садху по улицам Дели, день за днем, продолжая искать то, что я не нашел даже в Гималаях. Каждый день я ходил в один или два религиозных учреждения чтобы послушать, о чем они говорят. Но я остался неудовлетворен всеми этими собраниями.

СЕВЕР 5 **(набросок)**

Дели: Я решил найти работу, не пить и не курить, и не совершать других грехов. Воспевать Вишну-сахасра-наму, и вести себя хорошо. Я остановился в Гурудваре. Однажды утром я пришел в храм Ганеши. Пришел какой-то мужчина и положил у стоп Ганеши 5 рупий. Когда он отошел, я взял деньги и пошел к выходу. Он поймал меня с криком: «Вор, вор!». Собралась толпа. Я спросил его: «Ну и что же я украл?». Он сказал: «Ты украл 5 рупий, которые я пожертвовал Ганеше». Я сказал: «Ничего подобного. Ты дал 5 рупий Ганеше, а он отдал их мне. Если ты не веришь, что Ганеша взял твои деньги, тогда зачем ты ему их

пожертвовал? А если ты не веришь, что Ганеша дает деньги своим преданным, тогда зачем же ты сам поклоняешься ему ради богатства?». Он остолбенел, а люди стали смеяться. Он стал немного смиренней и спросил: «Вы свами?» Я сказал, что меня зовут Атмананда Свами, и я из Ришикеша. «О, пожалуйста, пойдёмте со мной» — и он стал служить мне, а его имя было Лакхан Пал. Он привел меня в свой дом. Он занимался бизнесом по продаже телевизоров. Познакомил меня со своей сестрой (вдовой), матерью, слугами. Большой дом бизнесмена. Потом он сказал, что я должен зайти также в его офис. Я случайно заметил ошибку в документе о страховке его работников, который лежал у него на столе в ожидании его подписи. Я подсчитал, что он потеряет 7000 рупий, если эта бумага пойдет в ход, и сказал ему об этом. Его клерк признал, что не понимает правильную систему. В «ТВС» это было моей областью, поэтому за час я исправил ошибки. Я спросил у него насчет работы. Я сказал, что могу обучить его служащих. Он получил разрешение у своей бабушки: «Мы сделаем все, что Свами захочет». И я стал работать по 4 часа в день и жить в их доме. А еще я рисовал картинки Богов и Богинь и дарил их сотрудникам офиса, и никто не сомневался, что я не свами. Однажды был выходной, и я сидел дома. Должна была быть большая домашняя пуджа, которую проводила сестра вдовы. Бабушка попросила меня прийти, а потом она ушла, а эта сестра подошла дотронулась до моих стоп и сказала, у меня нет гуру, пожалуйста, будьте моим гуру. Я подумал, ах-ох. Я сказал Ом и ушел в домашнюю библиотеку. После ужина я сказал, что пойду немного погулять. И сбежал.

Я стал посещать религиозные организации в Дели. Похоже, что какая-то воля свыше не давала мне снова вернуться к материальной жизни. И я думал, ну, хорошо, может это здесь, надо взглянуть. И я побывал в очень многих обществах. И под конец я уже стал думать, что они все обманщики.

Однажды я увидел большой плакат: «Бхагаван Раджнеш – Сады Палкадора». Сады Палкадора – это место, где говорят важные персоны – Саи Баба, Чинмайнанда. Это очень известное место, в основном религиозные предметы. Я узнал, где это и

пошел в ту сторону. Программа должна была начаться в 5 часов. Я пришел раньше. Кресло посреди сцены было накрыто белой тканью, на спинке приколоты цветы. Через усилители гремела западная музыка. Я спросил у санньяси, что случилось, он сказал, будет большой человек говорить. Я говорил с женщиной с рыжими волосами, которую звали Маа Ганга. Маа Ганга повела меня по саду, и она говорила, смешанные хипповые слова, сначала о том, что такое настоящая медитация, которая дает чувство удовлетворения, люди делают глупости, взрывают мосты, а если они нормальные – то подавлены и разочарованы. Мы ходили туда-сюда. Некоторые выражали свои желания, но неправильно, другие их просто подавляют. Бхагаван дает правильный способ выражения желаний. Он не дает какие-то слишком высокие идеалы, котрым люди не могут следовать – он дает им то, что они могут, и помогает им с этой точки. Мы два раза обошли вокруг сада. Я увидел, что другие раджнешевцы ее уважают. Подошла одна индийская женщина в красном платье, у нее были коротко подстриженные волосы, на западе Индии так ходят проститутки. Но Маа Ганга уважительно поприветствовала ее. Она сказала, что Раджнеш пришел, поэтому пора идти.

Все пространство быстро заполнилось. Под музыку бум-бум, парни и их цыпочки приплясывали и казались изрядно пьяными. Перед этим говорили двое – киноактер и затем лидер раджнешевцев в Дели, на Хинди в течение получаса. Раджнеш беспокойно сидел в кресле. Он болтал ногами и ерзал на кресле. Он был с виду похож на Распутина. Затем он заговорил, сказав, что будет демонстрировать самадхи. Он встал, на сцену поднялись 25 или 30 женщин, несколько мужчин. Он давал инициации. Одна женщина скатилась со сцены, когда он дотронулся до точки между ее бровей. Мне все это напомнило христианские сеансы целительства. Некоторые просто падали. Затем, он сказал, мы поставим музыку, и каждый может делать то, что хочется: можете рвать свои рубашки, бегать туда-сюда, прыгать и так далее. Даже до того, как включили музыку, некоторые стали хохотать. Музыка заиграла, и они начали сходить с ума, а он сидел посредине и качал головой, пока все это творилось вокруг него. Толпа сходила с ума,

толпа индусов в Дели. Одна женщина кричала, потому что кто-то сзади тянул ее за сари. Это продолжалось минут 10. Затем он снова заговорил: «Это самадхи, когда вы нашли свое самое скрытое желание и просто проявляете его».

Обычно мне было интересно поговорить после с гуру, но не с этим. Затем я увидел, что Маа Ганга проповедует одному индусу из Пенджаба. Он стоял возле нее и говорил: Я член общества йоги, как же вы можете называть самадхи то, что здесь происходит? Вы включили музыку и делаете глупости. Она сказала ему, просто вы на начальной стадии, а мы здесь достигаем вершины. Он был очень разочарован и ушел, сказав: «Вас обманывают». Тогда она повернулась ко мне и сказала: «Многие индусы слишком узко мыслят. Он не видит вообще ничего хорошего в том, что мы делаем, просто полностью отвергает это с самого начала. Но наша линия – держать ум открытым и уважает все». Я спросил: «А вы живете в ашраме Раджнеша в Дели?» Она сказала: «Нет, нет. Там нет спокойствия. Все время приходит столько странных людей. Я живу в ашраме Ауробиндо».

Она пригласила меня поехать туда, потому что двое буддистов назначили ей встречу. Мы сели в небольшой автобус, выкрашенный в цвета Раджнеша, высадили несколько человек возле ашрама Раджнеша, поехали в ашрам Ауробиндо, там у нее была комната с поваром-служкой. В 8:30 пришли двое буддистов, молодых индусов из Делийского университета. Одеты как и Лама, в пурпур. Они спросили как Раджнеш определяет санньясу, она сказала, что это тот, кто непривязан и не чувствует вины ни за что, что он совершает. Они сказали, мы слышали, если можешь без конца заниматься сексом, то ты санньяси. Как это так? Она сказала, да, человек достигает такого уровня, когда это вообще на него не влияет. Один из них сказал, ну а если человек физически не в состоянии столько заниматься сексом? Она сказала: «Ум и тело растут вместе. Когда человек достигает этого возвышенного уровня, где он не отвергает ничего, то тело естественно получает способность к неограниченному сексу. Как Бхагаван – он может все время делать это, но это не влияет на него. Он не чувствует ни усталости, ни вины. Есть только несколько человек, которые

достигли такого понимания. Она назвала несколько имен тех, которые могли делать это, в том числе имя той индийской женщины. Другой буддист спросил: «А почему вы называете его Бхагаван? И почему вы пользуетесь этими терминами из Вед и писаний буддизма, хотя эти писания запрещают подобные действия?». Она сказала: «В любом случае, эти методы в писаниях устарели. Вот вы, например, следуете брахмачарье, но если вы немного отклонитесь от этого, то все ваше развитие пропадет. В наше время люди не могут следовать этому, и наш метод – просто сделать слабость силой, сделать так называемый грех нашей садханой. То есть это новое толкование, модернизация идей из древних писаний, и поэтому мы называем его Бхагаваном, потому что это может делать только Бхагаван». У буддистов больше не было вопросов.

Когда они ушли, она немного рассказала мне о себе. Она была родом из Мадхья Прадеш, хотя ее родители были с запада. Она жила в общине иностранцев-вегетарианцев. Она приехала чтобы поступить в институт в Пунае, и там ей встретился кто-то из Раджнешевцев. Она испанка по происхождению, но ее семья живет в Индии начиная с бабушки. Я попросил у нее книги, и она дала их мне. Я сказал: «Я почитаю их и потом еще приду». Потом я задал несколько вопросов. В следующее воскресенье я вернулся, сначала ходил на программу Ауробиндо, а потом пошел к ней. Мне хотелось нашуметь, потому что все, что я прочитал было полно противоречий. Я вообще не нашел философской доктрины в этом. Слуга попросил меня подождать, она вот-вот закончит омовение. Я готовился к большой дискуссии. Она пришла и села, и перед тем как я смог сказать что-либо, она сказала: «Знаете, я всерьез подумываю о том, чтобы уйти из раджнешевцев». Я спросил: «Почему?». Я уже шесть лет тут, и я не могу избавиться от отвращения к тому, что происходит в ашраме. Я не курю и не ем мясо, меня воспитали так, что я не могу это делать, а они говорят, что это недостатки и я должна избавиться от этого. А еще на сеансах медитации они занимаются сексом, любой мужчина с любой женщиной, а я просто не могу это делать. Я стала представителем этого движения, и они давят на меня, что я не

должна гордиться. Но я просто – просто не знаю – некоторых вещей я не могу делать. Они хотят, чтобы я поехала на запад «стать свободной», но я отказалась. Что мне нравится, так это философия. Мне нравится говорить людям о философии. Но даже это не ценят, хотя это я взяла у Раджнеша, они думают, что я просто притворяюсь интеллектуалкой.

Тут я просто подпрыгнул: «О какой философии вы говорите? Я читал эти книги и я не нашел там философии. Там нет никаких определений. Он использует слова «ум», «тело», «душа», но смысл этих слов теряется от того, как он использует эти термины. У вас нет ни традиции, ни философского развития, кроме вас, где споры ведутся между студентами а написанные комментарии отражают вашу точку зрения. Это просто слова Раджнеша, а он в основном говорит о сексе. Но сознание человек состоит не только из секса. Вы говорите, принимайте все, держите ум открытым. Но мне ваша позиция кажется уколочбой. Это так, как будто ум, интеллект – это зло. Смотрите – вы всего лишь вывернули наизнанку традиционалистов, которых критикуете. Они говорят: «Секс это плохо, а возвышенные устремления – хорошо», а вы говорите – «Возвышенные устремления – плохо, а секс – хорошо». И как же это можно называть широкими взглядами? Почему чистые мысли плохо? Почему плохо не курить? Чем плохо не есть мясо?». Тогда она сказала: «Моя проблема в том, что у меня нет спутника жизни. Я женщина. Мне нужен мужчина, который защитит меня и будет любить. Мне нужен тот, кто протянет мне руку. Я не хочу жить греховно. Но мне так тяжело избавиться от того, в чем я сейчас».

Меня удивило, что она использовала даже термин «греховно», и я указал ей на это. «Ваш Бхагаван говорит, что если вам нравится благочестивая деятельность и не нравится грех, то вы никогда не осознаете истину, потому что находитесь в двойственности. А сейчас вы говорите о чувстве вины. Вы сказали этим мальчикам-буддистам, что санньяса означает отсутствие вины. Так какова же ваша позиция?» Она не ответила. Потом она стала приставать ко мне: «Но если вы мне поможете, я смогу выбраться». Я сказал ей, извините, я Свами, никаких девушек. Но

через несколько дней я заглянул к ней, чтобы узнать, как она поживает. Она была одета в белое – курта, ленга. Без малы, без красного. Я спросил: «Эй, что такое?». Она сказала: «Я полностью прекратила это все со времени нашего последнего разговора». Теперь она читала книги Шивананды. Я сказал: «Знаешь, я прочитал все эти книги». Она сказала: «Вы упоминали, что были там, вот я решила почитать». Я сказал: «Да, но они тоже не приходят к окончательному выводу». Она сказала: «Я ушла от Раджнеша благодаря вам, но вы так и не сказали мне окончательный вывод». Я сказал: «Милая, я и сам еще не знаю». Она сказала: «Давайте искать вместе». Я сказал ей забыть об этом. Я чувствовал, что бросать ее в такой ситуации не очень хорошо. Поэтому я сказал ей, знаешь, я ищу, и когда найду, я скажу тебе. Она дала мне адрес. Потом я выбросил его в реку.

(На этом записи заканчиваются. Он встретил Шрилу Прабхупаду и обрел удачу стать его учеником).

